

Мак Рейнольдс Дуэльный кодекс

Перевод: А. Дубов

Организация Объединенных Планет. Планет с самыми невозможными и невероятными политическими, социальными и культурными системами, пребывающих в весьма хрупком равновесии.

Что-то неладное происходит на планете Фьоренца... Не пора ли и нам разобраться в ситуации вместе с автором и героями-землянами, которые попадают в калейдоскоп забавнейших приключений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Шеф ждет вас, — сказала Ирен Казански. — Только учтите, он сегодня не в духе. С утра рвет и мечет.

Напутствуя вошедших, она ни на миг не отрывалась от дела. Ее ловкие, проворные пальчики порхали над пультом селектора, переключая каналы, нажимая кнопки и клавиши.

— Тебя послушать, так он что ни день рвет и мечет, — ухмыльнулся Сид Джейкс — Не хотелось бы заострять на этом внимание, Ирен, но ты, по-моему, просто играешь на публику. Лучше признайся честно, что на самом деле тебе просто нравится служба в «секции джи»!

Наградой ему был испепеляющий взгляд секретарши.

— Коллега Казански — исключительно исполнительный и добросовестный работник, — заметила с мягким упреком Ли Чжанчжу, стоящая рядом с заместителем главы секции.

Ирен презрительно фыркнула и рявкнула в микрофон:

— Так найдите его, черт побери! — Она перевела канал на прием и с вызовом посмотрела на миниатюрную, не выше пяти футов, китайку, одетую в традиционный национальный костюм из полупрозрачного шелка: — К твоему сведению, детка, мое

заявление уже лежит на столе у босса. Ваш добросовестный и исполнительный коллега сыт по горло. Завтра же перевозжусь в отдел статистики!

Сид саркастически хмыкнул и бросил через плечо, направляясь к двери, ведущей в sanctum sanctorium:

— Хотел бы я посмотреть, как тебе удастся провернуть этот трюк! Старина Росс не расстанется с тобой даже в том случае, если самому Верховному Комиссару вдруг стукнет в голову бредовая идея переманить тебя в свой секретариат.

Ирен раскрыла было рот, чтобы разразиться уничтожающей тирадой, но в этот момент ее внимание отвлек селектор, из которого сразу раздалось несколько голосов. А Сид Джейкс галантно пропустил вперед Ли Чжанчжу и распахнул перед ней дверь в апартаменты начальника, откровенно любуясь ее точеной фигуркой и плавной семенящей походкой, свойственной женщинам Китая и Японии.

— Кстати, Ли, — внезапно спросил он, — почему бы тебе не выйти за меня замуж? Я хорош собой, сравнительно молод и обладаю ангельским характером. Кроме того, я потрясающе опытный любовник и имею отличные перспективы продвижения по службе. В том случае, разумеется, если наш обожаемый шеф когда-нибудь решится сыграть в ящик. — Он поспешно проскочил мимо нее ко второй двери, отделенной от первой просторным тамбуром.

Китайка остановилась, чуть склонив голову на плечо, и ненадолго задумалась.

— По нескольким причинам, гражданин Джейкс, — изрекла она наконец своим серебристым голосом.

— Не могу представить себе ни одной! — оскорбленно воскликнул Сид.

— Чрезвычайно польщена вашим предложением, — вздохнула Ли Чжанчжу, — но мне почему-то кажется, что за внешним обаянием скрывается желчная, себялюбивая натура. И я очень сомневаюсь, что желание «сыграть в ящик» входит в ближайшие планы комиссара Метаксы. Ну а главная причина состоит в том, что вы уже женаты!

— Верно, женат, чего уж там скрывать, — сокрушенно признал Сид. — Но ведь мы всегда можем эмигрировать на Сауди. — Он приложил палец к сканеру, активируя экран в центре двери, и встал так, чтобы находящийся в кабинете мог его видеть.

— Сауди? — переспросила Ли, с любопытством приподняв брови.

Глядя на ее кукольное личико и слыша переливающийся колокольчиками нежный голос, даже самый искушенный наблюдатель не смог бы заподозрить Чжанчжу в принадлежности к рыцарям плаща и кинжала. Хотя эта миловидная китайка действительно была одним из самых опытных инспекторов «секции джи» Бюро расследований департамента юстиции при Комиссариате по межпланетным делам.

Дверь бесшумно открылась. Сид с улыбкой отступил в сторону, пропуская спутницу вперед.

— Сауди, — сообщил он конспиративным шепотом, — это такая планета. Там у них полигамия.

Росс Метакса сидел за письменным столом, заваленным всевозможным хламом. Костюм его, как всегда, выглядел таким помятым, будто он в нем спал. Под стать одежде была и внешность хозяина кабинета. Его красные глаза и мрачная, слегка припухшая физиономия свидетельствовали либо о хроническом недосыпе, либо о чересчур бурных возлияниях накануне вечером.

— Что это еще за группа особых талантов?! — зарычал комиссар «секции джи», даже не дав Сиду времени усадить даму в кресло напротив. Он не глядя запустил руку в ящик стола и извлек оттуда пузатую бутылку и три маленькие стопки. — Денебианская текила! — гордо объявил Метакса, демонстрируя гостям жидкость неопределенно-бурого цвета.

Ли Чжанчжу непроизвольно вздрогнула и вежливо покачала головой в знак отказа.

— Я еще слишком молод, шеф! — заявил Сид Джейкс, решительно отодвигая поставленную перед ним стопку.

— Это мой проект, гражданин комиссар, — сказала Ли. — Разве не вы сами поручили

мне курировать набор новых агентов?

Метакса в бешенстве уставился на нее. Глава «секции джи» был единственным, кто позволял себе так бесцеремонно обращаться с маленькой и внешне безобидной китайкой. Любому другому подобное хамство обошлось бы очень дорого. Он выудил из груды разбросанных по столу бумаг какую-то папку, положил перед собой, раскрыл и громко прихлопнул ладонью.

— Агенты, агенты... — проворчал комиссар. — Конечно, нам нужны агенты. Хотя бы для того, чтобы поддерживать репутацию «секции джи» как самой крутой секретной службы Организации Соединенных Планет! Но на поиск новых агентов уходят годы, а на их подготовку требуется еще больше. Я потому тебе и доверил это задание, что считал крошку Ли самой опытной и надежной из моих подчиненных. Никто не посмеет отрицать, что в оперативной работе лучшего координатора не сыщешь. Да и педагогические способности у тебя хоть куда. Мы все гордимся твоими учениками. Один Ронни Бронстон чего стоит! — Он внезапно повернулся к своему заместителю и спросил: — Между прочим, Сид, как себя чувствует Бронстон?

— Не волнуйтесь, босс, выживет, — небрежно отмахнулся Джейкс — Ронни так просто не ухлопает.

— А точнее? — нахмурился комиссар. — Знаю я ваши штучки!

— Все еще без сознания, — нехотя признался Сид.

Метакса скорчил недовольную гримасу и вновь переключил внимание на мисс Ли, с невозмутимым видом сидящую в кресле.

— Хотел бы я знать, чья это была идея послать на Фалангу восьмилетнюю девочку? — осведомился он зловещим тоном.

Сид Джейкс расхохотался:

— Вы невнимательно прочли рапорт, шеф. Элен всего лишь выглядит восьмилетней. На самом деле ей уже двадцать пять!

— Ладно, допустим, хотя я все равно не понимаю, как может женщина, которая выглядит восьмилетним ребенком, быть оперативником «секции джи»! А этот ее напарник? Бывший шеф-повар из французского ресторана? Где вы его откопали? Если верить три-ди-фото из его досье, этому толстомордому скоро за пятый десяток перевалит. А уж третий агент вообще...

— Прошу прощения, комиссар, — мягко перебила его китайка, — но именно они сумели восстановить статус-кво на Фаланге. После того, осмелюсь напомнить, как мы потеряли там одного за другим трех опытных и проверенных оперативников.

Метакса тупо уставился на нее, потом перевел взгляд на раскрытую папку с рапортом. Налил из бутылки стопку жгучей текилы и быстрым движением опрокинул ее.

— Ну и как же им это удалось?

Ли Чжанчжу грациозно выскользнула из кресла.

— Позвольте предложить вам прогуляться в гимнастический зал, комиссар. В это время дня большая часть группы собирается там, чтобы потренироваться и заодно совершенствовать как раз те не совсем обычные способности, благодаря которым они к нам и попали.

Росс снова собрался устроить разгон, но передумал и вместо этого буркнул в настольный микрофон:

— Ирен, могу я отлучиться на пятнадцать минут?

Сид и Ли не расслышали ответ секретарши, но стали свидетелями гневной реакции босса.

— Ах, вот как! — взревел он. — Плевать я хотел! Все, ты уволена! — Комиссар выскочил из-за стола и ринулся к выходу, ворча себе под нос: — Господи, ну почему я до сих пор терплю эту ужасную женщину?

Сид Джейкс поднялся и последовал за ним.

— Вы терпите ее потому, шеф, — бросил он в спину начальнику, — что эта «ужасная

женщина» разбирается в делах «секции джи» гораздо лучше нас троих, вместе взятых.

Метакса сердито фыркнул и распахнул дверь.

Глава «секции джи» замер на пороге гимнастического зала, пораженно озираясь по сторонам. В огромном гимнастическом зале творилось что-то невообразимое.

На подвешенной под самым потолком трапеции крутилась, выделявая абсолютно немыслимые трюки, маленькая девочка лет семи-восьми. У противоположной стены плотный, коренастый человек со страшной скоростью вращал над головой обыкновенную лопату. Когда он наконец выпустил ее из рук, лопата со свистом прорезала воздух и глубоко вонзилась острием в центр мишени, расположенной, как убедился, скосив глаза, Метакса, футах в тридцати от метателя. У соседней стены разминался мускулистый усатый брюнет, неторопливо похлестывая длиннющим пастушьим кнутом, которые можно иногда увидеть в исторических три-ди-фильмах о Диком Западе.

Мисс Ли, выполняющая роль гида, остановилась рядом с представительным мужчиной необычайно мощного телосложения. Его борцовская фигура с трудом сочеталась со старомодным пенсне и благообразным лицом преподавателя колледжа. Великан увлеченно следил за упражнениями девочки на трапеции. На полу у его ног стояла чудовищной величины гиля.

— Так это и есть твои особые таланты? — язвительно осведомился комиссар, брезгливо обводя взглядом зал. — Нечего сказать, отличное пополнение для нашей конторы!

Сид Джейкс усмехнулся.

— Заткни пасть, ты, гиена! — обрушился Метакса на своего заместителя. — С самого начала связанного с Рассветными мирами кризиса у нас каждый человек на вес золота! Мы все знаем, что людей в «секции джи» отчаянно не хватает, но это еще не повод, чтобы подсовывать мне в качестве агентов каких-то уродов!

Взгляд комиссара задержался на стоящей чуть поодаль женщине средних лет с ничем не примечательной внешностью. Она стойко встретила его пылающий гневом взор и мило улыбнулась.

— Марта Лоран, — представила женщину Ли Чжанчжу. — У нее абсолютная память. Группа оперативников, в составе которой будет Марта, может спокойно работать на любой планете, не нуждаясь ни в каких сведениях справочного характера. Вся нужная информация хранится у Лоран в голове и выдается по первому требованию.

— А это доктор Дорн М. Хорстен, — сказала китаянка, указывая на гиганта в профессорском пенсне, — крупнейший в Галактике специалист по изучению морской микрофлоры. Помимо основной специальности, у него довольно редкое хобби. Он с детства увлекается поднятием тяжестей и завязыванием стальных прутьев в морские узлы. Прутья он обычно использует толщиной в один дюйм. Доктор один из самых сильных людей во всем Содружестве Объединенных Планет. Ничего удивительного, если учесть, что на его родной планете сила тяжести почти в полтора раза превосходит земную. Но все это несколько не мешает мистеру Хорстену оставаться удивительно мягким и добрым человеком, настоящим джентльменом и блестящим ученым — желанным гостем на любой межпланетной научной конференции, посвященной проблемам развития одноклеточных организмов. На подобных сборищах люди редко обращают внимание на его мускулы, и вряд ли кому-то придет в голову заподозрить у всеми уважаемого профессора удивительные способности, которые обычному человеку могут показаться сверхъестественными.

Росс Метакса угрюмо кивнул и указал на усача с кнутом:

— А этот малый чем занимается?

— Зорро Хуарес? Он уроженец планеты Вакамундо, заселенной выходцами из Аргентины. Они специализируются в выращивании элитного рогатого скота и лошадей. Выводят новые породы, заранее приспособленные к природным условиям планет-импортеров. Виртуозное владение бичом — национальный вид спорта на Вакамундо. Вам никогда не приходилось видеть, комиссар, на что способен орудующий

двадцатифутовым кожаным кнутом настоящий артист? Рядом с Зорро даже Вильгельм Телль покажется вам жалким дилетантом. Сеньор Хуарес запросто может не только сбить своим бичом яблоко с головы ребенка, но еще и разрезать его при этом на четыре равные дольки, очищенные от кожуры!

— Нам-то что до этого? — недоуменно спросил комиссар. — На кой дьявол нашим оперативникам умение орудовать кнутом? А яблоко я могу и ножичком разрезать. Или так съем.

— Дело в том, сэр, — терпеливо объяснила Ли, — что в руках специалиста такой бич легко превращается в смертельное оружие. Оно бесшумно, не содержит электронной начинки, не имеет металлических частей и не фиксируется таможенными детекторами.

Глава «секции джи» что-то недовольно проворчал себе под нос, пересек зал по диагонали и остановился рядом с заурядного вида молодым человеком, тренирующимся перед зеркалом в быстром выхватывании оружия из плечевой кобуры. Получалось у него неважно.

— А вы кто такой? — бесцеремонно поинтересовался Метакса.

Парень выглядел немногим старше двадцати. Он смущенно поглядел на комиссара, пожал плечами и скромно ответил:

— Я везунчик, сэр.

— А я Росси, — с кажущимся спокойствием сказал Метакса. — Но для вашего же собственного блага советую в дальнейшем забыть о прозвищах и называть меня гражданином комиссаром. Между прочим, я имел в виду совсем другое. Какой у вас особый талант, юноша?

— Так я же вам уже сказал. Я везунчик!

Тяжелый взгляд Метаксы задержался на растерянной физиономии молодого человека, потом переместился на Ли Чжанчжу.

Китайка мелодично рассмеялась:

— Это Джерри Родс, сэр. И он сказал вам чистую правду. Его особый талант состоит в том, что ему постоянно везет!

Росс на несколько секунд закрыл глаза, шепча про себя что-то неразборчивое. Когда он открыл их снова, они излучали холодное бешенство.

Джерри осторожно откашлялся:

— Прошу прощения, сэр, но я правда не знаю, как это объяснить.

— Так я и думал, — недоверчиво хмыкнул комиссар. — Тогда продемонстрируйте хотя бы!

Родс на мгновение задумался.

— Хорошо, — кивнул он. — Только я должен предупредить вас, сэр, об одном предварительном условии. Для успеха эксперимента необходимо, чтобы я был материально заинтересован.

— И что же это условие означает?

Молодой человек сунул руку в карман и достал оттуда небольшой металлический диск.

— Вам известно, что такое монета, сэр?

— Мне известно, что такое монета, юноша, — ответил Метакса. — Мне даже известно, что на многих отсталых планетах Содружества они до сих пор в ходу. Послушайте, Родс, или как вас там, только не считайте меня болваном, пожалуйста! На моей должности дуракам делать нечего.

— Конечно, сэр, — согласился Джерри. — Это очень старая монета, отчеканенная в Соединенных Штатах Америки. — Он пригляделся повнимательнее: — Нет, вру, во Франции.

— Какая разница?! — нетерпеливо перебил его Росс — Монета есть монета. Валяйте дальше.

— Очень хорошо. Ставлю сотню межпланетных кредитов, что эта монета, если я ее подброшу, ляжет «орлом» вверх. Вы согласны на мою ставку, комиссар?

Метакса неприязненно посмотрел на парня, но отступить было некуда.

— Ладно, бросайте, — махнул он рукой, — хотя я пока не понимаю, куда вы клоните.

Джерри подбросил монету под самый потолок. Когда она упала на пол, он даже не потрудился взглянуть на нее.

— Вы должны мне сто кредитов. — Он повернулся к комиссару: — Заплатите наличными или переведете на мой счет? В последнем случае хотелось бы получить от вас документальное подтверждение.

Метакса раздраженно обернулся к Ли Чжанчжу:

— Не вижу ничего необычного. Любой может бросить монету и выиграть. Пятьдесят на пятьдесят. При чем тут везение?

Сейчас поймете, — загадочно улыбнулся Родс. — Переходим ко второму этапу. Держу пари на ту же сумму, что монета ляжет «орлом» вверх три раза подряд. Принимаете?

Росс моргнул:

— Принимаю.

«Орел». «Орел». «Орел».

— Теперь вы должны мне двести кредитов, сэр, — равнодушно констатировал Джерри. — Ставлю еще сотню, что теперь «орел» выпадет пять раз подряд. Или решка. На ваше усмотрение.

Скептицизма у комиссара заметно поубавилось.

— Дайте-ка сюда эту вашу чертову монету, — потребовал он и, не обнаружив ничего подозрительного, спросил: — А что потом, если я проиграю?

— Потом я предложил бы вам сыграть на то, что я сумею выбросить монету одной стороной десять раз подряд, — сообщил Родс — К сожалению, мне редко когда удается раскрутить кого-нибудь до этой стадии. Так вы готовы рискнуть, комиссар?

— Только не с вами! — огрызнулся Метакса. — Он повернулся к Ли и Джейксу и указал на мужчину в противоположном конце зала: — А этот чем занимается?

На этот раз ответил Сид:

— Это Джордж Киллмер, лицензированный орбитальный расчетчик. Специалист по баллистике. В свободное от работы время обожает решать задачки из области прикладной звездной механики. В частности, уравнения взаимодействия планет во вновь открытых звездных системах. На основной службе прокладывает предварительные полетные курсы для торговых и военных кораблей. Обладая такой квалификацией, мистер Киллмер может появиться на любом из обитаемых миров, не опасаясь, что его примут за нашего агента.

— Опять же не понимаю, какое отношение имеет его квалификация к нашей секции? Какой у него особый талант?

Сид ухмыльнулся и сказал:

— Вы не поверите, шеф, но этот парень — самый ловкий карманник, которого Ли удалось вычислить, просмотрев полицейские досье и архивы всех планет, сотрудничающих с Интерпланетполом. Очень может быть, что в его лице мы имеем дело с величайшим щипачом всех времен и народов. Вы только представьте себе, босс: почти три тысячи планет в Содружестве, на каждой из которых проживает в среднем два миллиарда человек, — и лучший карманник из всей этой уймы народа Джордж Киллмер!

Росс Метакса в отчаянии зажмурился. Когда он снова открыл глаза, взгляд их был устремлен на Ли Чжанчжу.

— Вот что я тебе скажу, крошка, — начал он. — У меня нет оснований утверждать, что ты сознательно пытаешься саботировать деятельность «секции джи». Твоя преданность и безупречный послужной список не дают мне повода для подозрений такого рода. Но когда я поручал тебе набор новых агентов, то никак не рассчитывал, что ты не сумеешь найти никого лучше этой банды карманников, лопатометателей и... и везунчиков. Такой сброд меня не устраивает, понятно?! Приказываю немедленно вернуться к прежней системе подбора кадров.

Ли отрицательно покачала головой:

— У нас нет времени, гражданин комиссар, и вам это хорошо известно. Нам срочно нужны новые люди, но мы больше не можем себе позволить просеивать сквозь сито всех молодых людей Содружества в поисках потенциальных кандидатов, не говоря уже о пятилетнем курсе обучения, необходимом для превращения их в действующих оперативников. Только за один прошлый год на нашу контору свалилось больше дел, чем за предыдущие десять.

— Ха! Можно подумать, я об этом первый раз слышу!

— Задача направлять, поддерживать и подталкивать

Объединенные Планеты на пути прогресса сегодня актуальна, как никогда прежде, — настойчиво продолжала китаянка. — И это при том, что девять из десяти членов ООП бессознательно сопротивляются такому давлению с нашей стороны. И сопротивлялись бы намного сильнее, будь им известны истинные цели нашего департамента! Человек так устроен, что инстинктивно стремится сохранить привычные для него условия существования, выражающиеся в господствующих религиозной, политической и социальноэкономической системах, расовых предрассудках и моральных принципах, нимало не заботясь о том, в какой мере они способствуют или противодействуют развитию общества. Пытаясь коренным образом изменить сложившееся общественное устройство, мы потеряли на разных мирах более двух десятков опытных агентов только за последние несколько месяцев.

Но гнев в глазах комиссара еще не угас.

— Даже если допустить, что оперативная обстановка известна вам лучше, чем мне, инспектор Ли, вы все равно зря стараетесь. Мне нужны агенты, а не балаганные шуты!

— Прежде всего вам нужны люди, которые дадут результат, шеф! — парировала китаянка. — Именно таких людей я и стараюсь отыскать среди населения всего Содружества. Причем отбираю их не только за особые таланты, но и за приверженность к прогрессивным идеалам! — Она обиженно надула губки и с вызовом посмотрела на Метаксу.

Тот вместо ответа указал на Джерри Родса, возобновившего перед зеркалом свои жалкие потуги с выхватыванием из плечевой кобуры крупнокалиберного пистолета модели «эй».

— Скажи честно, Ли, разве сможет этот клоун справиться хотя бы с одним из громил-профессионалов с планеты Гошен? Да любой из тех парней сожжет его раньше, чем он успеет достать свою пукалку! А если и успеет, то скорее отстрелит собственную ногу, судя по тому, как он обращается с оружием.

— Только не с его везением! — возразил Джейкс.

— Хочешь сказать, что он со своей дурацкой монеткой выиграет у гошенского пистольеро его игрушку еще до того, как тот откроет огонь? — усмехнулся Метакса.

— Позвольте напомнить, что на счету группы особых талантов уже имеется одно успешно выполненное задание, гражданин комиссар, — заметила китаянка. — Почему бы вам не поручить им еще одно и посмотреть, что получится, сэр? Если они не добьются успеха, будем считать, что вы правы. К тому же мы никогда не прекращали подготовку кадров прежними методами.

Глава «секции джи» заколебался.

— Вы ведь ничего не теряете, босс, — с усмешкой подначил его Сид Джейкс. — Ну же, решайтесь! Пан или пропал.

Метакса воздел очи горе, словно рассчитывая прочесть на потолке слова божественного откровения. Ничего там не обнаружив, он пробормотал себе под нос что-то нелестное об окружающих его «подлых интриганах» и вновь обратил взор на Ли Чжанчжу.

— Ладно, действуй. Я на все согласен, лишь бы привести тебя в чувство, — сказал он и добавил после краткого раздумья: — На Фьоренце сейчас как раз заваривается подходящая каша. Ничего такого особенного, с чем не могла бы справиться обычная оперативная группа. Пожалуй, это то, что надо. Выбери из этих вундеркиндов четверых на твое усмотрение и

пришли ко мне в кабинет.

С этими словами комиссар удалился, продолжая недовольно ворчать. Сид Джейкс сочувственно улыбнулся.

— Старик дал тебе голевой пас, малютка, — сказал он. — И только от тебя зависит, попадешь ли ты в ворота!

Ли задумчиво закусила нижнюю губу и обвела внимательным взором гимнастический зал, где резвились ее многочисленные питомцы.

Они сидели в ряд перед столом. Росс Метакса никак не мог оторвать глаз от девчушки лет восьми в прелестном розовом платьице. Ее чудесные белокурые волосы, перехваченные пышным розовым бантом, ниспадали до плеч, как давно уже не было модно.

— Вы уверены, что вам действительно двадцать пять лет? — не выдержал комиссар.

Элен, держа в правой руке небольшой красный мячик, легко соскользнула с кресла на пол. Подбрасывая и ловя игрушку, она вприпрыжку обегала вокруг стола, напевая тоненьким девичьим голоском:

Три малышки в голубом,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Три малышки в голубом,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

Очаровательное зрелище, но Метакса пребывал не в том настроении, чтобы поддаться чьим-то чарам. Он рассерженно зарычал, когда эфирное создание доверчиво прильнуло к нему и зашептало на ухо, чуточку шепелявя:

— Неприлично интересоваться у дамы ее возрастом, но вам я, так и быть, скажу. Мне не двадцать пять, а уже целых двадцать шесть!

Продолжая нашептывать, она своими детскими ручонками проделала с мячиком какие-то манипуляции, отчего тот распался на две половинки. Элен незаметно извлекла из полой сердцевины крошечный пневмошприц и резко воткнула его в бок комиссару.

— Три малышки в голубом... — ехидно пропела она. Трое ее коллег громко расхохотались и зааплодировали.

— Благодарение Святому Пределу, что она на нашей стороне, — вполне серьезно заметил доктор Хор-стен.

— Ну хорошо, хорошо, согласен, — пробурчал Метакса. — Полагаю, вам отлично удастся подслушивать разговоры взрослых и все такое прочее. Вот только... — Не закончив фразы, он ожесточенно замотал головой, дождался, пока Элен усядется на свое место, и перевел взгляд на двух других членов группы, до сих пор не проронивших ни слова.

Старший из них, представленный Ли Чжанчжу как Зорро Хуарес, виртуоз по владению ковбойским бичом с планеты Вакамундо, мог бы считаться красавчиком по меркам латиноамериканской расы. Смуглое, непроницаемое лицо свидетельствовало о скрытном, угрюмом и недоверчивом характере его обладателя. Зорро сидел спокойно, небрежно поигрывая продолговатой штуковиной, напоминавшей жезл тамбурмажора и распиленную пополам ручку от швабры. Палка длиной в полтора фута была обтянута натуральной кожей с декоративным тиснением.

— Насколько я понимаю, мисс Ли имела возможность лицезреть ваши трюки, — обратился к нему Метакса. — Все это замечательно, но я не вижу самого кнута.

— Обмотан вокруг талии, — коротко ответил Хуарес.

— Да уж, — насмешливо фыркнул комиссар, — с таким оружием быстро не развернешься!

Все это время Зорро продолжал легонько постукивать покрытым кожей предметом по ладони левой руки. Внезапно — должно быть, он нажал на скрытую кнопку — из верхнего конца палочки, оказавшейся рукоятью хлыста, вырвался длинный узкий язык гибкого

пластика. Неуловимым движением кисти Хуарес привел его в действие. Кончик бича по-змеиному молниеносно скользнул к комиссару и обвился вокруг торчащего из нагрудного кармана стилоса. Еще одно едва заметное движение — и стилос перекинулся к Зорро, небрежно швырнувшему его на стол.

— Надо же! — восхитился Дорн Хорстен. — По-моему, это что-то новенькое?

— На Вакамундо почти все носят такие игрушки, — ответил Хуарес, снова нажимая на кнопку. Пластиковый хлыст мгновенно втянулся внутрь рукояти.

Метакса скривился и посмотрел на четвертого кандидата. Джерри Родс привольно развалился в мягком кресле с отсутствующим выражением на лице.

— Ну, а вам, очевидно, в предстоящем задании уготована роль приносящего удачу талисмана? — ехидно спросил комиссар.

Джерри вяло пожал плечами:

— Не думаю, что это сработает, сэр. Мое везение не распространяется на других. Необходимо, чтобы я был персонально заинтересован.

— Но, если вы так удачливы, почему бы не попытать счастья на планете типа Вегаса с его высокоразвитой индустрией развлечений, включающей игорный бизнес? Вы бы легко сорвали банк в любом казино.

Родс, соглашаясь, кивнул.

— Благодарю за совет, сэр, но так уж вышло, что на Вегасе я считаюсь персоной нон грата. Хотя дело даже не в этом. Видите ли, когда человеку во всем сопутствует удача, он не испытывает особой потребности в деньгах. Он и так получает все, что пожелает.

— Как это? — подозрительно нахмурился Метакса.

— Ну-у... — Джерри задумался. — А черт его знает. Как-то само собой все образуется, сэр.

Комиссар издал странный горловой звук и не глядя запустил обе руки в ящик стола, откуда извлек пузатую бутылку темного стекла и несколько стопок.

— Кто-нибудь желает отведать этой превосходной денебианской текилы? — спросил он, судя по тону вовсе не рассчитывая на положительный ответ.

— Немного рановато для меня, — вежливо отклонил предложение доктор Хорстен.

Остальные, исключая Элен, будучи наслышаны о своеобразных пристрастиях шефа «секции джи» в отношении спиртного, тоже отказались. Метакса вздохнул и наполнил до краев одну из стопок.

Элен завладела ею на долю секунды раньше ошеломленного комиссара и осушила крепчайший напиток с такой скоростью, словно это был фруктовый сок.

— У-ум! — выдохнула она с нескрываемым удовольствием. — Хорошо пошла!

— Хорошо пошла, — тупо повторил Метакса, с изумлением глядя на опустевшую стопку. — Первый раз слышу, чтобы кто-нибудь так отзывался о моей текиле! — Он перевел взгляд на стоящее рядом с ним миниатюрное существо в детском нарядном платьице и потряс головой. Комиссар выглядел совершенно выбитым из колеи и даже не вспомнил о том, что сам остался без выпивки.

— Ладно, леди и джентльмены, — произнес он после длительной паузы, — давайте наконец перейдем к делу, хотя мой оптимизм по поводу успеха вашего задания убывает с каждой минутой. Кто-нибудь из вас слышал о планете под названием Фьоренца?

Дорн Хорстен многозначительно откашлялся:

— Несколько лет назад я побывал там на научной конференции, посвященной проблемам изучения таллофитов. Хотя в то время я мало интересовался общественными институтами планеты, у меня сложилось о ней впечатление как о довольно благополучном мире, движущемся по пути прогресса.

— Увы, недостаточно быстро, доктор Хорстен. Фьоренцу колонизировали сравнительно недавно. Большую часть населения составляют уроженцы Авалона, заселенного, в свою очередь, выходцами из Италии. По статусу Фьоренца все еще принадлежит к Пограничным мирам, где людям, казалось бы, открывается полный простор

для развития инициативы и свободной конкуренции. К сожалению, дело обстоит не совсем так.

— И нам предстоит, — подхватила Элен неожиданно серьезным и взрослым голосом, — свергнуть прогнивший консервативный режим и привести к власти прогрессивно мыслящую оппозицию?

Росс Метакса хмуро покачал головой:

— Нет. Как раз наоборот. Оппозиционное подпольное движение на Фьоренце вот уже долгие годы досаждают Первому Синьору и возглавляемому им правительству. Подпольщики действуют исключительно скрытно и изощренно. Борьба с ними отвлекает столько сил и средств, что это неизбежно сказывается на нормальном развитии общества. Проще говоря, именно диссиденты служат главным тормозом на пути планеты к прогрессу.

Хорстен пальцем поправил пенсне и задумался.

— У «секции джи» имеется постоянный резидент на Фьоренце, сэр? — спросил он.

— Имелся до недавнего времени. Старый служака по фамилии Бульшан. Он получил вызов от фьорентийца и был застрелен на дуэли.

Все четверо уставились на комиссара. Тот смущенно заерзал в кресле под их недоуменными взглядами:

— Я ведь, кажется, уже упоминал, что Фьоренца относится к Пограничным мирам? Так вот, там сложилась совершенно уникальная система правил и обычаев, связанных с обороной. Нечто подобное, насколько мне известно, существовало только в древних Соединенных Штатах во времена освоения пограничных территорий. Быть может, кому-то из вас известен старый афоризм: «Все люди равны от рождения. Бог и мистер Колт создали их такими»?

Зорро Хуарес пошевелился:

— Вы хотите сказать, что они там все разгуливают вооруженными?

— Полагаю, так оно и есть. Фьорентийский джентльмен всегда готов защитить свою честь. Подчеркиваю, всегда! И такое положение вещей иногда приводит к весьма необычным осложнениям. В политике, например.

— Нельзя ли прояснить последний пункт, сэр? — неожиданно заинтересовался Джерри Родс.

И без того хмурая физиономия комиссара совсем помрачнела.

— Согласно их Дуэльному кодексу, единственными гражданами планеты, которых запрещено вызывать, являются Первый Синьор и девять других членов его кабинета. Загвоздка в том, что на время выборов запрет отменяется. Разумеется, действие кодекса распространяется только на полноправных граждан планеты. Считается, видимо, что преступники и другие подонки общества априори лишены чести и права ее защищать.

— Выходит, во время избирательной кампании политические противники могут вызывать друг друга на дуэль, если кто-то из них сочтет себя оскорбленным? — уточнил Родс.

— Выходит, так, — подтвердил Метакса. — Мания фьорентийцев драться по малейшему поводу — это одна из причин, по которым ни одному из резидентов «секции джи» не удастся закрепиться на планете на сколько-нибудь продолжительный срок. Чтобы постигнуть все тонкости Дуэльного кодекса, требуется время. Любой непосвященный неизбежно нарывается на вызов, не прожив на Фьоренце и недели. А вы сами понимаете, что даже лучшие из наших агентов не могут всегда выигрывать.

— Интересные у них порядки, — задумчиво произнес Хуарес. — Получается, во время выборов любой из кандидатов может вызвать Первого Синьора или другого соперника, в результате чего высшие посты в государстве достанутся тем, кто более метко стреляет или сможет быстрее выхватить оружие?

— Вы прекрасно сформулировали мою мысль, — сухо заметил комиссар.

— Но как же мы можем поддерживать такую политическую систему?! — ужаснулась Элен.

Метакса смерил ее фигурку ледяным взглядом:

— Не приписывайте «секции джи» большего, чем она заслуживает. Мы заинтересованы в ускорении прогресса — и только. Общественно-экономическое устройство, религия и прочие институты того или иного мира нас не касаются до тех пор, пока система срабатывает. В этом плане к Фьоренце у нас претензий нет. Там все в порядке, если не считать проклятых диссидентов, которые постоянно вставляют палки в колеса. — Он еще раз поочередно оглядел сидящую перед ним четверку: — По неизвестным мне причинам власти Фьоренцы до сих пор не сумели ликвидировать подполье. Рискну предположить, что обычные полицейские методы малоэффективны в сложившемся противостоянии. Но у вас ведь особые таланты, вот и воспользуйтесь ими! — усмехнулся комиссар и добавил с откровенной издевкой: — Если, конечно, сумеете.

2

Ирен Казански, с присущей ей расторопностью, уже успела позаботиться о прикрытии для каждого из членов группы.

Проще всего обстояло дело с «легендой» для Дорна Хорстена и Элен. Крупный ученый с дочерью отправляется в научную командировку с целью координации усилий различных планет в области исследования одноклеточных водорослей. Программа визита на Фьоренцу предусматривала посещение крупнейших университетских центров планеты.

— Папуля! — фыркнула Элен, смерив взглядом Хорстена.

— Будь ты дюймов на шесть повыше, я мог бы взять тебя в вояж в качестве любовницы, — мечтательно протянул Джерри Родс — Только прикид не мешало бы покруче подобрать.

— Будь я дюймов на шесть повыше, с удовольствием надрала бы тебе задницу! — огрызнулась Элен. — Впрочем, с таким слабаком я и без этого справлюсь!

Дорн Хорстен добродушно ухмыльнулся.

— Нет, мне никогда, наверное, к этому не привыкнуть, — прогудел он, качая головой.

Ярость Элен мгновенно обратилась на псевдопапашу:

— А ты чего зубы скалишь, как мерин-переросток?! Не вижу здесь ничего смешного!

— Спокойно, спокойно, коллеги, — вмешалась Ирен. Она оценивающе поглядела на Зорро, скривила губы и еще раз сверилась с его досье: — Вы, гражданин Хуарес, будете представителем скотоводческой индустрии вашего родного мира. На Фьоренце постарайтесь завести связи с деловыми людьми, заинтересованными в разведении и импорте элитного скота, и подписать с ними контракты о намерениях. Знаете, на развивающихся планетах всегда находится рынок сбыта для такого предмета роскоши, как натуральная говядина. Что-то вроде символа статуса.

Зорро кивнул:

— Думаю, с этим проблем не будет.

Напоследок Ирен Казански обратила внимание на Джерри Родса. После стычки с Элен тот ушел в себя и взирал на происходящее вокруг с легким недоумением, как будто его это вовсе не касалось.

— Вы сами вообще-то в состоянии изобрести подходящий предлог для посещения одного из Пограничных миров, такого, как Фьоренца, мистер Родс? — язвительно осведомилась она.

Джерри надолго задумался.

— Для развлечения? — предположил он неуверенно.

Не удостоив его ответом, Ирен погрузилась в углубленное изучение лежащего перед ней личного дела.

— И где только вас откопала коллега Ли Чжанчжу? — рассеянно пробормотала она.

— На ипподроме.

Ирен подняла глаза. Джерри смущенно завожился в кресле и промямлил:

— Понимаете, я как раз поставил на лошадь... — Теперь уже все смотрели на него. Родс откашлялся и добавил, как будто это что-то объясняло: — И она сломала ногу. — Никто не проронил ни слова. — Только лошадь все равно выиграла, — закончил Джерри.

— То есть как это выиграла? — изумился Зорро. — Ты же сам сказал, что она сломала ногу!

— Верно, сказал. Но вы бы видели, что произошло с другими лошадьми и жокеями! Там была такая куча-мала... А моя все же как-то сумела доковылять до финиша.

— Ради Святого Предела, не рассказывайте больше ничего, мистер Родс! — взмолилась Ирен Казански. — Я не желаю вас больше слушать! Скажите лучше, как вам понравится роль молодого оболтуса с планеты Каталина, наследника огромного состояния? Суть такова. Ваше семейство стонет под бременем налогов, взимаемых правительством на так называемые социальные нужды. Вы отправляетесь на Фьоренцу, чтобы оценить перспективы вложения капиталов вашего отца в экономику этого окраинного, но быстро развивающегося мира. Нет, лучше матери — ни один нормальный отец не доверит вам ни гроша!

Предложение Ирен как будто бы польстило Джерри, а намек на его деловые и умственные способности он предпочел пропустить мимо ушей.

— Что-то вроде плейбоя, да?

Элен презрительно фыркнула, но Ирен его слова заставили задуматься.

— Пожалуй, — согласилась она наконец. — Полагаю, вам не составит большого труда контролировать этот аспект «легенды». Плейбой, кутила и совершенно безответственный тип. — Тон ее вновь стал подчеркнуто деловым. — Сейчас я подключу коллег из костюмерной и других служб, а вы все свободны. Будьте готовы вылететь утром в понедельник челночным рейсом до космопорта в Нью-Альбукерке.

Информация о диссидентском подполье, деятельность которого сотрясала основы общественного устройства Фьоренцы, оказалась на удивление скудной. Убитый на дуэли резидент незадолго до безвременной кончины сообщил, что подготовил пространный рапорт о положении дел на планете, но никаких материалов с Фьоренцы так и не поступило. Сид Джейкс рекомендовал членам группы прояснить этот момент в первую очередь.

Не имея сведений о конкретных возможностях подполья, агенты решили на всякий случай соблюдать строгую конспирацию и не выказывать знакомства вплоть до посадки на грузопассажирский корабль «Полумесяц». На борту все, естественно, «перезнакомились» между собой, но первое время из предосторожности общались чисто формально. Родс и Хуарес, к примеру, демонстрировали стойкую взаимную антипатию, а Элен разыгрывала пылкую детскую влюбленность в красавца Зорро. Лишь в те редкие моменты, когда на пассажирской палубе не было никого из членов экипажа, они позволяли себе ненадолго собираться вместе и обсуждать полученное задание.

На третий, по земному времени, день полета доктор Хорстен комфортабельно расположился в просторном кресле и, не обращая внимания на окружающих, занялся просмотром каких-то научных записей. Его белокурая «дочурка» Элен бесцеремонно оккупировала колени и внимание «дяди» Зорро. А Джерри Родс, за неимением лучшего, соблазнил второго помощника капитана разыграть с ним партию в боевые шахматы. Гельмут Бринкер, грузный, угрюмый мужчина с типичной для астронавта внешностью, легко клянул на предложение. При этом он совершил классическую ошибку, согласившись играть на деньги.

После первых же ходов Бринкер с удовлетворением убедился, что его партнер никогда не проводил долгие часы ночных вахт, разыгрывая с коллегами бесконечную череду партий. Джерри Родс в своем пестром, легкомысленном наряде каталинского плейбоя двигал фигуры, не задумываясь и не заботясь о последствиях. В результате его пехотинцы вынуждены были отступать по всему полю под массивным натиском танковой армады Бринкера.

Дело близилось к полному разгрому, но в критический момент корабль резко потряхнуло.

Фигуры перемешались и раскатились в разные стороны. Второй помощник тупо уставился на доску, перевел взгляд на дверь, ведущую в капитанскую рубку, недоверчиво потряс головой и опять вернулся к созерцанию воцарившегося на доске безобразия. Придя в себя, он с подозрением посмотрел на невинную физиономию Джерри и снова покачал головой.

— Выигрыш был у меня в кармане, — хрипло произнес Бринкер. — Поверить не могу: второй раз подряд одно и то же!

— Неправда, — кротко возразил Родс — Первый раз вы сами смахнули половину фигур рукавом как раз в тот момент, когда я готовился перейти в контратаку.

— В контратаку! Как же! — разозлился помощник. — Да у вас в той партии не оставалось ни единого шанса! Если не верите, могу восстановить ее по памяти.

— Мы так не договаривались, — отказался Джерри. — И дело тут не в деньгах, а в принципе. Вот я, например, ни за что не смогу восстановить ход игры по памяти и очень сомневаюсь, что это получится у вас.

Бринкер вскочил и молча выбежал из зала, кипя от едва сдерживаемой ярости.

— Лучше бы тебе смыться с моих коленей, Элен, — сказал вполголоса Зорро Хуарес.

— Ой, что такое? Почему ты меня прогоняешь, дядя Зорро? — удивилась Элен, с обожанием глядя на него по-ангельски невинным детским взглядом.

— Живо слезь с колен, маленькая ведьма! — злобно зашептал Хуарес. — Можешь корчить из себя маленькую девочку перед ослом Бринкером, но только не передо мной!

— Послушай, Элен, — вмешался в диалог Джерри, — если хочешь, можешь посидеть у меня на коленях. Я не возражаю.

Та пренебрежительно хмыкнула, но все же спрыгнула на пол и подошла к шахматному столику, на котором Родс машинально расставлял в начальную позицию разбросанные фигуры.

— Как ты это сделал? — спросила она.

— Что сделал?

— Он дважды загнал тебя в глубокую задницу. Тебе уже и ходить-то было нечем. И оба раза ты ухитрился устроить «китайскую ничью». Как, я спрашиваю?

— Просто повезло, я думаю.

— Ой, только не надо мне лапшу на уши вешать! — Элен вскарабкалась на стул, на котором минутой раньше сидел второй помощник, и строго потребовала: — Быстро колись, пока я добрая!

Джерри поставил на доску фигурку пехотинца, которую держал в руке, и погрузился в размышления.

— Вообще-то у меня есть одна теория... — начал он. Доктор Хорстен оторвался от своих научных трудов

и заинтересованно поднял голову.

— Был бы счастлив услышать вашу версию, молодой человек, — пробасил он.

— Я тоже, — присоединился Зорро.

— Мне просто везет, — сказал Джерри. Трое его коллег дружно застонали.

— Ну вот, все та же сказка про белого бычка, — констатировала Элен, смерив сидящего напротив Родса убийственным взглядом. — А как ты объяснишь тот факт, что нам троим за обедом неизменно достаются жесткие, как башмак, бифштексы, тогда как твой легко режется простой вилок?

— Чистой воды везение, — повторил Джерри.

Элен с отвращением сморщила нос.

— Честное слово, друзья! — горячо заговорил Родс — Везение действительно существует! Только некоторым людям везет гораздо больше, чем всем остальным.

Дорн Хорстен подвинул пенсне ближе к основанию носа и произнес:

— Как ученый, могу заявить, что ни разу не сталкивался с достоверной информацией, подтверждающей вашу гипотезу.

Джерри вздохнул и выудил из кармана монетку.

— Кто-нибудь из вас слышал о законе случайности?

— Так называемом, — уточнил Хорстен.

— Не важно, — отмахнулся Родс — Представьте себе, что я подкинул эту монету сто раз подряд. Что произойдет?

Ответить решил Зорро Хуарес, его смуглое, симпатичное лицо выражало неподдельный интерес.

— Согласно закону случайности, пятьдесят раз выпадет «орел» и столько же «решка».

— Это в среднем, — добавил Джерри. — Теперь возьмем сто человек и заставим их всех подбрасывать монетку. Кто-то из них выкинет «орла» сорок пять раз, а «решку» — пятьдесят пять. В то же время кто-то другой, наоборот, выбросит монету пятьдесят пять раз «орлом» и только сорок пять — «решкой». Такой разброс не будет влиять на среднестатистический результат, согласны?

— Ты к чему клонишь? — не выдержала Элен. Джерри упрямо продолжал пояснения, словно не

слыша ее слов:

— А сейчас предположим, что в нашем распоряжении имеется не сто человек, а миллиард. Следуя все тому же закону случайности, можно предположить, что среди этого миллиарда найдутся такие, кто выкинет монету «орлом» сто раз подряд. На средний результат это не повлияет, потому что кто-то, в противовес ему, выбросит подряд сотню «решек». — Он обвел взглядом лица коллег. — Надеюсь, теперь вы догадались, к чему я клоню?

— Нет! — отрезала Элен.

— Жаль, — пожал плечами Родс — Так вот, я хочу, чтобы вы поняли, что везение тоже распределяется

по закону случайности. У подавляющего большинства людей удачи и неудачи чередуются в приблизительно равной пропорции. В удачный день человек находит, допустим, дорогое кольцо, выигрывает на скачках или с ним происходит еще что-то хорошее. А в неудачный все наоборот: он теряет какую-то вещь, проигрывает пари или вляпывается в неприятности.

— Продолжайте, прошу вас, — кивнул доктор Хорстен, сосредоточенно наморщив лоб.

— По-моему, аналогия с подбрасыванием монетки вполне очевидна. То, что одним людям везет больше, а другим меньше, нисколько не сказывается на действии закона случайности. Любой из вас мог не раз убедиться на собственном опыте, что для одних на жизненном пути вообще не существует препятствий — как будто их сметает невидимой метлой в нужный момент. А другим так не везет, что человек ломает палец, ковыряясь в собственном носу.

Зорро хмуро усмехнулся незатейливой шутке, но Элен и бровью не повела:

— Я так и не услышала, какое отношение вся эта дребедень имеет к тебе?

— Но это же так просто! В настоящее время только в ООП входит около трех тысяч планет, на которых в совокупности проживает больше триллиона людей. Кому-то из них везет больше, кому-то меньше, но по закону случайности обязательно должен найтись человек, которому везет больше всех.

Три пары глаз безмолвно уставились на Джерри Родса.

— И этот человек — я.

Дорн Хорстен шумно выдохнул и с кривой усмешкой на губах тяжело осел в глубь кресла. Элен, вне себя от негодования, пустила в ход последний, убийственный с ее точки зрения, аргумент:

— Допустим, ты прав, но ведь в любой момент все может перемениться, и вместо «орлов» ты начнешь выбрасывать одни только «решки»!

— Ничего не переменится, — уверенно заявил Джерри.

— Это еще почему?

— Потому что я везунчик.

Элен в отчаянии всплеснула руками. Зорро тактично откашлялся.

— Послушайте, коллеги, — начал он, — я ничего не имею против обсуждаемой темы, но раз уж мы тут одни, хотелось бы выяснить и кое-что другое.

— С моей стороны возражений нет, — заявила Элен, злобно покосившись на Родса.

— Вы знаете, что это мое первое задание, — заговорил Хуарес — Инспектор-координатор Ли Чжанчжу включила меня в группу, прежде чем я успел пройти хотя бы начальный ориентационный курс, обязательный для всех агентов «секции джи». Я понимаю, что секретность в нашем департаменте превыше всего, но буду благодарен, если вы проясните для меня некоторые детали. Полагаю, что с открытыми глазами сумею проявить себя более эффективно, чем работая вслепую.

— Какие детали вы имеете в виду, Зорро? — осведомился Хорстен.

— Ну, в первую очередь хотелось бы выяснить, что такое Рассветные миры? Я уже в курсе, что сама «секция джи» существует лишь для того, чтобы подталкивать входящие в ООП планеты по пути прогресса и следить, чтобы они с него не сворачивали. И я слышал, что все это делается для того, чтобы человеческая раса к моменту контакта с иным разумом, если таковой когда-нибудь произойдет, была сильной, сплоченной и во всеоружии.

— Ты попал в самую точку, приятель, — кивнула Элен. — Этот момент настал. Человечество столкнулось с иным разумом. Только я бы не сказала, что мы к этому были готовы!

Зорро недоверчиво ухмыльнулся:

— Ты хочешь сказать, что Рассветные миры, о которых бродит столько слухов, населены враждебной расой?

— Дело обстоит не совсем так, — вмешался Хорстен. — Вы ошибаетесь сразу по двум пунктам — я имею в виду вас, Элен. Во-первых, речь вовсе не идет о конфронтации. Напротив, мы всячески стремимся избежать любого контакта с чужаками. Более того, мы опасаемся даже вступать с ними в переговоры. Их технология настолько превосходит нашу, что у ученых-экспертов глаза на лоб вылезают. Их реакторы, к примеру, работают по принципу полного распада материи и обеспечивают энергией в неограниченном количестве. Кроме того, у них имеются конвертеры, способные в буквальном смысле слова преобразовывать любую форму материи во все, что угодно. — Доктор выдержал паузу, прежде чем взорвать бомбу: — Однако термин «иной разум», использованный Элен, неприменим к этим существам. По имеющимся у нас сведениям, их нельзя считать разумными.

Зорро выпучил глаза. Ученый снисходительно усмехнулся.

— Я реагировал приблизительно также, друг мой, — признался он, — когда Сид Джейкс поведал мне о существовании Рассветных миров. С другой стороны, некоторые живые организмы, если дать им достаточно времени, способны добиться высокого уровня технологии, не обладая при этом сколько-нибудь развитым интеллектом. А многие вообще обходятся без него, как те же земные муравьи. Они строят великолепные с инженерной точки зрения сооружения, выдаивают «молоко» у тлей, откладывают запасы и даже успешно ведут военные действия. Я мог бы привести еще немало примеров. Но повернется ли у кого-нибудь язык назвать муравья разумным?

— Да, но преобразователи материи... — возразил Хуарес.

Хорстен пожал плечами:

— Существует и другое правдоподобное объяснение. Чтобы построить рай на Земле, человеку необходим интеллект. Он был нужен ему в каменном веке, чтобы выжить в пещерах. Он был нужен ему, чтобы совершить такие эпохальные прорывы, как овладение огнем и переход от охоты к земледелию и скотоводству. Интеллект был необходим, когда сменялись одна за другой общественно-экономические системы, начиная от первобытного коммунизма и заканчивая капитализмом. Он нужен сейчас, чтобы навсегда покончить с зависимостью от природы и обеспечить всех не только едой, жильем и одеждой, но и предметами роскоши. Но задумайтесь, что произойдет потом, когда утопия станет

реальностью? Когда появятся неограниченные запасы энергии и конвертеры, исполняющие любые желания? Кто поручится, что интеллект не станет тогда помехой стабильности общества? Самые даровитые во все века отличались тем, что пытались раскачивать лодку, что отнюдь не по нраву среднему индивидууму, лишенному от рождения выдающихся способностей.

— Кажется, я понимаю, на что вы намекаете, — сказал Джерри. — Они позаботились о том, чтобы таланты больше не появлялись на свет!

— Один из возможных вариантов, — согласился Хорстен. — Но факт остается фактом: Рассветные миры существуют, как и их обитатели, значительно, очень значительно обогнавшие человеческую расу.

Поколебавшись, Зорро решил задать еще один вопрос:

— Если они не обладают разумом, как вы утверждаете, доктор, неужели среди людей не найдется ни одного умника, чтобы с ними разобраться?

— И как же, по-твоему, с ними следует разбираться? — прищурился Родс.

Хуарес удивленно покосился на него:

— Узнать, например, принцип действия их реакторов. Или раздобыть образец преобразователя материи. Если мы овладеем тем и другим, отставание значительно сократится, не так ли?

— Такая идея уже возникла однажды у одного чересчур шустрого деятеля с планеты Фригия, — язвительно сообщила Элен.

— Ну и что дальше?

— Дело в том, что обитатели Рассветных миров очень не любят чужого вмешательства, — снова вступил в разговор доктор Хорстен. — Им никто не нужен.

В торговле и прочих взаимоотношениях с другими планетами они не заинтересованы, и, когда кто-нибудь, проникнув в их мир, пытается, если можно так выразиться, разворошить муравейник, они тут же принимают меры по пресечению.

— Какие меры?

— По всей видимости, они владеют методом отслеживания непрошенных визитеров до той планеты или группы планет, откуда те явились. А затем производят незначительные изменения в составе атмосферы. Фригию, к примеру, на которой проживало порядка двух миллиардов человек, ныне окутывает плотный слой смеси метана, водорода и аммиака, не слишком пригодной для дыхания. Короче говоря, фригийцев больше не существует.

Зорро взволнованно заерзал в кресле:

— Но ведь должен же существовать какой-то способ! Очевидно, фригийцы оказались порядочными осликами и либо восстановили против себя туземцев, либо позволили им догадаться о своих намерениях.

— Очевидно, — согласилась Элен, — только я, например, отнюдь не жажду быть следующей в списке соискателей. Более того, я не желаю иметь ничего общего с той планетой, откуда явится очередной авантюрист. Если верить докладу Ронни Бронстона и Фила Бердмана — агентов «секции джи», занимавшихся этим делом, — рассветники были на грани того, чтобы разом покончить со всеми тремя тысячами колонизированных человечеством планет. К счастью, тогда они удержались от столь радикального шага, решив, видимо, что в качестве урока достаточно одной Фригии. Но кто поручится, что этого не произойдет в следующий раз?

— Значит, надо с самого начала вести себя правильно, — не отступал упрямец Зорро.

— Чертовски мудрая мысль, — похвалила Элен. — Вот и не забивай себе больше этим мозги! — Она зябко поежилась: — Стоит только представить, что какому-нибудь придурку взбредет в голову еще раз связаться с этими зомби, как по мне мурашки бегать начинают!

— А где находятся Рассветные миры? — спросил Хуарес.

— На звездных картах они, во всяком случае, не обозначены, — сообщил Хорстен. — Это точно. В Октагоне страшно бояться, что какие-нибудь недоумки прослышат о конвертерах и толпами ринутся туда в погоне за золотой мечтой человечества.

— Золотая мечта человечества? — вопросительно поднял бровь Джерри.

— Философский камень, — снисходительно пояснил ученый. — Древние алхимики верили, что он может превращать в золото неблагородные металлы. Впрочем, рассветники пошли еще дальше: их конвертеры способны преобразовать в золото что угодно. И не только в золото. Полагаю, им не составит труда, поместив на входе, скажем, Рембрандта, получить на выходе его точную копию или даже любое количество таких копий.

— Кто такой Рембрандт? — хмуро спросил Зорро.

— Очень, очень древний земной живописец. Я слышал, что в некоторых музеях до сих пор сохранились приписываемые его кисти полотна. Но дело не в нем, а в том, что Росс Метакса и другие властные фигуры больше всего на свете боятся, как бы среди триллиона с небольшим жителей Содружества не нашлось нескольких горячих голов, чья безответственная жадность и стремление любой ценой заполучить конвертер рассветников могут обрушить всем нам на головы крышу нашего общего дома.

— И все-таки... — пробурчал Хуарес — Сами же говорили, что у них нет разума!

— Это у тебя его нет, любовничек! — взъярилась Элен. — Чтобы нажать на кнопку или повернуть рычаг, интеллект необязателен! У их планет такая система защиты, какую ты и вообразить себе не в состоянии! — Ее звенящий от гнева голос внезапно сменился тоненьким детским дискантом: — Ни за кого не выйду замуж, кроме дяди Зорро! Ты на мне женишься, да? Обещаешь?

Хуарес подпрыгнул от неожиданности и затравленно оглянулся. В дверях стоял Гельмут Бринкер.

— Вы просили показать вам гидропонный отсек, гражданин Родс, — сказал он. — Вчера я был занят, но сегодня к вашим услугам.

— Да-да, конечно, — пробормотал Джерри, поднимаясь со стула.

Элен с разбегу, одним прыжком, взгромоздилась на колени к Зорро и обвила его шею руками. Тот обреченно вздохнул и мученически закатил глаза к потолку.

— Ты надоедаешь гражданину Хуаресу, дочка, — строго произнес доктор Хорстен.

— Нет-нет, папуля! Скажи ему, дядя Зорро! Дядя Зорро собирается на мне жениться, вот! Всем приходится на ком-нибудь жениться, ведь правда? — Не дожидаясь ответа, она уверенно заявила: — А дядя Зорро поженится со мной, потому что Он любит маленьких девочек. Ты ведь любишь маленьких девочек, да, дядя Зорро?

— Прекрати елозить, бандитка! — прошипел Хуарес сквозь зубы, а вслух произнес: — Не всегда.

— Как же так, дядя Зорро? — воскликнула она, распахнув от изумления глаза. — Неужели ты больше любишь мальчиков, чем девочек? Я тоже больше люблю мальчиков, но думала, что у тебя все наоборот!

Даже оливковая кожа Хуареса не смогла скрыть краску смущения, покрывшую его лицо и шею.

Джерри Родс, тихонько посмеиваясь, присоединился ко второму помощнику.

— А ведь я сначала решил, что вы вернулись разыграть еще партию, — не удержался он от укола, но Бринкер ничего не ответил, стремительно развернулся на каблуках и зашагал по коридору. Джерри потащился за ним.

Как только дверь захлопнулась, Элен спрыгнула на пол и задумчиво посмотрела им вслед.

— Слушай, шутки шутками, но меня уже достали твои приколы! — взорвался Хуарес — И не советую перегибать палку, иначе рано или поздно даже такой тупица, как Гельмут Бринкер, сообразит, в чем тут дело. Не боишься, что люди вокруг начнут задаваться вопросом, откуда у восьмилетней девочки жаргон и замашки певички кабаре?

— Мне это не нравится, — взрослым голосом произнесла Элен, начисто игнорируя вспышку Хуареса.

— Что не нравится? — прорычал Зорро.

— Мне не нравится, что этот дуболом Бринкер увел Джерри. Мальчик слишком юн и

доверчив и еще не научился отличать плохих парней от хороших.

Джерри Родс, засунув руки в карманы, беззаботно шагал по судовому коридору вслед за вторым помощником. Постоянно помня о своей роли плейбоя и необходимости поддерживать этот имидж в глазах окружающих, он болтал без умолку:

— Чертовски интересно! В жизни не путешествовал на таком корабле, как ваш. Круто, как вы считаете? Вот бы моя матушка меня сейчас увидела. Представляю, что бы с ней стало! А с какими типами общаться приходится. Взять того же Зорро Хуареса. Вылитый бандит, клянусь Дзеном! В жизни не подумаешь, что он всего лишь мирный торговец скотом. Уверяет, что специализируется на мясных породах. Меня всегда интересовало, откуда берутся бифштексы? Теперь понятно, что их срезают с живых животных. Замечательно, черт побери, вы не находите?

Его спутник, не оглядываясь, пробурчал что-то невразумительное. От его массивной фигуры веяло злобой и скрытой угрозой, но легкомысленный Джерри этого даже не замечал. При виде тяжеловесного, недалекого немца его так и подмывало подколоть того какой-нибудь двусмысленной шуткой. Нельзя сказать, что Родс не испытывал некоторого раскаяния за свое поведение, но рейс выдался таким скучным, что он в очередной раз не сумел удержаться от соблазна.

— И экипаж как на подбор — сплошь одни разбойничьи рожи! — посетовал он. — Моя бедная мамочка упала бы в обморок, узнай она, с кем приходится якшаться ее маленькому Джерри!

— Сейчас будет тебе и мамочка и папочка! — чуть слышно процедил сквозь зубы Бринкер, остановившись перед тяжелой металлической дверью. — Пришли. Здесь находится центральный гидропонный отсек. В сущности, ничего интересного. Прошу.

Он нажал кнопку и шагнул через порог. Джерри протиснулся мимо него и замер, пораженный невиданным зрелищем. Просторное помещение было сверху донизу сплошь заполнено ярусами покрытых пышной растительностью стеллажей.

— Замечательно! — произнес он, на этот раз вполне искренно.

— А известно ли вам, гражданин, чем они питаются? — осведомился немец и продолжил, не дожидаясь ответа: — Питаются они всем, чем придется. Обьедками с камбуза, человеческими экскрементами, бумагой — короче говоря, любыми отходами. А известно ли вам, что случится, если вы вдруг упадете в один из питательных резервуаров?

— Дзен меня сохрани! — в притворном ужасе воскликнул Родс.

Но Бринкер был настроен серьезно. Он грубо схватил его за руку и развернул к себе лицом.

— Мне срочно нужна капуста, сосунок! — прорычал он. — С тебя причитается за две партии, которые я честно выиграл. Гони монету, живо!

Джерри вырвал руку и отступил на несколько шагов.

— Но послушайте... — начал он.

— Я только и делаю, что слушаю, как ты треплешь своим поганым языком, фазан расфуфыренный! Быстро гони денежки, говорю!

Несмотря на неравные шансы и разные весовые категории, Родс не испугался. Отступив на пару шагов, он выставил вперед руки с раскрытыми ладонями и вновь попытался утихомирить разъяренного второго помощника.

— Подобными методами вы от меня ничего не добьетесь, — заявил он.

— Сейчас увидим! — Лицо немца перекосила злобная гримаса. — Ты сам напросился, так что пеняй на себя. Один твой ручной хронометр потянет... — Не закончив фразы, он набычился и шагнул вперед.

Джерри застыл на месте, глядя на противника широко раскрытыми глазами. Дверь за спиной Бринкера бесшумно приоткрылась, и в дверном проеме показалась белокурая головка Элен. Она скорчила Джерри рожицу, ободряюще подмигнула и исчезла.

— Вот я тебя сейчас... — глухо проревел Бринкер, по-медвежьи расставив руки.

Появившийся в отсеке Хуарес снисходительно усмехнулся. В правой руке он держал

рукоять хлыста. Взмах его был нарочито ленив, но кожаный конец метнулся вперед с ошеломляющей быстротой и в мгновение ока обвился вокруг каблука правого ботинка нападавшего. Легкое натяжение на себя и вверх — и потерявший равновесие немец, удивленно хрюкнув, грузно свалился на смотровую платформу. При этом его подбородок с хрустом ударился о металлическую плиту. Джерри Родс восхищенно, но с опаской покосился на распростертое у его ног бесчувственное тело.

— Уф-ф-ф! — с облегчением выдохнул он. — Вот уж повезло так повезло!

— Повезло?! — в негодовании взвилась вновь появившаяся в отсеке Элен. — Ты хоть представляешь, во что мог превратить тебя этот тевтонский кабан, не пойдешь мы следом? В отбивной шницель, вот во что!

— А я о чем говорю? — непритворно удивился Родс — Мне жутко повезло, что вы решили пойти за нами!

3

Когда «Полумесяц» совершил посадку на Фьоренце, агентам по-прежнему практически не на что было опереться. При подведении итогов на общем собрании группы выяснилось, как мало, в сущности, известно о происходящем в этом своеобразном мире. Планета вот уже почти столетие входила в Содружество. Казалось бы, срок достаточный, чтобы накопить солидный объем данных на основании одних только сообщений агентов «секции джи» и другого персонала ООП. Но внимательный анализ досье, врученного группе перед отправкой Ирен Казански, убедительно показал, насколько скудна на деле содержащаяся в нем «конфиденциальная» информация.

— Сдается мне, эти фьорентийцы прямо-таки помешаны на секретности, — недовольно пробурчал Дорн Хорстен, с мрачным видом проглядывая тощую папку.

— Придется нам действовать по обстоятельствам, — вздохнула Элен, не менее удрученная, чем ее великан напарник.

— А по-моему, нет ничего проще, — самоуверенно заявил Джерри Родс. — Мы знаем, что все беды здесь от подполья. Остается только выявить и нейтрализовать его лидеров. Если повезет...

Все хором зашикали на него, бедняга Джерри виновато съежился и больше ни о чем подобном не заикался.

— Будет лучше, если мы уничтожим эти материалы перед посадкой, — заметил Хуарес — Ни к чему иметь при себе документы, связывающие нас с «секцией джи».

На Фьоренце имелся всего один космопорт, что само по себе являлось признаком чрезвычайного положения. Многие входящие в ООП планеты ограничивали таким образом контакты с соседями. Но в абсолютном большинстве случаев подобные меры вводились там, где реакционные правительства отсталых планет не могли позволить себе открыть населению доступ к свободному общению с жителями других миров, добившихся больших успехов в экономике и предоставляющих своим гражданам куда больше свободы.

Хаотическое распространение человеческой расы среди звезд привело к появлению в обжитом секторе Галактики множества миров с диктаторскими режимами различного рода — от теократии до технократии. К сожалению, мало где правящая элита могла действительно считаться элитой общества, хотя, быть может, это и имело место в начальный период образования той или иной общественно-экономической структуры.

В своей экспансии человечество вновь и вновь прибегало к nepoтизму — самому, пожалуй, несовершенному методу правления. В примитивном обществе для него просто не было места. Пока властная вертикаль ограничивалась семьей, родом или кланом, вождя избирали только за его личные достоинства. У главы племени при этом не возникало особого соблазна передать свой пост сыну или родственнику, так как должность не несла с собой сколько-нибудь ощутимой материальной выгоды и была скорее символической. Но с

развитием общества расширялся круг обязанностей вождей и жрецов, у которых больше не оставалось свободного времени ходить на охоту или возделывать свой клочок земли, как это делал Одиссей, когда его посетили на Итаке Агамемнон, Менелай и Паламед, чтобы пригласить героя в карательную экспедицию против Илиона. Народы поневоле стали содержать и обеспечивать выборных лидеров, и именно тогда должность правителя сделалась заманчивой и желанной. Да и что может быть привлекательней участи царя, утопающего в роскоши и безделье, в обществе, где изобилие и ничегонеделание для подавляющего большинства лишь несбыточная мечта? Очень скоро эти посты превратились из выборных в наследственные, а вожди и жрецы перекроили прежние примитивные социальные институты в своих сугубо личных интересах.

Все эти рассуждения, однако, не могли изменить прискорбный факт наличия на Фьоренце такого признака полицейского государства, как всего один космопорт на целую планету. Вдвойне прискорбно было наблюдать это четырем агентам, чей департамент изначально ставил перед собой цель всячески способствовать экономическому, научному и культурному обмену между мирами, что и приводит в конечном итоге к прогрессивному развитию общества.

Их маленькая группа оказалась единственной высадившейся на Фьоренце, что неудивительно, так как других пассажиров на борту «Полумесяца» попросту не было. Этот достойный корабль хоть и назывался грузопассажирским, но совершал рейсы по такому непредсказуемому расписанию, что желающих оказалось немного. Пока роботы выгружали багаж и другие грузы, все четверо отправились на ожидающем у трапа аэромобиле в административное здание космопорта. Они по-прежнему делали вид, что почти незнакомы. Сопровождал их второй помощник капитана, в обязанности которого входило помочь пассажирам побыстрее пройти паспортный контроль и прочие бюрократические процедуры.

По недоуменным взглядам, которые он изредка бросал в сторону Джерри Родса, нетрудно было догадаться, что Гельмут Бринкер до сих пор пребывает в растерянности. Ему не давал покоя зияющий провал в памяти между двумя конкретными эпизодами. В первом из них он с ревом устремился на нахального хлыща, исполненный решимости вытрясти из его тщедушной фигурки если не возделенные кредиты, то хотя бы законный фунт мяса. Второй выглядел куда более прозаично: он очнулся в гидропонном отсеке в расстроенных чувствах, с разбитой физиономией и огромным, с яйцо, желваком на подбородке.

Элен, чинно сложив на коленях свои тоненькие ручонки, не сводила с Бринкера немигающего, сосредоточенно-вопросительного взгляда, свойственного маленьким детям. Этот взгляд преследовал несчастного с того самого момента, когда вся компания заняла места в салоне аэромобиля на воздушной подушке.

— Мистер второй помощник Блинкер, а почему у вас на лице сразу два подбородка? — спросила она наконец с нескрываемым интересом.

— Элен! — возмущенно воскликнул Хорстен.

— Но папуля! — Она невинно посмотрела на «отца». — У мистера Блинкера и вправду два подбородка. Разве не так, дядя Зорро? И один из них синий. Вы знаете, что один из них синий, мистер Блинкер? А у нормальных людей подбородок только один, — добавила она, демонстрируя известную житейскую мудрость.

Астронавт с ненавистью покосился на девочку.

— Бринкер! — произнес он отрывисто.

— Какой Блинкер?

— Моя фамилия Бринкер, а не Блинкер, — прорычал немец.

— Я и говорю: Блинкер! — с удовольствием повторила Элен. — С двумя подбородками!

— Перестань, доченька, — укоризненно одернул ее доктор Хорстен. — Гражданин Бринкер ничем не отличается от всех остальных людей. И у него всего один подбородок. А теперь будь умницей и веди себя хорошо, а то дяди на таможне тебя заберут.

Элен скептически оглядела отливающее синевой вздутие на лице второго помощника и,

в поисках подкрепления, обратила взор на Джерри и Зорро, но те, как по команде, дружно отвернулись и уставились в окно. Она со вздохом вернулась к созерцанию пресловутого подбородка — или подбородков, — время от времени что-то обиженно шепча себе под нос.

— И чтоб я тебя больше не слышал, Элен! — суровым тоном предостерег ее Хорстен и обратился к насупившемуся немцу с целью перевести беседу в другое русло: — Скажите, герр Бринкер, почему я не вижу с нами других членов экипажа? Неужели ни у кого из них не возникло желания... м-м, как это у вас называется? Ах да — сойти на берег?

— На этой планете?! Вы шутите, герр профессор! Если наш шкипер отпустит с утра в увольнение десять человек, троих из них к вечеру подстрелят на дуэли, угодить в которую здесь легче, чем заработать синяк под глазом в пьяной драке в какой-нибудь занюханной дыре типа Шангри-Ла, а еще четверых засадят в кутузку за диссидентство, хотя вся их вина может состоять лишь в том, что они предпочитают, скажем, ванильное мороженое шоколадному! Уму непостижимо!

Водитель портового лимузина повернул голову и смерил Гельмута Бринкера тяжелым, неприязненным взглядом.

— А вы, часом, не ангелист, синьор? — холодно спросил он.

— Нет-нет, что вы! — перепугался второй помощник. — Я только пошутил, клянусь Дзеном!

Но водитель продолжал смотреть на него в упор.

— Быть может, вам не нравится Фьоренца? — не отставал он, бросив быстрый взгляд на дорогу и чуть вывернув руль. — Или вы думаете, что можете безнаказанно оскорблять родную планету в моем присутствии? Или вы полагаете, что у такого ничтожества, как я, не хватит духу вызвать обидчика?

— Помогите мне, Святой Предел! — пробормотал Бринкер сквозь зубы. — Если мне продырявят шкуру в каком-нибудь дурацком поединке, шкипер точно башку оторвет! — Он просительно заглянул в глаза фьорентийцу: — Послушайте, дружище, мне очень жаль, что так вышло. Приношу вам свои извинения. Я обожаю вашу планету, просто вы меня неправильно поняли.

Удовлетворенный шофер начал было поворачиваться обратно, как вдруг Джерри громко расхохотался. Физиономия фьорентийца мгновенно превратилась в непроницаемую маску.

— На чей счет изволите веселиться, синьор? — осведомился он с угрожающим спокойствием.

Но Элен была начеку.

— Эй, хватит вертеться туда-сюда, — возмутилась она, грозя водителю пальчиком. — Что вы все болтаете и совсем не смотрите на дорогу? Мне и так страшно, потому что я раньше никогда не ездила в таких машинах, а тут еще вы все время кричите, злитесь и пугаете меня! Мне здесь не нравится. Я... я папе пожалуюсь! — зловеще пообещала она и насупилась.

— Успокойся, Элен, — сказал Хорстен.

— Хочу домо-о-ой! — визгливо заголосила девочка.

Водитель втянул голову в плечи и вцепился в баранку, глядя прямо перед собой. Пытаясь разрядить напряжение, Хуарес задал фьорентийцу вопрос, которого, как вскоре выяснилось, задавать не следовало:

— Что такое ангелист?

— Да откуда вы прилетели, если даже этого не знаете?! — возмутился шофер и добавил, не замечая противоречия в собственных словах: — У вас там, поди, в правительстве сплошь одни ангелисты сидят!

— Я родом с Вакамундо, — кротко ответил Зорро, — и в жизни не встречал ни одного ангелиста или как вы их называете. Так что же такое ангелист?

Аэромобиль уже приближался к административному зданию, но водитель не торопился с ответом, внимательно изучая невинную физиономию пассажира.

— Откуда мне знать, что вы не из тайной полиции? — пробурчал он наконец. — Ляпну что-нибудь лишнее, а вы мне потом тот же энгелизм и пришьете!

Хуарес недоуменно покачал головой.

— Я что-то не понял, — признался он. — Не могли бы вы повторить?

Но водитель уже отвернулся и сделал вид, что целиком занят управлением. Он остановил машину перед обрамленным колоннами входом, потянул за рычаг, и аэромобиль с мягким шипением опустился на землю. Шофер первым выскочил наружу и распахнул дверцы. Его угрюмая физиономия выражала подозрительность и недоверие, и больше он не проронил ни слова. Элен улучила момент, когда «отец» отвернулся, и, вылезая из машины, показала фьорентийцу длинный, розовый язычок.

Они поднялись вверх по широким ступеням. У дверей стояли двое охранников, вооруженных бесшумными ружьями. Они взяли «на караул» и выкатили глаза. Третий, подтянутый младший офицер с каменным лицом и расстегнутой кобурой на поясе, преградил им путь. Бринкер, знакомый, как видно, с бюрократическими процедурами на Фьоренце, поспешно выступил вперед и протянул пачку документов.

— Корабль «Полумесяц», сэр. Четверо пассажиров с Земли. Фьорентийские визы в порядке.

Офицер внимательно оглядел второго помощника, взял у него бумаги, затем, не заглядывая в них, столь же тщательно одного за другим оценил и мысленно взвесил каждого из четверки новоприбывших. И только потом принялся просматривать документы, на что у него ушло порядочно времени.

— Очень хорошо. Следуйте за мной, — объявил он наконец, повернулся и пошел к дверям.

Пассажиры и Бринкер потянулись следом.

— Хорошо здесь встречают гостей, ничего не скажешь! — возмущенно прошептал себе под нос Зорро Хуарес.

— Послушайте, я рассчитывал, что коллеги из университета... — начал доктор Хорстен с ноткой раздражения в голосе.

— Только после прохождения контроля, — сухо сообщил фьорентиец.

— Чушь какая-то! — пробормотал ученый и до упора задвинул на нос пенсне.

Офицер резко остановился.

— Следует ли мне расценивать ваши слова как критику в адрес правительства Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы или в мой персонально? — вкрадчиво осведомился он.

Положение снова спасла Элен. Она сжала левую руку в кулачок, а указательным пальцем правой угрожающе помахала перед физиономией оторопевшего представителя власти.

— Не смей трогать моего папочку! — зловещим тоном предупредила она.

Офицер посмотрел на девочку, наморщил лоб и перевел взгляд на Хорстена. Тот был мрачен, насуплен, но не выказывал ни малейших признаков раскаяния.

— Я не потерплю никакой критики в адрес... — снова начал охранник, но тут Элен издала воинственный клич, подпрыгнула и с размаху врезала ему кулачком по скуле.

— Ты нехороший дядя! — убежденно заявила она. — Говорила тебе, не приставай к папуле! Он же тебя не трогал, правильно?

— Элен! — в отчаянии всплеснул руками Хорстен. Зорро нагнулся, подхватил девочку левой рукой и зажал под мышкой. Выпрямился, небрежно постукивая транкой по ноге, и спокойно сказал:

— Ну что, идем дальше?

— Пусти сейчас же! — оскорбленно взвизгнула извивающаяся Элен.

Фьорентиец постоял немного с закрытыми глазами — то ли мысленно считая до ста, то ли консультируясь с неведомыми богами. Лицо его выражало страдание, хотя больше моральное, чем физическое. Наконец он открыл глаза и бесстрастно произнес:

— Следуйте за мной.

Хуарес замыкал процессию, крепко прижимая к себе брыкающуюся девочку.

— Мне здесь не нравится! — вопила Элен, молотя кулачками по широкой спине Зорро. — Я хочу домой! Домо-о-ой!

Провожатый распахнул массивную дверь. Пропуская идущего последним Хуареса с Элен под мышкой, он опять закрыл глаза и правильно сделал, потому что несносная девчонка скорчила ему рожу и показала язык.

Сразу за дверью стоял большой стол, за которым восседал еще один фьорентийский офицер — постарше караульного и повыше рангом, судя по нашивкам на его мундире. Он без слов оглядел вошедших, включая охранника, и протянул руку. Приняв от подчиненного пачку бумаг, он углубился в скрупулезное и очень медленное изучение всех сопроводительных документов. Пятеро с «Полумесяца» — Бринкер чуть впереди — выстроились перед столом, терпеливо ожидая своей участи.

Покончив наконец с бумагами, чиновник обратил свой взор на Джерри Родса. Тот стоял на правом фланге, засунув руки в карманы и с любопытством рассматривая огромный зал.

— Вы готовы дать клятву, что не состоите и никогда не состояли в рядах ангелистов? — отрывисто пролаял офицер.

Джерри непонимающе уставился на него:

— Кто, я? А что такое ангелист? Послушайте, вы не подскажете, как мне найти здесь гостиницу люкс? Самую лучшую? С приличной кормежкой и дополнительными развлечениями? — Он заговорщически подмигнул фьорентийцу и понизил голос: — Надеюсь, вы меня понимаете? Ночные бары с выпивкой, где можно снять симпатичную...

— Отвечайте на вопрос синьора *tenente*! — грубо приказал охранник.

Джерри растерянно заморгал:

— Я? Нет, не состою. Признаться, я даже не знаю, о чем вы... что вы имеете в виду.

Чиновник продолжил опрос, получив от Хорстена и Хуареса аналогичные ответы. Оба поспешили заверить господина лейтенанта в том, что не имеют к ангелистам ни малейшего отношения. Но этим дело не ограничилось, и каждому пришлось поставить подпись под соответствующим документом. Начальник паспортного контроля подколол расписки к уже имеющимся досье и вновь передал их караульному офицеру. Охранник отдал честь. Господин лейтенант тоже откозырял и обратился к новоприбывшим с напутственным словом:

— Обязан сообщить вам, синьоры, о том, что, ступив на землю Фьоренцы, вы автоматически лишаетесь покровительства как ваших собственных миров, так и ООП и подпадаете под юрисдикцию правовых институтов нашей планеты во всем, что касается политической деятельности. Иными словами, если кто-то из вас будет замечен во вмешательстве во внутренние дела Фьоренцы, выражающемся в связях или контактах с ангелистским подпольем, вам придется отвечать по всей строгости перед законом и правительством планеты во главе с его высокопревосходительством Первым Синьором. В том случае, если вы не готовы подчиниться данным требованиям, я настоятельно рекомендую вам вернуться на борт «Полумесяца» и незамедлительно покинуть Фьоренцу.

— Вы хотите сказать, синьор, что мы не сможем даже обратиться в посольство ООП, если возникнут какие-то неприятности? — спросил Зорро.

— Какие могут быть неприятности, раз вы дали расписку в том, что не являетесь ангелистами? — удивился господин лейтенант.

— А что, никаких других неприятностей в вашем мире не существует? — осведомился Джерри.

— Извольте забавляться, синьор... э-э... Родс? — казенным тоном проблеял чиновник.

— Пока что я не встретил на вашей планете ничего забавного, синьор, — с горечью пожаловался Джерри. — А ведь я не прошу ничего особенного! Укажите мне место с нормальной закуской и выпивкой и дайте немного поразвлечься — вот и все. После недели на борту этого проклятого «Полумесяца»...

— Забери меня отсюда, папуля! — неожиданно заверещала Элен. — Здесь плохое место, и я хочу домо-о-ой!

— Веди себя прилично, дочка! — одернул ее Хор-стен.

Стоило Элен раскрыть рот, как караульный офицер немедленно зажмурился. А господин лейтенант сморщился, словно от зубной боли, и поспешно объявил:

— Все свободны. Можете проследовать на досмотр.

Гельмут Бринкер перевел дух. На этом этапе его обязанности заканчивались. Он тепло пожал руки всем, включая Джерри Родса, погладил по головке Элен — правда, очень осторожно, как будто опасаясь, что та может его укусить, — и устремился на выход, к ожидающему аэромобилю.

Ведя Элен за руку, Зорро слегка наклонил голову и проворчал вполголоса:

— По-моему, ты переигрываешь, детка!

Элен злобно покосилась на «кавалера» и ответила в той же манере:

— А по-моему, за последние четверть часа я предотвратила минимум две дуэли! Но если вы, трое дуболомов, не прекратите разевать пасть не по делу, сомневаюсь, что хотя бы один сумеет добраться до гостиницы с непродырявленной шкурой.

Хуарес хмыкнул, но возражать не решился.

Караульный провел их для досмотра в соседнее помещение, куда роботы-грузчики уже успели перенести личный багаж пассажиров. Как только они вошли, трое служащих во главе с таможенным инспектором принялись открывать сумки и чемоданы.

— Эй, поаккуратней там, пожалуйста, — запротестовал Джерри, заметив, с какой небрежностью обращаются таможенники с его роскошным гардеробом.

Инспектор, держа в руке сопроводительные документы, подозрительно покосился на Родса.

— Вы что-нибудь скрываете? — спросил он.

— Я? — удивился Джерри.

— Вы готовы дать клятву, что не провозите энгелистскую пропаганду ни в вашем багаже, ни на вашей персоне?

— Пропаганда? — непонимающе повторил Родс.

— Устаревший и полузабытый термин, изначально обозначающий распространение идей и принципов, разделяемых членами той или иной организации, — любезно пояснил доктор Хорстен. — Позднее, однако, приобрел сомнительный оттенок и сделался едва ли не синонимом политической лжи и политиканства.

Таможенник окинул ученого ледяным взглядом.

— Вся энгелистская пропаганда — ложь от начала и до конца, — заявил он. — Уж не пытаетесь ли вы утверждать обратное, синьор?

— Как я могу что-то утверждать, если ни разу с ней не сталкивался?

— Вы уклоняетесь от ответа, синьор. Вы согласны с тем, что все труды энгелистов насквозь лживы, или у вас на этот счет иное мнение?

— Мне надо в туале-е-ет! — внезапно расхныкалась Элен, дергая «отца» за рукав.

Хорстен беспомощно оглянулся на инспектора. Тот коротко кивнул.

— Сюда, прошу вас, — сказал со вздохом караульный офицер.

Доктор ухватил Элен за руку и повел вслед за фьорентийцем к двери в дальнем углу комнаты. Таможенник проводил их взглядом и вернулся к исполнению своих обязанностей. Несколько минут спустя он озадаченно вертел в руках странную коробку, похожую на гипертрофированную шляпную картонку. Разобравшись наконец с механизмом замка, он собирался открыть ее, как вдруг прямо у него за спиной раздался пронзительный детский вопль:

— Не тронь мою куклу! Не тро-о-онь!

Инспектор вздрогнул и инстинктивно сжался от шарахнувших по ушам децибел, а подбежавшая Элен молниеносно выхватила коробку у него из-под носа и крепко прижала к груди. Таможенник укоризненно посмотрел на Дорна Хорстена; тот, в свою очередь,

смущенно развел руками:

— Девочка очень устала...

— Весь багаж должен быть досмотрен, синьор, — безапелляционно заявил инспектор.

Элен демонстративно повернулась к ним спиной, плюхнулась на пол и зажала драгоценную коробку между ног.

— Я попробую помочь, — вызвался Зорро. Он опустился перед девочкой на колени и спросил: — А ты не хочешь познакомить нас со своей куклой, Элен?

Юная леди недоверчиво посмотрела сначала на нетерпеливо переглядывающихся таможенников, потом на Хуареса, как бы прикидывая, можно еще ему доверять, или бывший возлюбленный окончательно переметнулся в стан врагов. Придя наконец к решению, она поколдовала над крышкой, и та послушно отъехала в сторону.

— Вот моя Гертруда, — объявила Элен и с гордостью добавила: — Гертруда — это мальчик!

Охранник что-то пробормотал. Таможенный инспектор резко обернулся к нему:

— Что вы сказали?

— Ничего. Просто я вспомнил, что должен вернуться на свой пост, прежде чем...

— Прежде чем, что?

— Ничего особенного. Прошу прощения, мне надо идти. — И он удалился — несколько более поспешно, быть может, чем того требовали приличия.

— А это Гертрудин ночной горшочек, — продолжала Элен.

Зорро, все еще стоя на коленях, хотел что-то спросить, но передумал. Вместо этого он взял «горшочек» и протянул его инспектору для осмотра. Тот брезгливо отшатнулся и убрал руки за спину. Неприметный техник, сидящий за пультом в другом конце комнаты, неожиданно встрепенулся и удивленно воскликнул:

— Приборы фиксируют электронную начинку! Трое таможенников прекратили рыться в чужом

белье, выпрямились и уставились на техника. Инспектор насторожился.

— Можете установить источник? — спросил он.

— Гертрудина стиральная машинка, — сказала Элен, демонстрируя Зорро миниатюрный агрегат, и предложила: — Хочешь, я постираю в ней Гертрудину курточку?

— Спасибо, в другой раз, — отказался Хуарес.

— Да ты только положи ее внутрь и закрой крышку, — настаивала девочка.

— Сигнал идет отсюда, — сказал техник, приблизившись к ним и указывая на коробку в ногах у Элен.

Инспектор прищурился и вопросительно посмотрел на доктора Хорстена. Тот тяжело вздохнул, пробормотал: «Помоги нам, Святой Предел», ожесточенно поправил пенсне и приготовился оправдываться. Техник тем временем нагнулся над коробкой, выхватил из нее какую-то железку с ладонь размером в форме параллелепипеда и воззрился на нее в немом изумлении.

— Сейчас же положи на место! — рассердилась девочка. — Это Гертрудина плитка.

Не обращая на нее внимания, техник повернул миниатюрный выключатель мизинцем левой руки... и чуть не выронил обжегшую ему пальцы игрушку. Когда он снова посмотрел на инспектора, в глазах его светился благоговейный восторг.

— Нет, вы только взгляните на это, синьор! Совсем как настоящая, вплоть до микрореактора! Я и не подозревал, что существуют такие крошечные.

— Положите на место, — буркнул инспектор, смирив подчиненного уничтожающим взглядом.

— Слушаюсь, синьор. — Техник отдал игрушечную плитку хозяйке и вернулся за пульт.

— Собери свои игрушки, маленькая, — сказал Хорстен. — Еще успеешь наиграться с ними в гостинице.

— Не хочу в гостиницу! Хочу домой! Ненавижу это место! Это место... — Она на миг

задумалась и убежденно закончила: — Это место — настоящая помойка! Инспектор спешно ретировался, перебросил силы на соседний фронт и перешел в наступление на Зорро Хуареса.

— Могу я узнать, синьор, что вы держите в руке? Это, случайно, не оружие?

— Какое же это оружие? — изумился Зорро. — Это моя транка.

— Что такое транка? — не отставал таможенник.

— Ну-у... — Вопрос, по мнению Хуареса, был настолько элементарным, что он не сразу нашелся с ответом: — А как же иначе определить, кто перед вами — благородный гаучо или простой вакеро?

Инспектор недоверчиво усмехнулся, забрал у Зорро транку, долго разглядывал со всех сторон, потом отнес к технику и поместил перед экраном:

— Проверьте-ка эту штуку, да поживее!

— Все чисто, синьор, — сообщил оператор через несколько секунд. — Дерево, очень прочная кожа, немного резины и совсем мало металла.

Инспектор вернул транку владельцу, но его все еще одолевали сомнения.

— Что вы с ней делаете? — спросил он с любопытством.

— Что я с ней делаю? — растерялся Хуарес — Я ее ношу, только и всего! Я гаучо и джентльмен, к вашему сведению! — Он оскорбленно выпрямился и с вызовом произнес: — Или вы сомневаетесь в моем слове, синьор?

Инспектор тоже выпрямился во весь рост.

— У меня и в мыслях не было подвергать сомнению ваши слова, но если синьор считает, что его честь затронута...

Двое таможенников шагнули вперед и заняли места справа и слева от начальника. Один из них сказал:

— Если синьор инспектор нуждается в услугах секундантов...

— Успокойтесь, джентльмены, прошу вас! — поспешил вмешаться доктор Хорстен. — Вне всякого сомнения, вы оба люди чести, просто у каждого мира свои традиции и обычаи. Я уверен, что это маленькое недоразумение легко разрешить без всякого кровопролития.

Джерри внезапно охватил приступ безудержного смеха. Все присутствующие разом повернулись к нему. Взоры фьорентийцев были холоднее льда, в глазах Дорна Хорстена читалось отчаяние.

— Вас что-то развеселило, синьор... э-э... Родс? — нарушил затянувшееся молчание инспектор.

— Прекрати смеяться над тем, как я меняю Гертруде трусики, дядя Джерри! — возмущенно воскликнула

Элен.

Родс поперхнулся и умолк, растерянно обводя слегка расширенными глазами окружающих, но быстро сориентировался и склонился над кукольной коробкой.

— Извини, крошка, — сказал он, — у тебя действительно очень забавно получается.

Инспектор разочарованно отвернулся и вновь обратился к Зорро Хуаресу.

— Я в любое время к вашим услугам, синьор, — произнес он формальным тоном. — Если вы полагаете, что честь ваша требует сатисфакции, ваши спутники, я уверен, не откажутся представлять ваши интересы.

— Послушайте... — начал Хорстен.

Что-то негромко звякнуло. Все присутствующие автоматически опустили глаза и увидели лежащую на полу бляху. Это была простая бронзовая бляха, в центре которой крупными буквами было выбито: «Секция джи». А если напрячь зрение, можно было прочесть опоясывающую ее по периметру надпись мелким шрифтом: Межпланетный департамент юстиции.

Инспектор выпучил глаза:

— Это еще что такое?

Элен молниеносно сграбастала своей ручонкой бронзовый диск, пронзительно вереща:

— Никому не отдам мою бляху юного агента «секции джи»!

Возможно, ей и это сошло бы с рук, если бы не один из таможенников, все это время не сводивший глаз с Джерри Родса.

— Готов поклясться, что эта штука выскользнула из... — начал фьорентиец, но договорить так и не успел.

— Спасайтесь! Землетрясение! — заорал во всю глотку Дорн Хорстен, раскорячившись в дверном проеме. — Прячьтесь под столы, под кресла, под любое прикрытие! Элен, девочка моя, сюда!

Зорро Хуарес среагировал первым и принялся размахивать руками и направлять опешивших таможенников в укрытия.

— Полезайте под столы или встаньте в дверях и держитесь за стояк, — напутствовал он. — Если крыша обрушится, у вас еще будет шанс!

Хорстен раскачивался из стороны в сторону, крепко ухватившись руками за вертикальные стояки.

— Землетрясение! — снова взревел он дурным голосом. — Элен, где же ты?!

Комната заходила ходуном. Висящий на стене портрет какого-то важного государственного деятеля с дребезжанием раскачивался из стороны в сторону со все увеличивающейся амплитудой. На лицах парализованных шоком фьорентийцев наконец-то появились первые признаки осознания опасности.

— Прячьтесь быстрее! — опять закричал Зорро. — Если рухнет крыша, всем конец!

Элен, метнув быстрый, проницательный взгляд на «папулю», издала оглушительный вопль и ринулась прямо в объятия к тому самому чересчур внимательному таможеннику, который собирался в чем-то обвинить Джерри Родса. Она крепко обхватила его за шею и обвила своими пухлыми детскими ножками талию фьорентийца. Непрерывно визжа: «Спасите меня! Спасите!», она незаметно извлекла из складок платья миниатюрную булавку.

4

Несколько минут спустя доктор Хорстен, общепризнанный эксперт по одноклеточным водорослям, осторожно разжал пальцы, которыми он судорожно цеплялся за дверной косяк, вынул из кармана большой белый платок и с облегчением вытер покрытый испариной лоб. Затем снял пенсне и тем же платком тщательно протер стекла.

— Ужасно боюсь землетрясений! — признался он, переводя дух.

Остальные, убедившись, что опасность миновала, начали выползать на свет из укрытий. Зорро и инспектор нашли убежище под притолокой второй двери, ведущей в места общего пользования. Джерри спрятался под столом начальника. Судя по разбирающему его смеху, он находился на грани истерики. Двое таможенников успели влезть под длинный стол, на котором громоздился досматриваемый багаж. Элен тоже была с ними. Она уже успела оправиться от потрясения и весело хихикала, потешаясь над живописными позами скорчившихся на полу взрослых. А те, смущенно переглядываясь и отряхиваясь, поднимались на ноги и собирались в центре помещения.

— В дверях больше шансов остаться невредимым во время подземного толчка, — пояснил доктор Хорстен. — В Японии, где землетрясения случаются сплошь и рядом, люди только так и спасаются. Я знаю, потому что сам там жил.

— У нас на Вакамундо то же самое, — подтвердил Хуарес.

— Большое спасибо, синьоры, вы нас очень выручили, — поблагодарил инспектор. — Дело в том, что для меня это землетрясение — первое в жизни. И первое за всю историю Фьоренцы, насколько мне известно. Эй, что это там с Рудольфом?

Рудольфом, как выяснилось, звали таможенника, в объятиях которого искала спасения перепуганная Элен. Он неподвижно лежал на полу с остекленевшим взглядом. Хорстен склонился над ним, завернул веко, осмотрел зрачки и озабоченно покачал головой.

— Шок, — объявил он.

— Разве вы медик, синьор Хорстен? — с подозрением в голосе спросил инспектор. — Я полагал, ваша докторская степень...

Ученый обиженно надул щеки:

— У меня восемь докторских степеней, чтоб вы знали, инспектор! А диплом доктора медицины я получил совсем еще молодым в Венском университете. Как врач, рекомендую немедленно уложить этого человека в постель и хорошенько согреть. Лучше всего влить ему в глотку двойную дозу... Не знаю, что здесь пьют, да это и не имеет значения. Главное, чтобы там присутствовал алкоголь. К завтрашнему утру проснется свеженьким, как огурчик.

— Во имя Святого Предела, что здесь произошло? — раздался вдруг чей-то строгий, начальственный голос.

Инспектор резко обернулся и вытянулся в струнку, как и его подчиненные, за исключением бедняги Рудольфа.

— Землетрясение, ваше превосходительство, — отчеканил он. — Надеюсь, разрушения незначительны?

Вошедший оказался мужчиной чуть моложе среднего возраста, с подтянутой, спортивной фигурой, худощавым, смуглым лицом и пронизательным взглядом. Одет он был в безупречно пошитый мундир и держался с врожденным изяществом человека, никогда не носившего неглаженный китель или несвежую рубашку. С недоумением оглядев царящий в комнате бардак и каждого из присутствующих в отдельности, он вновь обратил взор на инспектора:

— Не понимаю, о чем вы говорите, Гросси?

— Землетрясение, ваше превосходительство, — повторил таможенный офицер.

— Вы с ума сошли! — рассердился вошедший, но тут же переменил тон: — Хотя... Знаете, когда я шел сюда, мне показалось, что пол под ногами слегка вибрирует.

— Так часто бывает, синьоры, — подхватил Хорстен, вновь вытирая платком пот со лба. — Человек может находиться в эпицентре сильнейшего землетрясения, даже не подозревая об этом.

Его превосходительство с интересом посмотрел на мощную фигуру ученого и перевел взгляд на Рудольфа:

— Что с ним?

— Он так перепугался, что сразу же отключился, — ответил Хуарес — Я все видел своими глазами. Должно быть, у него какая-то фобия на землетрясения.

— Очень сомнительно, — покачал головой его превосходительство. — Подземные толчки практически неизвестны на Фьоренце. Я сам знаю о них только из книг.

— А по-моему, он просто напугался до смерти, — пожал плечами Зорро. — Да и вообще... Похоже, что вы, фьорентийцы, легко поддаетесь панике.

Температура в помещении как будто разом упала на несколько десятков градусов. Затем инспектор и двое его подчиненных воскликнули в один голос:

— Я требую сатисфакции!

— Умерьте ваш пыл, синьоры, прошу вас! — вмешался его превосходительство. — Будьте снисходительны к нашим почетным гостям, преодолевшим бескрайние просторы Вселенной, чтобы посетить Фьоренцу. — Он еще раз пристально посмотрел на застывшую физиономию Рудольфа и брезгливо бросил: — Пожалуйста, уберите его отсюда и позаботьтесь, чтобы ему была оказана помощь.

Не обращая больше внимания на таможенников, он повернулся к четверым путешественникам и заговорил, обращаясь конкретно к Дорну Хорстену:

— А вы, синьор, без сомнения, тот самый знаменитый ученый, визита которого мы ожидали с таким нетерпением. Но позвольте сначала представиться. — Он щелкнул каблуками и отвесил короткий поклон: — Maggiore Роберто Верона, советник его высокопревосходительства Третьего Синьора, к вашим услугам.

Никто не посмел бы упрекнуть доктора Хорстена в пренебрежении этикетом. Его

ответный поклон был столь же коротким и формальным.

— Счастлив познакомиться с вами, майор, — прогудел он рокочущим басом. — Имею честь представить мою дочь Элен...

Элен, с горящими от возбуждения глазками, подхватила пальчиками подол своего короткого платица и присела перед майором в безупречном реверансе. Дорн Хорстен облегченно вздохнул. Синьор Верона снова поклонился, демонстрируя завидную гибкость корпуса и аристократическую белозубую улыбку.

— Синьорина, я очарован! — пропел он. Инспектор Гросси с сомнением хмыкнул.

— А это наши спутники на борту «Полумесяца», — продолжил церемонию представления Хорстен. — Гражданин Зорро Хуарес с планеты...

— Вакамундо, — услужливо подсказал Зорро.

— Да-да, разумеется. И гражданин Джеральд Родс с... нет-нет, подождите, я сам вспомню, — наморщил лоб доктор.

— Слушайте, если вы из турбюро или еще откуда в том же роде, — оживился Джерри, — я бы хотел остановиться в самой лучшей гостинице, где можно...

— О чем вы говорите, синьор Родс?! — ужаснулся инспектор. — Его превосходительство вовсе не...

— Успокойтесь, Гросси, — отмахнулся Верона, которого этот эпизод, похоже, позабавил. — Мы постараемся сделать для вас все, что в наших силах, синьор Родс. Насколько я понимаю, вы не позаботились заранее забронировать номер в отеле?

— А зачем? — пожал плечами Джерри. — Я так рассуждаю: пускай кто хочет бронирует места, а я всегда сумею договориться с портье, сунув ему в лапу пару кредитов. Срабатывает, словно по волшебству. Не успеешь оглянуться, как к твоим услугам лучшие апартаменты.

Майор сочувственно усмехнулся и покачал головой:

— Мне тоже доводилось бывать на других планетах и сталкиваться с издоимством гостиничных служащих, но уверяю вас, дорогой синьор Родс, у нас на Фьоренце ваш метод неприменим. Очень не рекомендую вам предлагать мансиа никому из фьорентийских граждан, достигших зрелого возраста. Вы не получите ничего, кроме картеля.

— Мансиа? — растерянно повторил Джерри. — Картель?

— Если я правильно понял, — буркнул Зорро, — любой официант вызовет тебя на поединок, если попытаешься дать ему на чай.

— Что касается вас, доктор, — продолжал майор, — то ваш номер в «Альберго Палаццо» зарезервирован и ожидает вас. Спешу сообщить, что академик Удине с нетерпением ждет встречи с вами. Визит ученого вашего ранга — большая честь не только для нас, но и для всей планеты.

— Вы преувеличиваете мои скромные заслуги, синьор, — еще раз поклонился слегка зарумянившийся Хорстен.

— «Альберго Палаццо»... — задумчиво повторил Хуарес — По-моему, это тот самый отель, в который я посылал субкосмограмму с просьбой оставить для меня номер.

— Большинство инопланетных гостей, посещая Фьоренцу, как правило, останавливаются именно там, синьор Хуарес, — подтвердил Верона.

— Ну, тогда и я с вами, — решил Джерри. — Надеюсь, у них найдутся апартаменты, приличествующие моей персоне.

Майор нахмурился:

— К несчастью, синьор, гостиница переполнена. Видите ли, завтра открывается съезд правящей партии, предшествующий общепланетным псевдовыборам. Ожидается прибытие его высокопревосходительства Первого Синьора, а также членов его кабинета. Это одна из причин, по которым я был направлен встретить вас, синьоры. Третий Синьор лично поручил мне позаботиться о том, чтобы у каждого из вас была хоть какая-то крыша над головой.

— Третий Синьор? — вопросительно посмотрел на майора доктор.

— Правительство Фьоренцы состоит из девяти Синьоров, возглавляемых его

высокопревосходительством Первым Синьором, — любезно пояснил Верона.

— Понятно. Могу я узнать, какое министерство возглавляет ваш шеф?

— Антиподрывной деятельности, синьор Хор-стен, — улыбнулся майор.

— Я устала, — раскапризничалась Элен. — Я спать хочу! И Гертруда тоже хочет спать. Я просто ужасно устала! Ненавижу эту помойку!

Майор перевел взгляд на инспектора.

— Досмотр багажа закончен, ваше превосходительство, — бодро отрапортовал тот.

— Очень хорошо, Гросси. Синьорина... синьоры... Сюда, пожалуйста, — засуетился Верона, широким, эмоциональным жестом указывая в сторону дверей.

Элен взяла его за руку и восхищенно сказала:

— Как у тебя здорово получается!

— Что получается, маленькая синьорина? — с улыбкой осведомился польщенный майор.

Они вышли из комнаты досмотра и пошли по коридору.

— Ты руками размахиваешь, прямо как огородное пугало, — доверительно поведала девочка, исподтишка наблюдая, как сползает и осыпается довольная ухмылка с вытягивающейся физиономии его превосходительства.

— Землетрясение — большая редкость в наших краях, — заметил Верона, обращаясь к Хорстену в отчаянной попытке сохранить лицо.

— Должно быть, мы угодили прямо в эпицентр, — кивнул ученый. — Я вижу, что остальная часть здания практически не затронута.

— В любом случае вам ничто не угрожало, синьор. Эта постройка отличается исключительной прочностью. Сомневаюсь, что разрушить ее под силу даже очень мощному землетрясению.

— Уж мне-то об этом можно было не говорить, — пробормотал сквозь зубы Дорн Хорстен.

— Прошу прощения?

— Да-да, очень прочная конструкция, — согласился доктор.

Снаружи их ожидал роскошный лимузин на воздушной подушке.

— Усаживайтесь, прошу вас, — гостеприимно распахнул дверцы Верона. — Не торопитесь, места всем хватит.

Перед тем как нырнуть на переднее сиденье рядом с водителем, Джерри на секунду задержался.

— Послушайте, а вы точно не из турбюро... — начал он.

Майор заметно побледнел, но тут Зорро дернул Родса за рукав.

— Майор Верона — важный правительственный чиновник, Джерри. Он прибыл сюда, чтобы встретить доктора Хорстена. А мы с тобой вообще ни при чем.

Скажи спасибо, что хоть до гостиницы подвезут за компанию.

— Да? — удивился Родс — Потрясающе! Знала бы об этом моя матушка! Странно, что старушка не уведомила о моем приезде кого-нибудь из местных отделений МКП, ВТА или, скажем, ДРР. Она везде состоит в совете директоров, и я, признаться, ожидал скучнейшей церемонии с оркестром и речами по бумажке.

— Я слышал, разумеется, о Межпланетной конфедерации профсоюзов и Всемирной туристической ассоциации, — заметил Дорн Хорстен, — но аббревиатура ДРР мне незнакома.

— Дочери русской революции, — объяснил Джерри. — Одна из моих прапрапрабабушек была родом из Ленинграда. Исключительно консервативная организация. Собирает старых клуш, обожающих размахивать красными флагами и выкрикивать всякие дурацкие лозунги.

— Революция? — насторожился Верона. — Должен предупредить вас, синьор, что на Фьоренце косо смотрят на употребление этого термина.

Хорстен поспешил на выручку:

— Если память мне не изменяет, майор, наш юный друг имел в виду революцию, случившуюся много веков назад. Между прочим, у меня имеется на этот счет любопытная теория. Чем длиннее временной период, отделяющий от тех или иных революционных событий, тем благосклоннее к ним отношение последующих поколений. Приведу пример. Когда Луций Брут и Луций Коллатин свергли власть Тарквиниев, оба они выступали на стороне фанатичной черни. Но минули века, и их имена — имена основателей республики — вновь обрели почет и уважение. А позднейшие правители Рима, вплоть до первых цезарей, почитали за счастье, если могли проследить свою родословную до первых консулов, отразивших Тарквиния Гордого и нанятых им этрусков.

Был в истории и такой период, когда лояльные подданные Британской короны на Североамериканском континенте бежали в Канаду или возвращались в Англию, спасаясь от ярости толп мятежников, разогретых до белого каления ораторами типа Сэма Адамса и Томаса Пейна и возглавляемых авантюристами вроде Джорджа Вашингтона. Бунтовщики, гордо именующие себя Сынами Свободы, разграбили, сожгли и уничтожили почти все имущество приверженцев тори. Но прошло не больше столетия, и потомки мятежников образовали одну из самых консервативных наций на Земле, что отнюдь не мешало им гордиться своим происхождением.

Джерри Родс широко зевнул. Элен укачивала на руках куклу, тихонечко напевая ей песенку про трех малышей в голубом.

— Сыны Свободы... — задумчиво повторил майор. — По опыту знаю, что организации, называющие себя подобным образом, наиболее склонны к подрывной деятельности. Разумеется, правительство Фьоренцы придерживается демократических принципов, но бывают обстоятельства, когда гражданские свободы нуждаются в ограничении. Свобода слова — это замечательно, но нельзя же, согласитесь, позволить каждому идиоту кричать: «Пожар! Горим!» в переполненном театре!

— Почему бы и нет? — возразил Джерри. — Разве свобода слова не дороже парочки театров, пускай даже и переполненных народом? К тому же никто не может запретить другим кричать: «Не верьте ему, никакого пожара нет!»

Майор Верона подозрительно посмотрел на Родса и насторожился. Зорро попытался ему подмигнуть, но Джерри ничего не замечал. Его понесло:

— Я тут вспомнил кое-что из курса истории старушки Земли, который изучал в колледже. Все ведущие нации того периода неустанно трубили о защите свободы, демократии и прав человека. Подкрепляя слова делом, они нередко посылали целые армии численностью в несколько сот тысяч человек, вооруженных новейшим оружием, с целью защитить демократические свободы и человеческие права в какой-нибудь отсталой стране в соседнем полушарии, население которой ни о чем таком и не слыхивало. Но если вдруг негр, еврей или индус выходил на центральную площадь своего города в тех же Соединенных Штатах и начинал протестовать против притеснения национальных меньшинств, на него сразу набрасывались два десятка полицейских и волокли в кутузку под тем предлогом, что он, осуществляя свое право на свободу слова, нарушает не только общественное спокойствие, но и права других людей, которым его речи могут прийти не по нраву и вообще испортить настроение. Представляете себе комизм ситуации? Крупнейшие мировые державы с готовностью приносили в жертву сотни тысяч косоглазых или черномазых за рубежом, якобы защищая их демократические права и свободы, в то время как у себя дома те же властные структуры допускали свободу слова лишь в том объеме, который их устраивал. Теоретически вы могли написать все что угодно. Но опубликовать написанное имели шанс лишь в том случае, если оно понравится тем, кто держал в руках так называемую «свободную» прессу. Вы также имели право голосовать за кого хотите — при условии, что голосуете за кандидата, выдвинутого все теми же властями. Собственно говоря, других кандидатов все равно не было — законы о выборах ставили практически неодолимые преграды на пути всех прочих претендентов. Вы имели право устроить демонстрацию протеста, но прежде...

Бас доктора Хорстена без труда перекрыл голос Джерри:

— Прошу прощения, синьор Верона, за нескромный вопрос, но меня смущает одна деталь. Хотя я и посещал раньше вашу планету, но не могу похвастаться детальным знанием местных обычаев. Скажите, пожалуйста, чем объясняется присутствие в вашей речи многих выражений и терминов, отсутствующих в стандартном базисном языке?

Майор, смотревший на Родса как удав на кролика, вздрогнул, тряхнул головой и повернулся к ученому:

— Мне понятен ваш интерес, дорогой доктор Хорстен. Полагаю, это связано с нашей исторической родиной. Хотя первые транспорты с колонистами прибыли на Фьоренцу с Авалона, все мы здесь ведем свое происхождение от выходцев из Италии — самого благословенного уголка на Земле.

— Вопы ¹, — пробормотала Элен, ожесточенно раскачивая куклу.

— Что?! — Синьор Верона подпрыгнул как ужаленный и в ужасе уставился на девочку.

— Оп-па! — воскликнула Элен, высоко подбрасывая Гертруду. — Оп-па! — И она еще раз подкинула куклу под самую крышу лимузина.

Изрядно потрясенный майор с трудом заставил себя сосредоточиться на светской беседе с невозмутимым Дорном Хорстеном.

— Как бы то ни было, синьор, мы гордимся тем, что не забываем и наш родной язык.

— Понятно, — кивнул ученый.

Водитель что-то пробурчал через плечо. Верона встрепнулся и объявил:

— «Альберго Палаццо», синьоры!

Он открыл дверцу аэромобиля, не дожидаясь шофера, и помог выйти из него остальным. С полдюжины служащих отеля мгновенно расхватили багаж. Советник Третьего Синьора сам провел своих подопечных к стойке регистрации, поминутно извиняясь:

— Вы не представляете, синьор Хорстен, как тяжело в столице с гостиничными номерами! Кстати, столица, как и вся планета, также носит название Фьоренца. Все отели переполнены. Буквально забиты до отказа, дорогой доктор! Мне страшно жаль, но мы можем предложить вам и синьорине Элен только одноместный номер на первом этаже рядом с рестораном.

— Что ж, как-нибудь перебьемся, — скрепя сердце согласился обескураженный ученый.

— Что касается вас, синьор, — повернулся майор к Зорро Хуаресу, — то я вынужден с прискорбием сообщить, что для вас не нашлось ничего лучшего, кроме небольшого помещения в подвальном этаже, где ранее размещалась дворницкая. Сейчас его приводят в порядок.

— Вот здорово! — скривился Зорро.

— А как насчет меня? — поинтересовался Джерри. Верона в затруднении потер губы ладонью и промямлил после долгой паузы:

— Мы... мы обязательно что-нибудь подыщем для вас, синьор Родс.

Элен искоса бросила на незадачливого плейбоя торжествующий взгляд и презрительно фыркнула. Одной рукой она прижимала к себе куклу, в другой держала коробку с игрушками.

Оформление Хорстенов и Зорро Хуареса отняло у портье минимум времени. Тем более странно для постояльцев было видеть за стойкой такой атрибут давно минувшей эпохи, как звонок со шнурком для вызова посыльных или коридорных. Очевидно, латинский темперамент обитателей Фьоренцы не входил в противоречие с подобными анахронизмами — по крайней мере в том, что касалось гостиничного бизнеса.

Покончив с формальностями, величественного вида администратор соизволил обратить

¹ Воп (Wop) — презрительное прозвище итальянцев в англоязычных странах. (Здесь и далее примечания А. Рубова — Ред)

внимание на заскучавшего Джерри.

— Что вы желаете, синьор? — почтительно осведомился он.

Роберто Верона заговорил первым. Было как-то непривычно слышать искательные нотки в голосе его превосходительства.

— Синьор Родс — наш уважаемый гость с Каталины. Если вас не затруднит... — Он запнулся и умолк, отлично зная, что «Альберго Палаццо» действительно забит под завязку.

Против ожидания, портье расплылся в широчайшей улыбке, хотя, возможно, он просто неправильно истолковал проявление заботы о Джерри со стороны высокого правительственного чиновника.

— Мы будем просто счастливы видеть такого дорогого гостя в числе постояльцев нашего отеля! — с энтузиазмом воскликнул он.

— Мне нужны апартаменты, — барственным тоном заявил Джерри. — Самые лучшие, какие вы можете предложить. Достойные моей персоны.

Элен хихикнула.

— Безусловно, синьор! — всплеснул руками портье. — Как удачно, что ваш приезд совпал со звонком секретаря Первого Синьора, поставившего нас в известность об отказе его высокопревосходительства принять участие в работе партийного съезда. Его апартаменты, таким образом, свободны и находятся в вашем полном распоряжении.

— Гур-р-рг, — поперхнулся майор.

— Меня устраивает, — благосклонно кивнул Джерри.

— О нет, только не это! — пробормотала Элен.

Родс обернулся к Хорстену.

— Послушайте, док, я тут подумал... Сколько комнат в моих апартаментах? — обратился он к портье. — Спальных, я имею в виду?

— Шесть, синьор, не считая личной спальни его высокопревосходительства, которую он занимает, когда проживает под крышей нашего отеля. Шесть спален, шесть ванных комнат и...

— Замечательно! — Родс снова повернулся к ученому и радушно предложил: — Вы можете поселиться вместе со мной, док. Вы и малышка Элен. Не беспокойтесь, вы мне ничуть не мешаете. — Он помедлил секунду, но потом решил, видимо, что нет смысла ограничиваться полумерами: — Приглашаю и вас тоже, Хуарес. Думаю, бывшая дворницкая — не самое подходящее место для джентльмена-гаучо.

Зорро, до того момента пребывавший в унынии, колебался не дольше, чем требовали приличия.

— Благодарю вас, вы очень любезны, — поклонился он. — Честно говоря, дворницкая и впрямь не лучшее место для деловых контактов.

— Ну вот и договорились, — обрадовался Джерри и кивнул майору: — Вы не проследите, дружище, чтобы весь наш багаж доставили в мои апартаменты?

Советника Третьего Синьора передернуло.

Всю дорогу в лифте до верхнего этажа, где располагались апартаменты, Элен не сводила с Джерри обвиняющего взгляда.

— Не стану даже спрашивать, как тебе удалось это проверить, потому что заранее знаю твой ответ! — злобно прошипела она.

Родс снисходительно усмехнулся. Элен с отвращением отвернулась.

Майор Верона временно распрощался с подопечными, пообещав заглянуть еще и позаботиться о нуждах гостей, если таковые возникнут. Пожелав им благополучно устроиться на новом месте, он оставил их на попечение целой армии коридорных во главе с заместителем управляющего и куда-то исчез.

— Вы проследите, надеюсь, чтобы все эти парни получили соответствующее вознаграждение? — обратился Джерри к менеджеру. — Сумму можете вписать в мой счет. И не стесняйтесь, пожалуйста, — я никогда не скуплюсь на чаевые.

Служащий вежливо наклонил голову, сохраняя на лице бесстрастное выражение.

— Мне, конечно, доводилось слышать, синьор, о порочной практике поборов с постояльцев на других планетах, — сухо сказал он, — но на Фьоренце, смею вас уверить, с этим давно покончено.

— Вы шутите? — недоверчиво хмыкнул Родс.

— Нисколько, синьор!

— Хотите сказать, что эти... эти ребятки будут возражать против пары-тройки межпланетных кредитов в виде прибавки к жалованью?

— Именно это я и имел в виду, синьор.

— Да вы просто с ума сошли! — высокомерно бросил Джерри.

Один из коридорных мгновенно оказался рядом с побагровевшим менеджером.

— Если синьор direttore нуждается в услугах секунданта... — начал он.

Тут же вперед выступил второй коридорный.

Хорстен ловко вклинился между ними и подхватил под локоток обиженного служащего, всем своим видом демонстрируя восхищение и признательность.

— Тысяча благодарностей, синьор, за вашу бесценную помощь. У вас великолепный отель! Все так красиво, удобно, чисто, — продолжал он, незаметно подталкивая менеджера к дверям, предусмотрительно распахнутым Хуаресом. — И обслуживание на высшем уровне!

Когда фьорентиец и его подручные оказались за пределами номера, Зорро обессиленно привалился спиной к двери и рукавом вытер со лба обильный пот.

— Ну и ну! — присвистнул он, переводя дыхание, и окинул Родса далеким от восхищения взглядом.

— Мне велели разыгрывать плейбоя, вот я и разыгрываю! — огрызнулся тот, избегая, однако, встречаться глазами с коллегой.

Доктор Хорстен и его «дочь» усиленно гримасничали. Потом Элен страшно оскалилась и приложила пальчик к губам. Джерри непонимающе заморгал.

Элен швырнула коробку в кресло, перевернула Гертруду кверху задом, задрала ей юбочку на голову, коснулась неприметной выпуклости на пластиковой спине куклы и передала ее своему великану напарнику. Хорстен, ни слова не говоря, поднял игрушку над головой и обошел всю комнату по периметру, особо задерживаясь у осветительных приборов, лепных украшений, мебели и прочих предметов обихода. Затем он проследовал в соседние комнаты, где проделал ту же процедуру. Остальные гурьбой сопровождали ученого. К этому моменту цель обследования стала понятна даже тугодуму Джерри.

Наконец доктор Хорстен остановился и в недоумении покачал головой.

— Ни единого намека на подслушивающие устройства, — пророкотал он вполголоса.

Элен отключила вмонтированный в куклу датчик и нахмурилась. Внезапно лицо ее прояснилось.

— Я знаю, в чем дело, — объявила она, щелкнув пальцами.

Все в ожидании уставились на нее.

— Все очень просто, — начала Элен. — Эти апартаменты предназначались для Первого Синьора и его свиты, правильно? А кто же осмелится подслушивать главу государства? Вполне возможно, что во всем отеле это единственное свободное от «жучков» место. Нам здорово повезло, коллеги. — Тут она спохватилась и поспешно добавила: — Беру назад последнюю фразу!

— Это еще почему? — обиделся Родс. — У нас самая роскошная «крыша» в городе, и мы здесь все вместе, что в значительной мере облегчает нашу задачу и избавляет от нескромных вопросов. Проклятье, где же бар? В такой плюшевой обстановке без бара никак не обойтись. Кто-нибудь в курсе, какого рода выпивку предпочитают фьорентийцы?

— Кажется, я видел что-то похожее в гостинной, — вспомнил Зорро и первым направился туда.

Никто не возражал против того, чтобы расслабиться, сидя в уютном кресле или на мягком диване. Джерри как хозяин дома добровольно взял на себя обязанности бармена, обнося коллег напитками по их выбору. Как и следовало ожидать, бар, хотя и небольшой,

был заполнен исключительно высококачественными образчиками алкогольной продукции — сплошь импортной и произведенной порой в самых экзотических мирах Содружества.

— Вот это, я понимаю, жизнь! — провозгласил Джерри, салютуя коллегам высоко поднятым бокалом.

Дорн Хорстен озабоченно поглядывал на Элен. Та уютно устроилась в гигантском кресле — таком большом, что ее пухлые ножки в белых носочках не дотягивались и до края сиденья. В руках она держала огромный пузатый фужер для шампанского, из которого с нескрываемым удовольствием потягивала что-то зеленовато-желтое и тягучее.

— Нет, никогда я, наверное, к этому не привыкну! — пробормотал ученый, уныло качая головой.

Осушив примерно половину фужера, Элен устремила на Родса немигающий, по-рыбьи холодный взгляд.

— А теперь объясни нам, придурок, — рявкнула она, — как тебя угораздило обронить бляху агента «секции лжи» прямо на глазах у тех проклятых таможенников?! Ты нас всех что, под расстрел подвести хочешь?

Джерри ее вспышка застала врасплох. Он сразу увял и скучился, как шкодливого мальчишка, которого отчитали за проступок.

— Я же не нарочно, — жалобно протянул он.

— Насколько я помню, мы заранее договорились оставить дома, в Октагоне, все, что так или иначе могло нас выдать. А если бы им вздумалось нас обыскать?

Родс стал еще больше похож на застигнутого на месте преступления подростка.

— А может, я горжусь тем, что служу в «секции джи», — пробурчал он, хмуро разглядывая носки ботинок. — Потому и не хотел расставаться со своей бляхой!

Элен в отчаянии закатила глаза.

— Но все ведь закончилось удачно, правда? — вновь заговорил Джерри примирительным тоном. — Сначала всех отвлекло землетрясение, а потом тот тип, Рудольф, кажется, перепугался и забыл, что бляха выскочила из моего кармана. Повезло!

— Землетрясение, говоришь? — прищурился Хор-стен. — Да я себе чуть спину не надорвал, сотрясая стены!

— Перепугался и забыл, говоришь? — оскорбленно взвилась Элен. — Ты думаешь, мне легко было добраться до шкуры этого Рудольфа и воткнуть в нее шприц с составом для промывки мозгов? Теперь у него начисто стерты из памяти три часа жизни, а нам остается только молиться, чтобы этим случаем не занялся какой-нибудь не в меру подозрительный врач. Каким бы идиотом ни казался наш обходительный друг синьор Верона, даже он поймет, что к чему, если анализ крови Рудольфа покажет наличие в ней спецпрепарата! Если это всплывет наружу, нас четверых и наши вещи разберут на атомы и вытрясут все, вплоть до последней капли дерьма!

Доктор Хорстен сморщился, как от зубной боли. Наедине с коллегами его «дочурка» редко стеснялась в выражениях. Зорро Хуарес отхлебнул из своего бокала и задумчиво произнес:

— Может быть, имеет смысл встретиться с майором и посвятить его в наше задание? Что ни говори, а мы все-таки на его стороне. Разве мы здесь не для того, чтобы бороться с энгелистами, которые препятствуют нормальному развитию этой несчастной планеты?

— А откуда мы знаем, что он сам не энгелист? — возразил Хорстен.

Хуарес непонимающе посмотрел на ученого.

— Святой Предел! — вырвалось у доктора. — Раскиньте мозгами, друг мой! В истории полно прецедентов такого рода. Судя по всему, подпольное движение на Фьоренце носит массовый характер, и его агенты наверняка проникли во все ключевые сферы политики и экономики. Кто поручится, что их нет в самом кабинете Первого Синьора? Любой из его министров может оказаться скрытым энгелистом! И уж тем более мы не можем доверять никому из сотрудников руководимых ими департаментов. Даже таким высокопоставленным, как синьор Верона.

— Нам нельзя забывать и о том, — добавила Элен, — что наши предшественники — все опытные оперативники «секции джи» — не добились практически никаких результатов. Это свидетельствует о чрезвычайно высокой эффективности подпольного движения. А вы знаете, когда деятельность подполья становится по-настоящему эффективной?

— Когда? — жадно спросил Джерри.

— Как раз перед тем, как оно приходит к власти, — сообщила Элен. — И это значит, что нам нужно поторапливаться, иначе все закончится таким хаосом, что мы можем отсюда вообще не выбраться.

— Революционные потрясения крайне непредсказуемы, — уныло подтвердил доктор Хорстен. — Нисколько не удивлюсь, если погибнет большая часть населения, а уцелевшие окажутся отброшены на столетие назад. Какой уж тогда прогресс...

Зорро допил бокал и громко хмыкнул.

— Мне тут пришла в голову отличная идея, — начал он. — Если ее осуществить, наши коллеги из «секции джи» смогут закулисно управлять всеми планетами Содружества. — Он лениво поднялся с кресла и направился к бару за добавкой, не обращая внимания на жгучий интерес на лицах слушателей. Вернувшись на место, Хуарес поднял бокал, отхлебнул и продолжил развивать свою мысль: — Все, что потребуется, — это завладеть одним из преобразователей материи из Рассветных миров. Доставляем конвертер на какую-нибудь из планет, где в ходу деньги. Допустим, денежным эквивалентом там служит платина. Берем один слиток, дублируем его и так далее, пока не получаем достаточно платины, чтобы подкупить каждого правительственного чиновника, начиная от короля, президента или верховного жреца и заканчивая ответственным за отлов бродячих собак, после чего устанавливаем на планете такое общественно-экономическое устройство, какое нам подходит.

Трое слушателей натянуто рассмеялись.

— Звучит красиво, — рассеянно кивнул Джерри.

— Я пошутил, разумеется, — снова заговорил Зорро, — но согласитесь, коллеги, в каждой шутке есть и рациональное зерно. Знать бы еще, где эти чертовы Рассветные миры находятся... В руках «секции джи» преобразователь материи мог бы стать тайным оружием и мощнейшим фактором влияния.

— Забудь об этом, любовничек, — устало посоветовала Элен. — В том направлении лучше не соваться — и сам погибнешь, и всю человеческую расу погубишь.

— Местонахождение Рассветных миров — это самый большой секрет в Галактике, — строго заметил Хорстен. — Даже для служащих «секции джи»! Они лежат где-то за пределами системы Фригии, но сам этот факт еще ни о чем не говорит. Фригия — всего лишь самая отдаленная от центра Галактики планета, заселенная людьми. Точнее говоря, была заселенной до недавнего времени. Но искать, не имея точных координат, Рассветные миры за ее пределами еще более бессмысленно, чем иголку в стоге сена.

— Ну, кому-то ведь эти координаты известны, — возразил Зорро. — Сами говорили, что там уже побывал кто-то из наших. Как, кстати, звали того парня, что занимался этим делом?

— Ронни Бронстон, — подсказала Элен. — И еще агент Бердман.

— А что с ними случилось потом?

— Бердман погиб, а Ронни угодил в госпиталь. — Элен вздохнула. — Мне рассказывали, что раньше он был добрым, симпатичным, немного наивным парнем. А сейчас Бронстон считается одним из самых крутых агентов и служит Силу Джейксу если не правой рукой, то пальцем на спусковом крючке. Между прочим, на вашем месте, коллеги, я не стала бы обольщаться манерами и внешностью Сиды. Он упертый до фанатизма, а за такими всегда нужен глаз да глаз. Иначе можно плохо кончить, особенно если попытаешься перейти им дорогу. Никогда не слышали байку про одного такого упертого типа? Его звали Иешуа, а родом он был из заштатного городишки под названием Назарет. За ним повсюду таскались двенадцать шустрых ребятишек, но ни одному из них, если верить историческим хроникам,

так и не удалось ни в чем превзойти предводителя.

— Очень смешно, — хмуро буркнул Зорро.

Дорн Хорстен допил свой бокал и аккуратно поставил его на коктейльный столик:

— Ну, хватит болтать, коллеги. Займемся обсуждением программы действий. Что у нас стоит первым пунктом?

— Прежде всего, нам нужно отыскать штаб-квартиру подпольщиков, — сказал Родс — С моим везением...

— Прекрати сейчас же! — рассердилась Элен.

Мягко загудел звонок. Все разом обернулись к двери.

— Не думаю, что это Верона, — заметил Зорро. — Вряд ли он успел бы так быстро обернуться.

Дорн Хорстен поднялся и направился в прихожую. Элен вприпрыжку догнала его и уцепилась за руку. Зрелище получилось на редкость трогательное. К сожалению, входная дверь, как и все остальное в «Альберго Палаццо», была изготовлена сообразно вкусам давно минувших дней и не имела даже встроенного глазка. Поэтому доктор просто распахнул ее и остановился на пороге, вежливо наклонив голову и близоруко щурясь из-под съехавшего на кончик носа пенсне.

За дверью стояли двое. Элен и ее предполагаемому родителю потребовалось несколько секунд, чтобы опознать визитеров. Хотя они сменили форменные мундиры на гражданскую одежду строгого, формального покроя, это были те самые двое таможенников, которые час назад производили досмотр их вещей вместе с инспектором Гросси.

— Чем обязан, синьоры? — сухо осведомился ученый. Гости церемонно поклонились.

— Нам сообщили, что синьор Хуарес находится здесь, — ответил один из них.

— Зачем вам нужен дядя Зорро? — грозно нахмурилась Элен, засунув в рот пальчик. — Это мой жених!

— Успокойся, милая, все в порядке, — пробормотал доктор, наклонившись к девочке. — Да, гражданин Хуарес сейчас в гостиной, — сказал он, вновь обращаясь к посетителям. — А в чем, собственно...

— Это визит чести, синьор, — заговорил второй таможенник. — Мы хотели бы обсудить условия с доверенными лицами синьора Хуареса. Надеемся, у него не возникнет трудностей с выбором секундантов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

5

— Визит чести? — повторил ученый, с сомнением рассматривая гостей.

— Инспектор Гросси в отчаянии, синьор, — сообщил первый таможенник. — Только после вашего отъезда он осознал, какое глубокое оскорбление нанес синьору Хуаресу, выразив косвенное сомнение в его высоком статусе благородного гаучо.

Элен первой сообразила, куда он клонит.

— Пускай ваш глупый инспектор только попробует застрелить моего любимого дядю Зорро! — заверещала она, размахивая кулачками.

Оба таможенника ощутимо вздрогнули, но не отступили ни на шаг. Так и стояли на пороге в деревянных позах, глядя прямо перед собой.

— Дзен! — пробормотал Хорстен.

Второй таможенник счел необходимым представить дополнительные объяснения:

— Возможно, Дуэльный кодекс Вакамундо в чем-то отличается от нашего, доктор Хорстен. Поэтому разрешите уведомить в вашем лице синьора Хуареса в том, что по принятым на Фьоренце правилам право выбора оружия, места и времени поединка принадлежит получившему вызов. Эти и все прочие детали, разумеется, подлежат

согласованию на личной встрече секундантов обеих заинтересованных сторон.

— Вы уверены, синьоры, что это дело нельзя уладить как-нибудь по-другому? — предпринял последнюю попытку договориться Хорстен, но тут же сконфуженно умолк, натолкнувшись на полное непонимание и холодное отчуждение в глазах посетителей.

— Они злые, я их боюсь! — захныкала Элен. — Пускай они идут домой, папуля!

— На данном этапе от синьора Хуареса требуется лишь назвать своих секундантов, — не выдержал первый.

Доктор на мгновение задумался.

— Подождите, пожалуйста, здесь, синьоры, — сказал он. — Я на минутку. — Он повернулся и направился в гостиную.

— Ну, что там такое? — лениво осведомился Джерри, развалившийся в мягком кресле.

Хорстен с сочувствием посмотрел на Зорро:

— Ваш приятель инспектор Гросси долго думал и пришел к выводу, что нанес вам оскорбление, усомнившись в вашем благородном происхождении. Помните, как вы его уверяли, что эта ваша плетка служит непрямым атрибутом джентльмена-гаучо на Вакамундо, а он все равно заставил ее проверить детектором?

— Моя транка? Да это же чушь собачья! У нас ее все кому не лень таскают. Сам не знаю, с чего меня вдруг сочинять потянуло?

— Замечательно. Но отступать поздно — синьор Гросси принял ваши слова за чистую монету.

— Ну и черт с ним! — проворчал Зорро. — Передайте, что я готов принять его извинения.

— К сожалению, инспектор не выразил готовности их принести. Вместо этого он прислал двух секундантов. Должно быть, он искренне считает, что смертельно обидит вас, если не предоставит возможности продырявить его шкуру тем или иным способом.

— И что же нам теперь делать? — ошарашенно спросил Хуарес.

— Если откажешься, — предупредил Джерри, — то потерять лицо, имидж или что там еще теряют, когда избегают честного поединка.

— По «легенде», у вас роль независимого скотовода, то есть крепкого, жесткого парня, никому не дающего спуска, — заметил Хорстен. — Боюсь, отказ от поединка нанесет ущерб не только вашей деловой репутации, но и вызовет подозрения относительно вашей благонадежности. Особенно после того спектакля, который вы устроили на таможне, корча из себя «благородного гаучо».

— Ладно, чего им от меня сейчас нужно? — нехотя буркнул Хуарес.

— Назвать своих секундантов, с которыми они смогут договориться об условиях дуэли.

— Хорошо, я называю вас двоих. Можете поговорить с ними, назначить дату и все такое, а потом решим, что делать дальше.

— Вы уверены, что хотите этого?

— А куда мне, черт побери, деваться?! — взорвался Зорро.

Джерри поднялся с кресла.

— Забавно получается, — сказал он. — Всегда был игроком, а тут впервые придется выступать в роли «болвана».

— Очень смешно, — проворчал Хуарес.

Когда Родс и Хорстен вышли в прихожую, глазам их предстало незабываемое зрелище. Малышка Элен, грозно подбоченясь, разносила в пух и прах ошалевших таможенников. Судя по их несчастным физиономиям, они из последних сил пытались сохранять невозмутимость и достоинство.

— Так и передайте вашему дураку инспектору, — вопила она, — что я ему не позволю и пальцем притронуться к моему любимому дяде Зорро! Я ему морду расцарапаю, волосы повырываю, он у меня...

— Замолчи сейчас же, Элен! — строго приказал доктор. — Это дела взрослых, они тебя не касаются.

— Ха! — фыркнула девочка.

— Гражданин Родс и я имеем честь представлять гражданина Хуареса, — поклонился Хорстен секундантам инспектора Гросси. — Если нет возражений, мы можем встретиться сегодня вечером в гостиничном баре. Кстати, я даже не знаю, имеется ли здесь бар?

Возражений не было. Бар имелся.

— В десять вечера вас устроит, синьоры?

Синьоров устраивало. Они поклонились. Доктор поклонился. Джерри Родс поклонился. Элен высунула язык.

Когда представители таможни удалились, Хорстен сказал, задумчиво качая головой:

— Я очень надеюсь, коллеги, что за этим визитом не кроется нечто большее.

— Как это? — не понял Джерри.

— На первый взгляд случившееся с коллегой Хуаресом — всего лишь нелепая история, характерная для общества, в котором сохранился такой анахронизм, как дуэли. С другой стороны, кто даст гарантию, что мы не имеем дела с целенаправленной попыткой вывести из строя одного из членов нашей группы? Не замешаны ли в этом ангелисты? Вспомните того же Бульшана.

— Бульшан? — вопросительно подняла брови Элен.

— Последний резидент «секции джи» на Фьоренце. Он получил вызов и был убит.

— Похоже, вы попали в точку, док, — помрачнел Джерри Родс — Таможенный инспектор — самая подходящая кандидатура, чтобы убрать нежелательного визитера. В конце концов, он первым встречает всех, кто посещает Фьоренцу. Что ему стоит спровоцировать новичка на нарушение какого-нибудь местного табу при свидетелях, преспокойно вызвать на дуэль и пристрелить где-нибудь в укромном уголке?

— Так вы тоже считаете, что коллега Хуарес стал жертвой провокации? — удрученно спросил Хорстен.

— Вообще-то это была ваша идея, док, но мне она представляется убедительной.

— Пойдем в гостиную, — предложила Элен. — не то Зорро один совсем заскучает. Между прочим, очень удачно, что папуля напомнил о Бульшане. Кажется, я знаю, с чего нам следует начать!

Они вошли в салон как раз в тот момент, когда Хуарес наливал в свой бокал солидную дозу горячительного. Если он и скучал, то догадаться об этом по его виду было сложно.

— Ну что, договорились? — спросил он.

— Встречаемся в баре в десять вечера, — доложил Джерри. — Кстати, что ты имела в виду, когда сказала, что знаешь, с чего начать? — обернулся он к Элен.

Та заняла прежнее место в облюбованном кресле, скрестила ножки и перешла к делу:

— Поскольку Бульшан мертв, наша единственная зацепка теперь — его бывший офис и оставшиеся после него документы. Кто-нибудь из персонала посольства ООП наверняка за ними присматривает. Туда-то мы и отправимся.

— Хорошая идея, — одобрил Хорстен. — И мы всегда можем сказать, что перед отлетом на Фьоренцу нам было рекомендовано, учитывая нестабильную обстановку на планете, зарегистрироваться в посольстве.

— Что за нестабильная обстановка? — спросила Элен.

— Нестабильная обстановка, вызванная происками и подрывными действиями подпольного движения, — пояснил доктор.

— Резонно, — согласился Зорро. — Если за нами вдруг «хвост» увяжется или еще что-нибудь, у нас имеется вполне уважительная причина для посещения посольства. Пойду-ка я звякну портье и узнаю адрес. — Он поставил бокал на бар и вышел в прихожую, где висел телефонный аппарат.

Элен залихватски опрокинула остатки содержимого своего фужера. Доктор Хорстен поморщился.

— Как жаль, что ты не можешь позволить себе носить нормальную одежду, когда здесь нет посторонних, — вздохнул он. — Конечно, ты выглядела бы как лилипутка, но по

крайней мере...

— Помолчал бы лучше, бегемот хренов, — огрызнулась Элен. — Хорошо бы мы выглядели, найди таможенники в нашем багаже ворох вечерних платьев моего размера! Не боишься прослыть педофилом, папуля?

— Тогда постарайся хотя бы делать вид, что пьешь лимонад или минеральную воду. Меня дрожь пробирает, когда ты хлещешь спиртное, как член общества анонимных алкоголиков, задавшийся целью с треском из него вылететь.

«Дочурка» скорчила презрительную гримасу и высунула язык.

Зорро вернулся из прихожей чернее тучи.

— Эй, ты чего такой мрачный? — удивился Джерри и сладко зевнул. — Послушайте, друзья, а давайте все отложим и устроим вылазку в город. Отвлечемся, ноги разомнем...

— Ничего другого нам и не остается, — буркнул Хуарес — Накрылся наш визит в посольство!

— Что ты имеешь в виду? — встрепелась Элен.

— Сегодня всему персоналу полномочного представительства ООП на Фьоренце было предложено освободить помещение, собрать вещички и в кратчайший срок покинуть планету. Посольство закрыто и опечатано.

— Но почему?! — хором воскликнули Хорстен и Джерри.

— Потому что под прикрытием дипломатического учреждения таилось, цитирую: «отвратительное змеиное гнездо шпионажа и подрывной деятельности».

Трое агентов молча переглянулись.

— Это еще не все, — продолжал Зорро. — Не знаю, на кого нарвался, но тому типу, с которым я разговаривал по справочному, определенно не понравился мой интерес к посольству. По-моему, он меня в чем-то заподозрил.

— Давно это случилось? — спросил Дорн Хорстен.

— Еще утром, если не ошибаюсь. Насколько я понял, полиция подловила одного из посольских служащих на чем-то неблагоприятном. Дело раздули, окрестили «вмешательством во внутренние дела суверенного мира» и под этим предлогом приказали всем убираться восвояси в двадцать четыре часа.

— А я ведь предупреждала вас, коллеги, — напомнила Элен, — что подпольное движение пронизало всю систему государственной власти. Неужели вы не видите, что закрытие посольства ООП — это следствие провокации диссидентов? И это означает, что до решающего выступления оппозиции ждать уже недолго. Скоро все здесь разлетится к чертям, и планета превратится в сумасшедший дом.

— Если это произойдет, нашей миссии конец, — констатировал Хорстен. — Фьоренцу придется списать со счетов минимум на несколько лет — до тех пор, пока она вновь не возобновит движение к прогрессу, внося свой вклад в общий потенциал всего человечества.

— Ну, не стоит так мрачно смотреть на вещи, док, — возразил Джерри. — Кто знает, не окажется ли новое правительство лучше прежнего? По-моему, Первый Синьор и его министры чересчур предвзято относятся к оппозиции. Возможно, эти ангелисты — не такие уж плохие парни.

— Октагон так не считает, — парировала Элен, не скрывая пренебрежительного отношения к дилетантским суждениям Родса. — Народ и правительство этой планеты стремятся к свободному либерально-демократическому развитию по пути прогресса, потому что искренне хотят этого. Такое стремление заложено в их воспитании, традициях, в их крови, наконец! И только ангелисты изо всех сил стараются столкнуть телегу с дороги на обочину.

— У тебя есть основания так утверждать? — прищурился Хорстен.

— Но это же очевидно! — воскликнула Элен. — Ну кто еще, по-вашему, подрывает устои и заражает своим тлетворным влиянием здоровое и прогрессивное в своей основе общество, если не они?

Зорро Хуарес остановился у окна, тоскливо вглядываясь в хмурые сумерки.

— Такое ощущение, что угодил в тюремную камеру, — пожаловался он. — Одну из тех, что иногда показывают в исторических три-ди-фильмах.

— Что вы имеете в виду? — поднял голову доктор.

— Да вы сами взгляните. Стены метровые и решетки из стальных прутьев такой толщины, что и для слоновьей клетки сгодятся. Не любит, видать, Первый Синьор, чтобы его зря беспокоили.

Ученый немедленно приблизился к Хуаресу. Он пощупал стены, потрогал решетки и посмотрел вниз. До земли было далеко. Они находились на десятом этаже, а потолки в «Альберго Палаццо» были очень высокими.

— Угу, — удовлетворенно промычал доктор.

— Ага! — кивнула Элен.

— Эй, что это на вас нашло? — растерянно спросил Зорро, переводя взгляд с одного на другую..

— Какой, вы говорите, длины ваш кнут, голубчик? — не отвечая на вопрос, осведомился Хорстен.

— Двадцать футов с небольшим. А в чем дело?

Специалист по одноклеточным еще раз выглянул в окно и только тогда снизошел до объяснений:

— Дело в том, друг мой, что кому-то из нас необходимо проникнуть в здание посольства и ознакомиться с досье покойного резидента. Не имел чести знать гражданина Бульшана лично, но слышать о нем приходилось. Он был очень хорошим оперативником и не любил сидеть сложа руки. После него обязательно должны были остаться хоть какие-то материалы.

— По-моему, я что-то упустил, — подал голос Джерри. — Кто-нибудь может мне растолковать, о чем речь?

Элен, в отличие от него, в пояснениях не нуждалась.

— Возможно, ангелисты следят сейчас за нами и за этим номером, — сказала она. — Не исключено также, что они догадываются о наших связях с «секцией джи». Раз они сумели внедриться в посольство ООП, я не удивлюсь, если их агент или агенты отыщутся в самом Октагоне! — Она метнула быстрый, озабоченный взгляд на Хорстена: — Отсюда логически вытекает вопрос: ограничиваются ли происки ангелистов одной Фьоренцой, или их перспективные планы гораздо шире? Впрочем, к этому мы можем вернуться позже.

— Вы меня совсем запутали, коллеги, — пожаловался Джерри. — Нельзя ли изложить суть человеческим языком?

— Хотя бы один из нас, — стала объяснять Элен, — должен как можно скорее проникнуть в посольство и забрать досье Бульшана. Загвоздка в том, что сделать это необходимо так, чтобы об этом не пронюхали ни ангелисты, которые, весьма вероятно, уже держат нас под колпаком, ни майор Верона из Министерства антиподрывной деятельности.

— Майора-то нам чего опасаться? — удивился Зорро.

— Это же элементарно! — усмехнулся Хорстен. — Синьору Вероне и его коллегам за каждым деревом мерещатся ангелисты. Стоит нашему другу майору заподозрить двойную игру — и нас вышвырнут отсюда так быстро, что и опомниться не успеем. И это еще в лучшем случае!

— Короче говоря, — вмешалась Элен, — все сводится к тому, чтобы незамеченными покинуть отель, незамеченными проникнуть в посольство, украсть досье и — опять же незамеченными — вернуться обратно в номер.

— Прямо сказка, а не план! — простонал Джерри. — Мы ведь даже не знаем адреса посольства, не говоря уже о том, что в гостинице только один выход и пройти незамеченным мимо лифтера, портье, швейцара и взвода коридорных может надеяться только бесплотный дух, да и то сомневаюсь. Этот чертов отель наверняка строили с таким расчетом, чтобы каждый постоялец был в нем так же незаметен, как морж в бассейне с золотыми рыбками!

Дорн Хорстен между тем вернулся к окну с решетками. Неторопливо засучив рукава,

он взялся за центральные прутья и напряг свои чудовищные мышцы. Прутья заскрипели, подались и выгнулись дугой, образовав щель, достаточную для того, чтобы в нее можно было пролезть...

— О нет, только не я! — испуганно замахал руками Джерри. — Мне, конечно, везет, но не до такой же степени!

— А зачем это вы интересовались, какой длины мой кнут, доктор? — с подозрением спросил Зорро.

Элен фыркнула, прыгнула с кресла, присела на корточки рядом со своей коробкой и принялась рыться в игрушках.

— Черт! Куда же я задевала кастет? — пробормотала она сквозь зубы.

— Спускайтесь вниз, мой юный друг, — обратился Хорстен к Джерри Родсу, — и спросите у портье карту города. С туристами на Фьоренце не густо, но какая-то схема с отмеченными достопримечательностями наверняка имеется. Можете наплести ему, что собираетесь на прогулку, или придумайте что-то другое. Если у портье карты не окажется, узнайте, где ее можно купить. Масштаб и все прочее значения не имеет — лишь бы на ней было отмечено посольство ООП.

— Минуточку, профессор, — поднял руку Хуарес. — Вы с Элен, похоже, общаетесь телепатически, а я парень простой, ничего такого не умею, но все же хотел бы знать, что вы задумали?

Элен выпрямилась, держа в руках какую-то игрушку. После нескольких манипуляций игрушка распалась на две составные части, одну из которых она отправила обратно в коробку, тихонько напевая себе под нос:

Три малышки в голубом,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля!

Оставшуюся половинку она приладила к правой руке. Затем опробовала кастет, с силой ударив в ладонь левой. Одобрительно кивнув, Элен снизошла наконец до мающегося в неведении Зорро:

— Выше нос, любовничек! Дорн и Джерри сейчас отправятся в бар договариваться с секундантами инспектора, каким способом тот предпочтет свежевать благородного гаучо с планеты Вакамундо. Они отвлекут на себя внимание всех топтунов, кто бы их к нам ни приставил — энгелисты или правительственные организации. А мы с тобой останемся в номере. Нам с Гертрудой давно пора баиньки, ну а ты, естественно, весь поглощен предстоящей дуэлью и на всякий случай молишься об отпущении грехов.

— Не нравится мне это, ох не нравится... — начал Хуарес, но вдруг с удивлением обнаружил, что его никто не слушает.

Элен стояла у окна и сосредоточенно раскручивала, держа за оба конца, узенький ремешок с кожаной нашлепкой посередине.

— Это еще что за хреновина?

— Праща, — коротко пояснила агент.

Она зажмурила один глаз, высунула кончик языка, прицелилась и резко выбросила вперед правую руку. Внизу что-то жалобно звякнуло, и в то же мгновение фонарь под окнами погас.

— А если кто-нибудь явится его ремонтировать?

— К тому времени нас здесь уже не будет. Все, пора двигаться. Да не бойся ты, я с тобой! Проскочим!

Недовольно бормоча что-то сквозь зубы, Зорро закрепил конец бича за лапу каменной горгульи, охраняющей довольно широкий карниз, на который они выбрались через окно, и дважды подергал кнут, проверяя его прочность. Элен, не дожидаясь окончания проверки, ухватила за пояс спутника, подпрыгнула и оседлала его загривок.

— Эй, полегче там! — прошипел он.

Ответом было презрительное молчание. Хуарес тяжело вздохнул, еще раз дернул кнут и начал спуск, быстро перебирая руками кожаный ремень и упираясь ногами в стену.

— Откуда, черт возьми, доктору известно, что я когда-то занимался скалолазанием? — прохрипел он, не особенно, впрочем, рассчитывая на ответ.

Элен покрепче обвила руками его шею.

— Профессор далеко не так рассеян, как кажется, — нежно проворковала она Зорро на ухо. — И куда более опасен. Как и я, впрочем. Мы оба прошлись по твоему досье еще до отлета сюда. И мы в курсе, почему тебе пришлось в такой спешке покинуть Вакамундо. Тебе не стыдно, любовничек?

Даже в темноте было заметно, как напрягся всем телом Хуарес.

— Что? Что ты сказала?! — хрипло прошептал он.

Они спустились на пару этажей до балконной галереи, опоясывающей здание. Длины кнута чуть-чуть не хватило на последние пару футов. Пришлось прыгать.

— Тс-с... — приложила палец к губам Элен и искоса посмотрела на напарника. — Вообще-то я взяла тебя на понт, — призналась она, — но не откажусь узнать, от кого ты сбежал с Вакамундо?

Зорро был занят тем, что пытался освободить кнут, закрепленный двумя этажами выше за лапу каменного чудовища. Легкое вращательное движение — и конец бича словно сам по себе распрямился и соскользнул вниз.

— Не твое собачье дело, — огрызнулся Хуарес — Кроме того, я ни от кого не удираю!

— Ха! — фыркнула Элен.

Добравшись до последнего яруса, Зорро перегнулся через балюстраду и посмотрел вниз:

— Дальше идет сплошная стена.

— Ерунда! Всего три этажа.

— Ничего себе ерунда! А держаться за что? За воздух? Кроме того, ты подумала, как нам возвращаться назад?

— А решетки на окнах, — напонила Элен. — Прячь кнут и доставай свой дурацкий хлыст. Спускаемся ниже, хватаемся за решетку, ты закрепляешь транку за прутья, мы опять спускаемся и так далее. А может, синьор благородный гаучо струсил? — поинтересовалась она с издевкой.

Зорро с ненавистью покосился на нее и начал сматывать кнут, шепотом кляня напарницу, свою работу и самого себя за то, что подписался на эту авантюру. Когда все было готово, Элен снова оседлала его, но на этот раз пристроилась на спине, крепко обхватив ногами за талию.

— Вперед! — скомандовала она. — Дорн и Джерри постараются затянуть переговоры, но к тому времени, когда они решат наконец, каким способом инспектор отправит тебя в лучший мир, нам необходимо вернуться в номер. Все должно выглядеть естественно. Тот же лифтер может заподозрить неладное, если мы не встретим их на пороге. Ты, во всяком случае. Ну а мне как послушной маленькой девочке в столь поздний час положено лежать в постельке.

Зорро молча закрепил хлыст и начал спускаться, высказав напоследок не лишнее черное юмора замечание:

— Если кто-нибудь из постояльцев на нижних этажах выглянет в окно, как бы нас с тобой не приняли за вампиров!

Преодолев последние несколько футов, отделяющие их от земли, Элен и Зорро очутились в начале небольшой аллеи, примыкающей к задворкам «Альберго Палаццо». Несколько секунд они стояли на месте, осматриваясь и переводя дух. Хуарес поднял голову, нашел глазами десятый этаж и содрогнулся.

— Безупречное алиби! — с удовольствием констатировала Элен. — Ни один судья в Содружестве в жизни не поверит, что кто-то мог покинуть это заведение подобным способом.

— Руки вверх! — слышался сзади чей-то грозный голос. — Я все видел! Стоять смирно и не дергаться! У меня в руках скремблер, и я не промахнусь, будьте уверены!

Проклятие сорвалось с губ Зорро. Он застыл на месте, но Элен среагировала мгновенно. С криком: «Спасите! Спасите! Меня похитили!» — она развернулась и бросилась бежать по аллее, ориентируясь на звук голоса. Фигуру его обладателя, скрытую в зарослях кустарника, она сумела разглядеть лишь когда оказалась совсем рядом.

— Стой, куда ты?! — только и успел крикнуть облаченный в полицейскую форму смуглый коренастый мужчина, прежде чем девочка в прыжке бросилась к нему на шею. — Пусти! Да пусти же! — снова закричал он, безуспешно пытаясь высвободить правую руку с оружием, прочно заблокированную крепко сцепленными ножками рыдающего, насмерть перепуганного ребенка.

— Я хочу к папуле! — заверещала Элен. — Я не хочу, чтобы меня похищали!

Полицейский предпринял еще одну отчаянную попытку освободить руку со скремблером, но выпорхнувший из мрака кожаный отросток в мгновение ока обвился вокруг ствола и бесцеремонно вырвал оружие из сразу онемевших пальцев.

— Спасите меня! Спасите! — продолжала надрываться Элен.

Снова слышался легкий посвист бича, больше напоминающий шелест травы или сухих листьев, и у несчастного стража порядка перехватило дыхание. Сознание стремительно погружалось во тьму, но он до последнего проблеска так и не смог заставить себя поверить в реальность происходящего.

Агенты склонились над неподвижным телом.

— Наверное, будет лучше, если я его прикончу, — мрачно пробормотал Хуарес.

— Что?! — вздрогнула Элен.

— А что еще прикажешь делать? — разозлился Зорро. — Оставить его здесь валяться? Через пять минут он очнется и поднимет тревогу. Я ведь его только слегка придушил.

— Но ты же не можешь взять его и вот так просто убить!

— Почему это не могу? Он для нас опасен. Он нам мешает. Или ты забыла, чему нас учили Сид Джейкс и Ли Чжанчжу? Цель оправдывает средства. А ставки слишком высоки! Вспомни, сколько оперативников «секции джи» погибает каждый год!

— Либо у тебя в башке сплошная каша, либо с психикой не все в порядке, — покачала головой Элен. — Я тоже оперативник «секции джи», но не имею дурной привычки мочить первого встречного копа только ради того, чтобы замести следы. Помимо прочего, этот малый на нашей стороне и против энгелистов. Опять же, существуют и более гуманные методы.

С этими словами она извлекла из передника булавку, повернула головку и острым концом прикоснулась к тыльной стороне ладони уже начавшего приходить в себя полицейского.

— Как удачно, что я захватила с собой порядочный запас препарата для промывки мозгов, — похвасталась Элен, — хотя, боюсь, с такими темпами никаких запасов не хватит.

Зорро с трудом оторвался от созерцания мгновенно одеревеневшей физиономии зомбированного фьорентийца.

— А что случится, когда его сменщик или начальник выяснит, что у парня начисто стерты из памяти последние три часа? — мрачно спросил он.

— Откуда мне знать? — пожала плечами Элен, пряча миниатюрный пневмошприц. — Там видно будет.

— Если только не будет слишком поздно, — не унимался Хуарес — Ладно, двинулись дальше.

Оба хорошо запомнили карту города, добытую Джерри Родсом у портье. Она ничем не отличалась от аналогичных картосхем, составленных с предельной простотой, достаточной, чтобы в них мог разобраться любой человек, независимо от возраста, образования или места жительства в любом городе, государстве и на любой планете, где только можно встретить это загадочное порождение рода человеческого, именуемое гомо туристус. Разумеется, на

карте были обозначены как «Альберго Палаццо», так и посольство ООП, расположенное, к счастью, всего в нескольких кварталах от гостиницы. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, поскольку оба здания находились в фешенебельном районе столицы.

Минимум полтора десятка человек караулили здание бывшего посольства. Десять из них были в военной форме: шестеро солдат с бесшумными ружьями и четверо офицеров с ручным оружием в кобурах. Остальные — агенты в штатском.

Зорро, держа Элен за руку, неторопливо продефилировал мимо по противоположной стороне улицы.

— Ну и как, во имя Святого Дзена, мы прорвемся внутрь, не привлекая внимания всей этой банды? — прошипел Хуарес.

— Три малышки в голубом... — насмешливо пропела Элен.

— Заткнись, дура! — вполголоса рывкнул ее спутник.

Они прошли еще немного, нырнули в темную подворотню и посмотрели назад.

— Никаких шансов, — уныло констатировал Хуарес.

— У меня такое ощущение, — задумчиво произнесла Элен, — что они еще не успели толком обыскать здание. Думаю, им едва хватило времени, чтобы разобраться с персоналом. Скорее всего, архивами и прочим они рассчитывают заняться завтра с утра.

— Очень может быть, но нам от этого не легче. Здесь и мышь не проскочит!

— Мышь — нет, но мы-то с тобой не мыши! Обрати внимание: с задней стороны и с торцов здание окружено парком. Хороший парк — чистый, аккуратный, ухоженный. Сразу видно, что в ООП привыкли заботиться о престиже своих полномочных представителей.

— Неужели ты думаешь, что двери черного хода охраняются не так строго, как парадный подъезд? — язвительно спросил Зорро.

— А я и не собираюсь соваться в дверь, — парировала Элен. — Вот что, давай-ка мы с тобой пройдемся по парку. Там сейчас, наверное, полно парочек и дрыхнувших на лавочках пьяниц, так что папаша, прогуливающий малолетнюю дочку, вряд ли вызовет подозрение.

Возражений у напарника не нашлось. Пожав плечами, он схватил девочку за руку и быстро потащил за собой по темной аллее, продолжая, однако, что-то недовольно бурчать себе под нос.

— Полегче, любовничек, полегче! — возмутилась она. — Нам, малышам, за таким жеребцом не угнаться!

Агенты обошли вокруг здания, повстречав по пути двух-трех фьорентийцев в штатском, но никто их не останавливал и не обращал внимания. Попутно удалось засечь дюжину вооруженных военных, расположившихся у черного хода.

— Ну что, убедилась? — не без сарказма осведомился Хуарес. — Надеюсь, теперь твоя душенька довольна?

— Еще как! — в тон ему ответила Элен. — А ты обратил внимание на открытую форточку в угловом окне второго этажа?

— Н-нет.

— Тогда идем.

Они повернули назад, обогнули здание с торца и остановились под вышеупомянутым окном в тени раскидистого дерева.

Зорро посмотрел и отрицательно замотал головой:

— Мне туда нипочем не протиснуться!

— А тебя никто и не просит! — огрызнулась Элен. — Скажи лучше, можешь там за что-нибудь зацепиться своим кнутом?

— Попробую. — Он огляделся по сторонам, расстегнул жилет и быстро освободил обмотанный вокруг талии бич. — Эй, ты что это задумала? — вдруг спохватился Зорро.

— Проникнуть внутрь, что же еще? — пожалла плечами спутница.

Беззвучно выругавшись, Хуарес взмахнул кнутом, но кончик бича, не найдя опоры, бессильно соскользнул в траву. Еще одна попытка — и снова безрезультатно. Элен стояла рядом, нетерпеливо притопывая ножкой при каждой новой неудаче и являя собой точный до

мелочей образ разгневанной юной леди восьми лет от роду.

— Одна? — недоверчиво переспросил Зорро, поудобней перехватывая кнутовище.

Элен только фыркнула, не удостоив его ответом.

— Ничего не выйдет, — заявил Хуарес минут через пять с плохо скрытым облегчением в голосе. — Совершенно не за что ухватиться!

— Ладно, — кивнула она. — Подбросить меня сумеешь?

— Как это? — растерялся Хуарес.

— Ты же видел, как мы с Дорном работали в гимнастическом зале! Вспомни, как он меня забрасывал на трапецию.

Зорро окинул взглядом окошко:

— Что, если я промахнусь и ты сорвешься?

— Сорвусь — поймаешь, дубина!

Он со вздохом нагнулся и неуклюже обхватил ее за талию.

— Не так, глупый! — хихикнула Элен и без стеснения показала, за какое место ему следует браться.

Мгновение спустя она повисла на карнизе под окном, легко подтянувшись, ужом проскользнула в форточку и скрылась из виду. Хуарес с тоской посмотрел ей вслед, шепотом выругался и отступил еще дальше в тень.

Томительное ожидание растянулось почти на четверть часа. С каждой прошедшей минутой в нем крепла уверенность в том, что с Элен случилось непоправимое. Но что именно и как ему теперь поступить, он не представлял. А как оправдаться, если на него вдруг наткнется охранник? Одно дело — гулять по парку с маленькой девочкой и совсем другое — быть задержанным прячущимся под окном опечатанного и охраняемого здания! Зорро снова выругался и в бессильном гневе сжал кулаки.

Легкое шуршание наверху заставило его резко вскинуть голову.

— Лови меня! — прошипела Элен и в тот же миг с силой оттолкнулась и прыгнула в пустоту. Он едва успел расставить руки и подхватить хрупкое, почти невесомое тельце.

— Ты чего там так долго делала? — набросился на нее Зорро вместо приветствия. — Я думал, ты только подходы разведываешь и сразу назад. Что случилось?

— Некогда мне было подходы разведывать, — отмахнулась она, высвобождаясь из его объятий. — Я сразу бросилась искать кабинет резидента «секции джи».

— И как же ты ухитрилась его обнаружить в таком огромном здании? — скептически прищурился Хуарес.

— А я наткнулась на ночного сторожа, — усмехнулась Элен.

Зорро бросил на нее недоверчивый взгляд, схватил за руку и потянул за собой к ближайшей аллее. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как впереди замаячили сразу две облаченные в военную форму фигуры.

— Чем это вы там занимались в темноте? — грозно спросил один из патрульных, как бы невзначай положив руку на расстегнутую кобуру.

— Я только отошла в кусты, чтобы сделать пи-пи, дяденька, — объяснила Элен, невинно глядя прямо в глаза жутко смутившемуся офицеру.

Не дожидаясь дальнейшей реакции, она уверенно затопала вперед, увлекая за собой Зорро. Последний охотно уступил инициативу спутнице, мысленно вознося благодарение всем богам за то, что успел вовремя спрятать под одеждой свой кнут.

Двое фьорентийцев за их спиной, потоптавшись немного, продолжили обход.

— Как это — наткнулась на сторожа? — возобновил расспросы Хуарес. — Что он с тобой сделал? И как ты от него отделалась?

— Это он с удовольствием отделался бы от меня, — уточнила Элен и виновато кашлянула. — Понимаешь, мне пришлось применить к нему определенные... э-э... меры воздействия, но в конце концов он согласился показать мне нужное помещение.

Зорро резко остановился и выпучил глаза:

— Ты в своем уме, детка?! Не пройдет и пяти минут, как сюда примчатся все секретные

службы Фьоренцы, не говоря уже о полиции и армии!

— Ой, только без паники, — поморщилась Элен. — Неужели ты думаешь, этот толстокожий охранник, когда придет В сознание, рискнет явиться к начальнику с рапортом и рассказать о том, что восьмилетняя девочка подвергла его пыткам и развязала язык?

— Все, я сдаюсь! — жалобно простонал Зорро. — Ни слова больше, умоляю! Нет, постой, скажи сначала, что тебе удалось найти в досье Бульшана?

— Ничего.

— Совсем ничего?!

— Совсем. Все документы изъяты!

6

— Изъяты? — поразился Дорн Хорстен. — Ты хочешь сказать, что соратники синьора Верона по антиподрывной деятельности успели нас опередить?

Они снова собрались все вместе в просторной гостиной президентских апартаментов «Альберго Палаццо». Трое мужчин окружили большое мягкое кресло, в котором привольно расположилась Элен, держа в руке высокий бокал для коктейлей.

— Совсем не обязательно, — заметила она. — Судя по тому бардаку, какой я застала в кабинете Бульшана, там вполне мог похозяйничать кто-то другой. И этот кто-то орудовал в ужасной спешке. Правительственные структуры обычно действуют аккуратней.

— И ты совсем ничегошеньки не нашла? — сочувственно спросил Джерри. — Надо же, как не повезло!

— Ага! — окрысилась Элен. — Тебе, разумеется, повезло бы больше!

— Разумеется, — утвердительно кивнул Родс, не замечая сарказма.

— И ты бы сразу обнаружил там стенограмму последнего заседания ЦК партии энгелистов или еще что-нибудь в том же духе?!

— Вполне возможно, — кротко согласился Джерри.

— Я тебя когда-нибудь точно пристрелю! — пообещала Элен.

— Спокойно, коллеги, не надо ссориться, — вмешался Хорстен. — Итак, подведем итоги. С сожалением констатирую, что мы по-прежнему топчемся на месте. Очевидно...

— Очевидно, какая-то сволочь добралась до архива «секции джи» первой и оставила нас с носом! — раздраженно оборвал доктора Хуарес — Вы как хотите, а я отправляюсь спать. Если кто думает, что карабкаться по стене этого отеля на десятый этаж — плевое дело, пусть попробует разочек сам. Ползешь, как черепаха, этаж за этажом! Одной рукой держишься за кнутовище, другой подсаживаешь эту маленькую бестию...

— Хорошо скулить, — усмехнулась Элен. — Лично мне очень понравилось!

Зорро в отчаянии всплеснул руками и молча выбежал из салона.

— Кстати, хорошо, что напомнили, — спохватился Хорстен. Он подошел к окну и одним движением вернул согнутые стальные прутья в первоначальное положение.

— Хотел бы я тоже так научиться! — восхищенно вздохнул Джерри.

— А ты поспорь с кем-нибудь на пластинку жвачки, что сумеешь, — ехидно посоветовала Элен — Сам же хвастался, что никогда не проигрываешь пари!

Джерри одобрительно кивнул:

— Я вижу, ты начинаешь понемногу разбираться в моем феномене. Молодец!

Она чуть не подавилась очередным глотком.

— Между прочим, профессор, — поинтересовался Зорро, высунув голову из дверей своей спальни, — как вы там уладили дело с тем дурацким вызовом на дуэль?

— Ничего мы не уладили.

— Что?!

— Вы встречаетесь с синьором Гросси послезавтра на рассвете в Parco Duello. Мы пытались перенести поединок на более поздний срок, но ничего не вышло.

— Хороши секунданты, нечего сказать! Трудно было принести извинения, что ли?
— Как мы могли это сделать, если ты являешься потерпевшей стороной? — резонно заметил Джерри.

— У нас есть два дня, чтобы придумать, как выпутаться, — добавил ученый. — Потолкуем с майором. Возможно, он подскажет какой-нибудь способ избежать дуэли, не потеряв чести.

— И каким же оружием вы решили меня прикончить? — с горечью спросил Хуарес.

— Видите ли... — смутился Хорстен. — Мы не успели с вами проконсультироваться на этот счет и не знали, какими видами, помимо кнута, вы владеете...

— Короче! — рявкнул Зорро.

— Короче говоря, мы сошлись на шпагах.

— Великолепно! В жизни не держал в руках шпагу! — проворчал Хуарес и с силой захлопнул дверь.

За завтраком царил похоронная атмосфера. Зорро, пребывая в минорном настроении, ел без аппетита и брюзжал по всякому поводу.

— Что они там о себе воображают в Октагоне, посылая нас на задание без четких инструкций? — возмущался он, лениво ковыряясь вилкой в тарелке. — Хоть бы одну зацепку дали, от которой можно дальше плясать!

— Начнем с того, — заметила Элен, — что Росс Метакса не заинтересован в нашем успехе.

Дорн Хорстен проглотил кусочек тоста и удивленно приподнял бровь.

— Группа особых талантов — детище Ли Чжанчжу, — продолжала развивать свою мысль Элен. — Но шефу мы не нравились, поскольку не вписываемся, по его мнению, в стандартный образ оперативников «секции джи» и вообще опошляем героический дух возглавляемой им конторы.

— Почему бы тогда ему просто не расформировать группу? — спросил Джерри.

— Потому что он ценит и уважает Ли Чжанчжу и не желает без веского повода обижать одного из своих лучших координаторов. Кроме того, он не хочет ссориться с Сидом Джейксом, который тоже поддерживает этот проект.

— Выходит, если мы провалим задание, проект прикроют? — уточнил доктор.

— Конечно, — кивнула Элен, отхлебнув глоток псевдокофе. — Об этом они заранее договорились.

— Ничего себе новости! — взорвался Хуарес. — Поневоле задумаешься, на чьей стороне наш босс! Получается, мы для него вроде как расходный материал, что ли? Ловко устроился! Сидит, понимаешь, у себя в Октагоне и дожидается, пока мы тут либо провалимся, либо погибнем на дуэли. И все ради того, чтобы доказать свою правоту мисс Ли и Сиду Джейксу! Теперь понятно, почему нас сюда послали, можно сказать, с голыми руками!

— Не стоит судить о нем чересчур поспешно, — примирительно заметил доктор Хорстен. — Ситуация сложилась нестандартная. Да, мы в тупике, потому что Бульшана застрелили на дуэли, а все его документы конфисковали или похитили, однако Росс Метакса здесь совершенно ни при чем. Я его не оправдываю, но и вы, Зорро, по-моему, излишне предубеждены.

Элен намазала на тост такой толстый слой джема, что ее «папуля» невольно содрогнулся.

— Ненавижу предубежденных мужиков! — заявила она, откусив половину.

— А как насчет предубежденных женщин? — предпринял неуклюжую попытку сострить Джерри.

Хуарес закусил губу, резко поднялся, швырнул на стол салфетку, повернулся и стремительно выбежал из комнаты.

Родс растерянно развел руками:

— Извините, коллеги, не хотел! Похоже, я опять неудачно пошутил.

Хорстен поправил пенсне и задумчиво произнес:

— Его тоже можно понять. Ему не дает покоя завтрашняя дуэль. Естественно, Зорро не хочет убивать инспектора без всякой на то причины, но и не жаждет, чтобы тот его прикончил.

— Может быть, — пожала плечами Элен. — Только у меня с недавних пор такое ощущение, что наш друг Зорро готов пожертвовать кем угодно, кроме себя, любимого.

— Вы что, вчера поцапались? — покосился на нее доктор.

— Ну, не так чтобы очень, но для малышки Элен он чересчур кровожаден и скор на расправу.

— Понятно. Присматривай за ним, но помни, что Зорро — неотъемлемая часть команды. Может статься, что в один прекрасный день именно от него будет зависеть, свернем мы себе шеи или сохраним их в целости. — Хорстен посмотрел на хронометр и заговорил о другом: — В любом варианте нам необходим выход на подполье. Недавно мне позвонили и сообщили, что на сегодня назначена встреча с академиком Удине из столичного университета, с которым мы познакомились во время моего предыдущего визита. Полагаю, со мной он будет более откровенным, чем со своими фьорентийскими коллегами. Надеюсь, мне удастся выведать у него что-нибудь полезное.

— Насчет ангелистов?

— Угу. Диссидентская зараза всегда легче всего распространяется в студенческой среде. Это аксиома. Молодые идеалисты испокон веку бунтовали против устоев власти.

— Вне зависимости от того, оправдан их бунт или нет? — уточнил Джерри.

Элен допила псевдокофе и вытерла губы салфеткой.

— Джерри, мальчик мой, усвой раз и навсегда, что любое покушение на статус-кво всегда оправдано — по крайней мере, с исторической точки зрения. Обществу нельзя позволять застаиваться. Один из древних мыслителей, кажется Томас Джефферсон, всерьез считал, что революцию необходимо совершать через каждые двадцать лет.

— Какой же тогда нам смысл воевать с ангелистами на Фьоренце? — озадаченно спросил Родс.

— Смысл в том, мой юный друг, — ответил Хорстен, поднимаясь из-за стола, — что революционная ситуация здесь еще не созрела. Находящееся у власти правительство вполне дееспособно, но ему не дают развернуться. Оно стремится к прогрессу, но подрывные элементы заставляют его тратить все силы на борьбу с ними. — Он снова взглянул на наручный хронометр: — Ну, мне пора. Постараюсь побольше узнать об этих проклятых ангелистах, если, конечно, смогу разговорить коллегу Удине.

— А как же я? — подняла голову Элен.

— Прости, но тебя я взять не смогу, — нахмурился ученый. — Вряд ли академик рискнет откровенничать в присутствии маленького ребенка. Откуда ему знать, что ты не станешь потом повторять услышанное где не следует?

— Мы с Элен можем прогуляться по городу, — предложил Джерри. — Возможно, тоже что-нибудь интересное разузнаем, если повезет. А за ланчем опять соберемся здесь и обменяемся впечатлениями.

— Кстати, куда пропал Зорро?

— Кто его знает? — пожала плечами Элен. — Я только слышала пару минут назад, как хлопнула входная дверь.

— Хорошо, встречаемся за ланчем, — вздохнул доктор и направился к выходу.

После его ухода Джерри и Элен остались вдвоем. Под ее пристальным, немигающим взглядом он весь извертелся и наконец не выдержал:

— Ну давай выкладывай, что ты задумала?

— Я хочу заключить с тобой пари на сотню межпланетных кредитов.

— На предмет?

— Какая тебе разница, если ты всегда выигрываешь?

— Верно, выигрываю, но это не значит, что я соглашаюсь на любые условия. К примеру, я никогда не стану спорить, что смогу одновременно находиться в двух разных местах.

— Пытаешься вывернуться, да?

— Говори, иначе я пас!

— Хорошо. Ставлю сотню кредитов, что завтра Зорро убьют на дуэли.

Родс на миг задумался:

— Принимаю. Ставлю сотню, что он останется в живых.

В просторном, отделанном мрамором холле на первом этаже «Альберго Палаццо» Джерри задержался у регистрационной стойки, чтобы поговорить с дежурным.

— Послушайте, приятель, — втолковывал он консьержу, — утро у меня пропало — видите, ребенка подкинули, — но я буду весьма признателен, если вы позаботитесь о вечерней программе. Чтоб все как в лучших домах! Лимузин с шофером, прогулка по злочным местам... Ну, сами знаете, пойло со звездами, тусовка покруче, телки, чтоб оттянуться, и все такое прочее.

— Злочным местам? — в недоумении повторил дежурный.

Джерри, придерживая за руку неугомонно вертящуюся Элен, с мученическим видом вздохнул и пустился в объяснения:

— Ну, я не знаю, как это называется на Фьоренце, но я имею в виду ночные бары, кабаре, кафешантаны, дансинги, мюзик-холлы, стриптиз-шоу... — лицо консьержа по-прежнему не выражало проблесков понимания, — салуны, пабы, казино, пивбары... — упавшим голосом продолжал перечисление Родс.

Дежурный поднял ладонь, останавливая бесконечный поток названий.

— Кажется, я знаю, чего желает синьор. Увы, все это исключается из-за комендантского часа.

Теперь уже Джерри непонимающе уставился на консьержа:

— Комендантский час?

— Пойдем, ну пойдем же, дядя Джерри! — захныкала Элен, дергая его за рукав. Под мышкой у нее торчала кукла.

— Все публичные заведения закрываются в десять часов вечера, синьор, — пояснил дежурный. — А в одиннадцать на улицах уже не должно находиться ни одного прохожего.

— Почему? — изумился Родс.

Физиономия и тон клерка претерпели резкие изменения в сторону похолодания.

— Синьор изволит критиковать меры безопасности, предпринятые по распоряжению Первого Синьора и возглавляемого им кабинета?

— Нет. Почему?

Консьерж поглядел направо, потом налево, наклонился над стойкой и сказал, понизив голос:

— Говорят, будто Пятый Синьор посоветовал Первому Синьору временно прикрыть все «злочные места», как вы выражаетесь, потому что подрывные элементы использовали их для своих сборищ.

Джерри застонал.

— И как давно это случилось? — спросил он.

— Пойдем, дядя Джерри! — опять заканючила Элен. — Ты обещал купить мороженое мне и Гертруде.

— Комендантский час ввели еще до моего рождения, синьор, — любезно сообщил клерк.

— Ну и порядочки! — пробормотал Родс, схватил Элен за руку и устремился к выходу. Оказавшись на улице, он остановился и возмущенно спросил: — Ну и что теперь прикажешь мне делать? Куда мне девать мой неограниченный кредит и как разыгрывать плейбоя на этой дурацкой планете, где нет ни одного ночного клуба?

— Бедный, бедный дядя Джерри, — сочувственно проворковала Элен, обращаясь почему-то к Гертруде. — Ах, как не повезло нашему дяде Джерри! Тебе не кажется, что его знаменитая монетка начинает выпадать все больше «решкой», а не «орлом»?

Родс пренебрежительно фыркнул:

— Куда идем?

— Откуда мне знать? Давай просто прошвырнемся по городу.

Они зашагали по широкому проспекту. Судя по обилию роскошных магазинов, это была одна из центральных улиц столицы. Элен задержалась на мгновение перед зеркальной витриной модного бутика, но Джерри тут же потащил ее прочь.

— Ты куда пялишься? — прошипел он. — В твоём возрасте дети на игрушки да конфеты любят, но уж никак не на изделия от кутюр! Вдруг за нами хвост увязался?

Она скорчила кислую физиономию и принялась прыгать на одной ножке — то ли в отместку за справедливое замечание, то ли просто демонстрируя свой несносный характер. Ее «опекун», однако, уделял больше внимания встречным прохожим и проезжающему мимо транспорту. Спустя некоторое время он повернулся к Элен и вполголоса произнес:

— Либо я чего-то не понимаю, либо Росс Метакса ошибался, называя этот мир высокоразвитым. На мой взгляд, Фьоренца отстаёт от времени минимум на столетие, если не больше. Девять из десяти прохожих выглядят просто оборванцами!

— У меня то же впечатление, — согласилась Элен. — Но не забывай о подполье. Это диссиденты виноваты в том, что на борьбу с ними уходит столько сил и средств, достойных лучшего применения.

— Зайдем посидим, — предложил Джерри, углядев небольшое кафе. — Чего ради топтать ноги, знакомясь с городом? Пускай лучше город знакомится с нами. Тяпнем по стаканчику какой-нибудь местной медовухи...

Она улыбнулась ему доверчивой, открытой улыбкой невинной восьмилетней девочки, но каждое слово, срывающееся с ее уст, было напоено желчью и ядом:

— Садист и скотина, вот ты кто, Джерри Родс! Ты прекрасно знаешь, что я не могу заказать ничего крепче апельсинового сока!

— Извини, крошка, — ухмыльнулся он, — совсем позабыл, что у тебя головка бо-бо после вчерашнего. Клянусь мамочкой, в жизни не видел, чтоб кто-нибудь столько вылакал за один вечер!

— Я тебе глотку перережу, если сейчас же не сменишь тон! — пригрозила Элен и довольно хмыкнула, обнаружив, дойдя до дверей, что забегаловка полным-полна. Очевидно, комендантский час приучил фьорентийцев напиваться загодя, в светлое время суток. — Смотри, все занято. Так что придется тебе тоже обойтись без опохмелки!

— О, я несколько не сомневаюсь, что и для нас найдется местечко, — отмахнулся Родс, направляясь напрямик к самому удобному столику.

— Ну да, конечно, — съязвила Элен. — Ты глаза-то разуй! Тут на каждый стул по три претендента!

Старший из троих гостей, занимающих облюбованный Джерри столик, озабоченно посмотрел на наручный хронометр, все трое разом поднялись и устремились к выходу.

— Прощу вас, юная леди, — расплылся в улыбке Джерри. Он подхватил спутницу под локотки и бережно усадил на стул.

— Ну и везет же... — начала Элен, но тут же прикусила язык и бросила на Родса злобный взгляд.

Он потянулся за стулом и с изумлением обнаружил, что на нем уже кто-то сидит.

— Я первым занял это место, — произнес незнакомец, с вызовом глядя на него.

До Джерри не сразу дошло, что его опередили.

— Желаете, чтобы мы освободили столик? — с горечью спросил он.

— Нет-нет, что вы! — замахал руками фьорентиец. — Я вижу, вы гости на Фьоренце, так побудьте и моими гостями. Садитесь же, умоляю, синьор, — сказал он, жестом указывая на третий стул.

— Шустрая тут у вас публика, как я погляжу, — проворчал Родс усаживаясь.

— Не то слово, синьор! Знали бы вы... — Вспомнив о приличиях, незнакомец поднялся и церемонно наклонил голову. — Разрешите представиться? Меня зовут Великий Маркони.

Элен положила локти на стол, обхватила ладонями подбородок и не мигая уставилась на него.

— И вовсе ты даже не великий, дяденька, — изрекла она наконец. — Вот мой папуля — другое дело!

Великий Маркони опять вскочил, приложил руку к сердцу и снова поклонился — гораздо ниже, чем в первый раз.

— Синьорина, вы меня убедили! — напыщенно воскликнул он. — Я с удовольствием готов признать, что ваш уважаемый отец более велик, чем сам Великий Маркони.

— Это уж сто пудов, — буркнула Элен, неприязненно глядя на него.

Джерри тоже встал, щелкнул каблуками и отвесил шутовской поклон.

— Счастливы с вами познакомиться, синьор, — сказал он. — Меня зовут Великий Родс, а это — Великая Элен.

Маркони хладнокровно откинулся на спинку стула и с любопытством посмотрел на молодого человека.

— Мне не нравится ваш тон, синьор, — сказал он спокойно. — И мне почему-то кажется, что вы надо мной насмехаетесь.

— Кто? Я? — изумился Джерри. — Да я бы в жизни не посмел! Хотя на языке вертится кое-что, уж поверьте. Ну как можно, скажите, насмеяться над человеком, успевающим занять ваш стул за мгновение до того, как вы сами собрались на него сесть? Вы не находите, что с моей стороны это было бы не только весьма невежливо, но и крайне рискованно? Мисс Хорстен подтвердит, что мне частенько везет, но реакция у меня совсем никудышная.

Элен прыснула.

Великий Маркони, видимо, еще не решил, как ему себя вести: то ли посмеяться вместе с ними, то ли разыграть оскорбленное достоинство.

— Я вижу, вы еще не успели как следует ознакомиться с бытующими на Фьоренце обычаями, синьор? — заметил он.

— Увы, — сокрушенно признал Джерри, вертя головой в поисках официанта.

— Должен предупредить вас, синьор, — усмехнулся фьорентиец, — чтобы привлечь внимание обслуживающего персонала в кафе «Флорида», нужно обладать везением самого...

В то же мгновение рядом с Родсом материализовался официант. Маркони раскрыл рот и проглотил окончание фразы.

— Ха! — беззвучно выдохнула Элен.

— Будьте любезны, одно мороженое, — заказал Джерри. — Кстати, на этой планете разрешается есть мороженое или это тоже считается подрывной деятельностью?

— Синьор изволит критиковать меры... — начал официант деревянным голосом.

— Нет-нет, ни в коем случае! — в притворном ужасе замахал руками Джерри и повернулся к Великому Маркони: — Быть может, вы подскажете, чем из спиртных напитков принято здесь поправлять здоровье в столь ранний час?

— Попробуйте горькую граппу, — посоветовал тот и величественно бросил официанту: — Две горькие граппы, пожалуйста.

— Три! — пискнула Элен.

Все трое сразу посмотрели на девочку. Джерри укоризненно покачал головой и сказал:

— Две граппы и мороженое.

Официант удалился, а Элен и Джерри принялись в упор рассматривать нечаянного знакомого. На вид ему было чуть больше тридцати лет. Стройная, худощавая фигура сочеталась с кошачьей грацией и быстротой движений. Смуглая, живая физиономия озарялась горящими странным внутренним огнем глазами; выражение ее беспрестанно менялось, сопровождаясь выразительной мимикой. Мимолетные усмешки чередовались с уморительными гримасами, как будто он скрывал свои истинные мысли и чувства не под

одной маской, а под двумя сразу. Костюм Великого Маркони выглядел попримечней, чем у большинства его соотечественников, хотя определенно нуждался в глажке. Спать он в нем, может, и не спал, но все же...

— А почему вас называют Великим Маркони, мистер Великий Маркони? — с детской непосредственностью спросила Элен, после того как тот с честью выдержал испытание, ни разу не смутившись под их изучающими взглядами.

— Да, почему? — поддержал ее Джерри. — Может, вы бродячий фокусник или еще кто в том же роде? Между прочим, почему у вас на Фьоренце в обслуге люди, а не роботы? — поинтересовался он, не дожидаясь ответа на первый вопрос. — Всегда считал, что живые официанты бывают только в исторических три-ди-фильмах да на отсталых планетах с феодальным строем типа Гошена.

— Похоже, вы не слишком одобряете наши порядки, синьор Родс, и не очень стараетесь это скрывать. Вам крупно повезло, что вас до сих никто не вызвал на дуэль. Мы, фьорентийцы, весьма щепетильны в вопросах чести.

— Дядя Джерри у нас вообще везунчик, — заявила Элен. — Кто его вызовет, тот обязательно свалится с простудой накануне поединка.

— Что? — удивленно заморгал Маркони, никак не ожидавший услышать такое из уст ребенка.

— Ты мне не сказал, почему такой великий? — капризно надула губки Элен, исправляя промах и снова превращаясь в восьмилетнюю девочку. — Спорим, мой папа больше тебя!

Официант принес заказ. Элен с отвращением посмотрела на мороженое и прошептала:

— Жри задарма кучу дерьма!

— Что?! — вздрогнул Маркони. — Что вы сказали, синьорина?

Джерри поспешил на подмогу:

— Кушай мороженое, малышка. Если хочешь, можешь поделиться с Гертрудой. А стишки, которые тебе задали выучить, расскажешь мне потом.

Он поднес к губам принесенный бокал, отхлебнул большой глоток, выпучил глаза и раскрыл рот. Затем бережно поставил бокал на стол, отдышался и возмущенно посмотрел на Маркони:

— И это вы считаете подходящим средством для поправки здоровья, синьор? Там, откуда я родом, такую отраву называют «вырви глаз»!

— Напрасно, — покачал головой фьорентиец, с удовольствием потягивая граппу маленькими глоточками. — Восхитительный напиток! Благодарю вас, синьор.

— За что? — удивился Джерри.

— За угощение, разумеется, — расплылся в улыбке Великий Маркони.

— Халявщик хренов, — пробормотала. Элен, как бы невзначай придвигая к себе недопитый бокал Родса.

— Знаете, синьор Маркони, — задумчиво проговорил Джерри, пристально глядя на фьорентийца, — мы прилетели вчера вечером, и я только сейчас вспомнил, что не успел заскочить в бюро обмена валюты. Как вы думаете, примут у меня здесь мою межпланетную кредитную карточку?

— Что такое кредитная карточка? — рассеянно спросил тот, сделав очередной глоток.

— Карточка. Пластиковая. С магнитным кодом. Удостоверяет личность владельца и наличие денег на его счете. Возможно, у вас она называется как-то по-другому.

— Понятия не имею, о чем вы толкуете, — пожал плечами фьорентиец.

— Тогда скажите хотя бы, — потерял терпение Родс, — чем я должен расплачиваться за вашу выпивку?

— Деньгами, естественно.

— Вы хотите сказать, настоящими деньгами?

— Да уж лучше не фальшивыми, синьор, — усмехнулся Маркони.

— Эй, ты что творишь?! — внезапно воскликнул Джерри, выхватывая свой бокал из рук Элен. — Тебе еще рано употреблять эту гадость!

— Ой, какая крепкая! — хихикнула Элен, провожая взглядом несколько капель оставшейся на донышке граппы.

Великий Маркони изумленно посмотрел на девочку, потом на опустевший бокал и покачал головой.

— Думаю, вам следует немедленно отвести ребенка в гостиницу, синьор, — сказал он. — Горькая граппа очень забористая вещь. Поэтому ее и отпускают только по одной порции на посетителя.

— Знали бы вы, сколько... — вскричал Джерри, но тут же вспомнил о конспирации, нутужно закашлялся, бросил сердитый взгляд на Элен и сказал: — Наверное, вы правы, синьор. Беда в том, что у меня нет денег. Не могли бы вы заплатить по счету? Я отдам, как только доберусь до отеля.

— Нет.

— Нет? — вопросительно поднял брови Родс.

— Я тоже на мели и рассчитывал, что платить будете вы.

— А еще великим называется! — осуждающе пробормотала Элен.

— Не просто великий, а величайший, синьорина! — обворожительно улыбнулся Маркони.

Джерри поискал глазами официанта, не нашел и еще больше расстроился.

— Слушай, ты, фраер дешевый! — рявкнул он. — Ты так и не ответил на мой вопрос. Почему тебя зовут Великим Маркони?

Физиономия фьорентийца моментально утратила всю благожелательность.

— Потому что я величайший маэстро на этой планете, синьор. Что же касается ваших ничем не мотивированных инсинуаций...

— Какой такой муэстра? — громко спросила Элен.

— Ах, юная синьорина! — театрально всплеснул руками Маркони. — Я просто в восторге от вас, чего никак не могу сказать о вашем маловоспитанном спутнике, с которым я намерен разобраться чуть позже. Никогда бы не поверил, что маленький ребенок может в мгновение ока выпить порцию граппы без видимых последствий! Но вернемся к вашему вопросу. Я занимаюсь тем, что инструктирую благородных синьоров, получивших вызов. — Он снисходительно посмотрел на Родса и напыщенно произнес: — В моем лице вы имеете дело с безусловно лучшим на Фьоренце стрелком и фехтовальщиком!

Джерри недоверчиво фыркнул:

— Почему же тогда, позвольте узнать, гражданин Великий Маркони сидит без гроша? И почему, раз уж он такой спец по всем видам оружия, не гребет деньги лопатой, вместо того чтобы шляться по дешевым кабакам, не имея средств заплатить за пару рюмок?

— И мороженое! — с ехидством добавила Элен.

Великий Маркони немедленно изобразил на лице преувеличенно скорбную гримасу и тяжело вздохнул:

— Увы, синьор, потенциальные клиенты не спешат прибегать к моим услугам. Они бы с радостью осаждали двери моей фехтовальной академии, но они боятся.

— Почему?

— Только потому, что я энгелист! — с горечью ответил фьорентиец.

— Что?! — подскочил Джерри.

— Долго объяснять, да вы и не поймете, — отмахнулся Маркони. — Это наши внутренние политические разборки.

Из пресыщенного жизнью богатого бездельника Джерри на глазах преобразился в учувашую горячий след полицейскую ищейку.

— Вы на самом деле энгелист, синьор Маркони? — выпалил он в волнении. — Как интересно!

Элен положила куклу на коленку и начала раскачивать ее, приговаривая:

— Тихо, Гертруда, тихо! Лежи спокойно, кому говорю!

Великий Маркони устало покачал головой:

— Еще раз повторяю, вам этого не понять, синьор. Скажу только, что, будучи ангелистом и представителем меньшинства, я постоянно подвергаюсь жестокой и незаслуженной дискриминации.

— Да-да, конечно, я все понимаю, синьор, — поддакивал Джерри, напрочь игнорируя Элен, которая уже дважды больно лягнула его под столом. — Послушайте, а не могли бы мы с вами поговорить поподробнее на эту тему? Я готов...

— Мне плохо, — захныкала Элен. — У меня животик болит! Хочу к папуле!

— Заткнись! — не глядя бросил Джерри и снова обратился к фьорентийцу. — Понимаете, синьор, с тех пор, как мы прибыли на Фьоренцу, все вокруг только и толкуют об ангелистах, но вы первый и пока единственный из них, кого нам довелось, так сказать, лицезреть воочию. Мы с друзьями были бы счастливы поближе познакомиться с вами и побольше узнать о вашей программе, методах и планах борьбы с режимом.

— Это все, что вас интересует, синьор? — насмешливо прищурился Великий Маркони. Элен в немом отчаянии закатила глаза.

— В основном, — кивнул Джерри. — Но я готов выслушать все, что вы расскажете. И мои друзья тоже.

Вы даже не представляете, как это важно для нас — Он обернулся и нетерпеливо щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— Очень любопытное предложение, — сухо произнес Маркони, чья физиономия утратила прежнюю живость и сделалась абсолютно непроницаемой.

Эта перемена не укрылась от глаз Элен и только укрепила зародившиеся у нее подозрения. Мысленно содрогнувшись, она пустила слезу и заканючила:

— Хочу домо-о-ой! Хочу к папочке!

— Замолчи! — прикрикнул на нее Родс — Вот разберусь со счетом, тогда вдвоем и пойдем назад в гостиницу.

— Ну да, подставлять — так уж всех подряд! — не выдержала Элен.

— Что вы сказали, синьорина? — переспросил Маркони.

— Я сказала, что хочу к папочке! — истерически взвизгнула она.

У столика, будто джинн из бутылки, возник официант.

— Послушайте, — обратился к нему Джерри, — у меня есть предложение. Давайте подбросим эту монетку, — достал он из кармана свой французский талисман. — Если я угадаю, какой стороной она выпадет, мы квиты. Если не угадаю, оплачиваю счет в пятикратном размере. Идет?

— В пятикратном? — уточнил официант.

— Точно.

— Согласен, если бросать буду я.

— Годится. Мне без разницы.

Маркони обеспокоенно посмотрел на Родса:

— А если вы проиграте, синьор?

Джерри, не обращая на него внимания, протянул монетку официанту. Тот подбросил ее вверх.

— «Орел», — буркнул Родс.

Монета со звоном покатилась по столу.

— Идем, — кивнул Джерри Элен и Маркони. На монету он даже не взглянул.

— Минуточку, синьор, куда это вы так торопитесь? — остановил его официант. — С вас причитается шесть с половиной лир серебром!

— Что?!

Официант молча указал на монету. Родс долго смотрел на «решку» выпученными глазами, потом открыл рот и промямлил:

— У меня... у меня нет денег.

— Ах, у него денег нет, видите ли! — возмутился официант. — Тоже мне, ангелист паршивый! Ишь, прохвост, на дармовщинку задумал прокатиться? Я с ним по-честному, а у

него, оказывается вошь в кармане да блоха на аркане! — Он развернулся и заорал на весь зал: — Джино! Эй, Джино! Иди скорей сюда. Я требую, чтобы этого... этого синьора арестовали и доставили в Народный суд. Он отказался заплатить по счету!

Джерри затравленно огляделся по сторонам.
Великий Маркони бесследно исчез.

7

Дорн Хорстен заглянул в забранную решеткой камеру.

— Где моя дочь? — спросил он строгим голосом.

— Откуда мне знать? — огрызнулся Джерри.

— Я уверен, что ваша маленькая *ragazza* находится в полной безопасности, синьор, — вмешался как всегда элегантный и предупредительный майор Верона. — Чрезвычайно неприятная история! И как вас только угораздило, синьор Родс?

— Меня никто даже выслушать не захотел, — пожаловался тот. — Подумаешь, забыл валюту поменять! Я и понятия не имел, что моя золотая межпланетная кредитка недействительна на вашей паршивой, замшелой планетке!

— Вы слишком понервничали, синьор Родс, — ледяным тоном произнес майор, — поэтому я готов оставить без внимания ваши возмутительные высказывания, но на будущее настоятельно рекомендую следить за вашей речью. — Он кивнул надзирателю, который тут же открыл камеру.

Доктор Хорстен с нескрываемым любопытством рассматривал внутренность «номера», только что освобожденного Джерри.

— Подумать только, настоящая тюремная камера! — воскликнул он восхищенно. — Невероятно! Чтобы в наше время, в наш просвещенный век, где-то сохранилось подобное... Решетки, волчки, надзиратели со связками ключей — точь-в-точь как в древности! Представляю, что скажут коллеги на Земле, Авалоне и других планетах, когда я им об этом поведаю! — Хорстен дружески улыбнулся майору: — Моя дочь тоже в камере, синьор Верона? Нет, это просто потрясающе! Как жаль, что вы не журналист, гражданин Родс, — обернулся он к Джерри. — Ручаюсь, «Галактик Пресс» обеими руками ухватилась бы за эту историю! Но расскажите же мне скорей, за что вас, как выражаются гангстеры в три-ди-шоу, «повязали»?

— Уверяю вас, доктор, — заговорил слегка обескураженный майор, — что с синьором Родсом произошло всего лишь небольшое недоразумение: Что касается вашей дочери...

— О, за нее я несколько не беспокоюсь, — отмахнулся Хорстен, продолжая демонстрировать энтузиазм. — Элен девочка самостоятельная и сумеет о себе позаботиться. Что же вы молчите, Родс? Я так и вижу зловеще скользкий во мраке ночи длинный черный лимузин на воздушной подушке и вас на переднем сиденье с «пушкой» в каждой руке. Стыдно признаться, но я просто обожаю гангстерские шоу по три-ди-видению! Прямо-таки душой на них отдыхаю. Где, вы говорите, вас схватили, Джерри, старина? В банке? В ювелирном магазине?

— В кафе, — сердито буркнул Родс — Кто-нибудь скажет, как выбраться из этой дыры?

— Сюда, прошу вас, синьоры, — засуетился Верона, готовый на все, лишь бы не выслушивать дальше монолог не на шутку разошедшегося всемирно известного ученого.

— Да-да, это так романтично, — закивал Хорстен. — Грабитель врывается в бар, дает очередь поверх голов, выгребает выручку из кассы... Женщины визжат, мужчины ругаются, спиртное из разбитых бутылок растекается по полу... Бесподобное зрелище! Как обидно, что меня не было вместе с вами, дружище! Скольких вы застрелили, признайтесь?

Синьор Верона мысленно застонал.

— Никого я не трогал, — хмуро проворчал Джерри. — И влип я потому, что не было денег расплатиться с официантом. Шесть с половиной серебряных лир, кажется. Не приведи

Дзен, об этом прослышит моя матушка! У нее хватит ума купить весь этот городишко и сровнять его с землей!

Майор покосился на него с невольным почтением во взоре. Можно было не сомневаться, что Джерри Родс в эти мгновения значительно вырос в его глазах.

— Что же мы стоим, синьоры? — спохватился вдруг Верона. — Идемте отсюда, все уже улажено.

Они прошли длинным, пустынным, стерильно чистым коридором и очутились в хорошо обставленном офисе, где находилось около дюжины человек, включая, судя по униформе, двух женщин-надзирательниц.

Элен сидела на столе, держа под мышкой Гертруду и с превосходством взирая на окружающих. Она тараторила без умолку, едко прохаживаясь по поводу царящих на Фьоренце порядков, но делая это так умело, что придраться было абсолютно не к чему. Аудитория, в том числе и обе дамы, завороченно внимала каждому ее слову.

Заметив появление «папули» и" своего незадачливого «опекуна», она легко спрыгнула на пол, обернулась на благодарную аудиторию и выдала на прощание:

— Если мы с Гертрудой останемся жить в этом помоечном мире, когда подрастем, обязательно уйдем в ангелисты!

— Что?! — в ужасе воскликнул майор.

— Уйдем вместе с Гертрудой в ангелисты! — повторила Элен, вызывающе глядя прямо в глаза борцу с подрывными элементами. Впрочем, она быстро сменила пластинку, заметив, как нахмурился доктор Хор-стен, и привычно заканючила: — Мне здесь не нравится! Хочу домо-о-ой!

— Успокойся, все хорошо, девочка моя, — поспешно заговорил ученый. — Сейчас мы тебя заберем и вернемся в гостиницу.

— Не хочу возвращаться в эту поганую гостиницу! Хочу домой!

Майор Верона бросил тоскливый взгляд на окружающих его тюремных служащих и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Надеюсь, к девочке отнеслись со вниманием? Один из надзирателей выступил вперед и отдал честь:

— Осмелюсь доложить, ублажали согласно инструкции. Синьорине принесли мороженое с шоколадом, а ее кукле клубнику, поскольку та, по словам синьорины, ничего другого не ест. Кроме того....

— Хорошо, хорошо, благодарю за службу, — оборвал его майор и повернулся к Хорстену и Родсу. — Мой лимузин у ворот. Буду счастлив доставить вас в отель, синьоры. — Он с неприязнью покосился на Элен, но овладел собой и добавил: — И вас тоже, разумеется, синьорина.

Элен хмыкнула, вздернула носик и двинулась к выходу, крепко прижимая к груди свою драгоценную Гертруду.

По дороге к «Альберго Палаццо» синьор Верона улучил момент и наклонился к уху Джерри:

— Хотел бы я знать, синьор Родс, откуда маленькой девочке известно об ангелистах? Уж не из ваших ли разговоров с соседями по номеру, которые вы столь неосмотрительно позволяете ей слушать?

— Вы несете полную чушь, майор, — рассердился Джерри, мысленно отметив, что собеседник на этот раз никак не среагировал на очевидную грубость. — С тех пор, как мы на Фьоренце, все вокруг только о них и говорят. Но самое интересное в том, что никто не говорит ничего конкретного. Невозможно понять, кто они такие, чего хотят, к чему призывают? Лично я прилетел на Фьоренцу с целью инвестировать кое-какой свободный семейный капитал, но все больше убеждаюсь, что у вас здесь бардак похлеще, чем на Каталине. Честно признаться, я уже подумываю о возвращении домой и...

— Мой дорогой синьор Родс, — вежливо перебил его Верона, — позвольте заверить вас, что мы не только убедились в прочности финансового благосостояния вашего

уважаемого семейства, но и навели справки относительно общей конъюнктуры рынка капиталовложений на вашей родной планете. Между прочим, как вы считаете, многие на Каталине готовы последовать вашему примеру поискать приложение своим капиталам... м-м... скажем так, за пределами их родного мира?

— Я отнюдь не уверен в том, что вас это касается, гражданин Верона, — высокомерно произнес Джерри.

Майор опять никак не отреагировал, хотя несколько затянул паузу, в продолжение которой задумчиво созерцал кончики собственных ногтей.

— Что ж, готов признать, что не имею в этом деле личной заинтересованности, синьор Родс, но буду счастлив свести вас с теми людьми из администрации Первого Синьора, которые располагают всей необходимой информацией о наиболее перспективных для инвестиций отраслях фьорентийской экономики. Добавлю лишь, что возможности здесь открываются неограниченные.

— Несмотря на ангелистов?

— Скорее благодаря им, — загадочно усмехнулся Верона, но в этот момент лимузин подрулил к отелю, и Джерри так и не узнал, что имел в виду его собеседник.

Едва войдя в гостиную апартаментов на верхнем этаже, ранее предназначавшихся для Первого Синьора и его свиты, а ныне занимаемых им самим и его гостями, Джерри Родс первым делом направился к бару, продолжая выказывать всем своим видом страшное негодование по поводу того печального обстоятельства, что ему, Джерри Родсу, пришлось провести пару часов за решеткой.

— Кто-нибудь еще желает выпить? — осведомился он далеким от радушного тоном.

— Если у вас с майором наметилась приватная беседа, — начал Хорстен, — я мог бы пока...

— Да бросьте вы, док, оставайтесь с нами, — запротестовал Джерри. — Быть может, узнаете что-то полезное об этом заштатном миреке.

Ученый пожал плечами и осторожно опустился в массивное кресло, жалобно скрипнувшее под тяжестью его мощной фигуры. '

— По правде говоря, — заметил он, — я нахожусь в довольно затруднительном положении. Отправляясь на встречу с академиком Удине, я намеревался обсудить с ним возможность открытия на Фьоренце межпланетного научного центра по изучению таллофитов и даже готов был представить свои рекомендации в соответствующие инстанции.

— И что же? — насторожился Верона.

— Дело в том, что один из университетских коллег возымел на сей счет иное мнение. Я подробно ответил на все его возражения, но и это его не удовлетворило. Насколько я понял, ему чем-то не понравился мой тон.

Взоры всех присутствующих обратились на доктора.

— Короче говоря, — смущенно откашлялся тот, — он вызвал меня на дуэль.

— Как, и вас тоже?! — воскликнул Джерри. — И вы приняли вызов?

— Сейчас я все расскажу, — усмехнулся Хорстен. — Мой оппонент, к несчастью, не может похвастаться солидной комплекцией, да и росту в нем всего пять с половиной футов, хотя задирист и сварлив почище любой моськи. Когда он предложил мне выбрать оружие, я назвал македонскую сариссу.

— Сариссу? Что это? — с любопытством спросил майор.

— Так назывались длинные копья, бывшие на вооружении македонской фаланги, — пояснил доктор, с трудом сдерживая смех. — В ней приблизительно двадцать футов. Изобретение приписывают царю Филиппу. Весьма эффективное оружие, как вскоре выяснилось.

— Двадцать футов, говорите? — задумался синьор Верона. — А в вашем противнике всего пять с половиной? Да еще и университетский профессор в придачу. А вы уверены, что он вообще сможет поднять такую штуку?

— Очень сомневаюсь, — ответил доктор, как-то странно посмотрев на майора.

— Но как же тогда вы...

Хорстен развел руками:

— Академик Удине захохотал первым. За ним профессор Порсена. А доктор Луна чуть не лопнул от смеха. Словом, повеселились изрядно и расстались в итоге лучшими друзьями.

Верона недоверчиво покачал головой и повернулся к Родсу:

— Когда синьор Хорстен стал рассказывать о полученном вызове, вы воскликнули: «Как, и вы тоже?» Что вы имели в виду?

— А-а, это я Зорро вспомнил. Помните Зорро Хуареса, ковбоя с Вака... Черт, забыл название! Ладно, плевать. Так вот, завтра он должен драться на шпагах с таможенным инспектором Гросси в *Paço Duello*. Понятия не имею, где это находится, но мы с доком у него в секундантах.

— Он не будет драться, — сухо сказал Верона.

— Будет, будет, — заверил Джерри. — Мы с профессором обо всем договорились с приятелями инспектора.

— Согласно Дуэльному кодексу, право участвовать в поединке принадлежит только честным гражданам Фьоренцы. Уголовные преступники и другие криминальные элементы, включая, естественно, ангелистов, его лишены.

Элен все это время сидела тихо, хлопая глазами и делая вид, что почти ничего не понимает во «взрослом» разговоре. Услышав последнюю фразу майора, она встрепенулась и обиженно заверещала:

— При чем тут мой миленький дядя Зорро? Не смейте его обижать! Мы с Гертрудой с ним поженимся!

Никто на ее вопли всерьез не отреагировал, но вопрос тем не менее прозвучал.

— Зорро Хуарес был арестован сегодня утром по подозрению в причастности к движению ангелистов, — пояснил синьор Верона. — Разумеется, данное обстоятельство лишает его возможности встретиться на поле чести с синьором Гросси.

— Вы хотите сказать, что ему теперь запрещается драться на дуэли? — изумился Джерри.

— Совершенно верно.

— Дядя Зорро хороший! — захныкала Элен. — Что он такого сделал?

— Да-да, майор, вы уж нам скажите, что он натворил? — озабоченно спросил доктор Хорстен.

— Он пришел в публичную библиотеку и попытался получить на руки справочную литературу об ангелистах, — коротко ответил Верона; однако, обратив внимание на недоуменные взгляды присутствующих, он счел необходимым дать более исчерпывающее объяснение: — Видите ли, синьоры, ваш друг с самого начала повел себя, простите, как последний идиот. Ума не приложу, на что он рассчитывал? Он прошел прямо в главный читальный зал и попросил выдать ему книги, брошюры, памфлеты, аудио— и видеозаписи, а также все прочие материалы, рассказывающие об ангелистском движении.

— И что же ему выдали? — простодушно спросил Джерри.

— Все, что положено! — криво усмехнулся майор. — Библиотекарь немедленно связался с Бюро безопасности и Министерством антиподрывной деятельности. Через несколько минут синьора Хуареса арестовали.

— Послушайте, синьор Верона, — начал доктор, переглянувшись с коллегами. — Предположим, некто захотел побольше узнать об ангелистах и их политической платформе. Как ему это сделать?

— А зачем вашему некто понадобились такие сведения? — вкрадчиво спросил майор, прищурив один глаз.

— Какая разница? Допустим, ему захотелось написать книгу или статью.

— Смею вас уверить, синьор Хорстен, книг и статей о предательской деятельности подпольщиков и так в избытке, причем написаны они признанными авторитетами в этой

области.

— Тогда я не понимаю, что помешало библиотекарю выдать их гражданину Хуаресу? Для меня, например, совершенно очевидно, что им двигало одно лишь любопытство.

— Ваш Хуарес далеко не так прост, как вы думаете, синьор. Он отказался взять рекомендованную библиотекарем литературу и заявил, что желает ознакомиться с первоисточниками. Как только выяснилось, что под первоисточниками он подразумевает написанное самими ангелистами, у библиотекаря просто не оставалось другого выхода.

В гостиной воцарилась напряженная тишина. С молчаливого согласия коллег ученый опять взял инициативу на себя.

— Если я вас правильно понял, синьор, обычный гражданин, интересующийся данной темой, не вправе получить в библиотеке ни одной ангелистской брошюры, зато легко может ознакомиться с пудами томов произведений их критиков?

— А как же иначе? — удивился майор. — Или вы полагаете, в кабинете его высокопревосходительства сидят полные идиоты?

— Не понимаю, как можно бороться с диссидентами, не зная толком, чего они добиваются? — пожал плечами Джерри.

— Ошибаетесь, синьор! — обиделся Верона. — Уж мы-то отлично знаем, чего они добиваются!

— Чего? — с интересом спросила Элен, на миг оторвавшись от разбросанных по полу игрушек.

— Что называется, устами младенца, — хмыкнул Хорстен, бросаясь на выручку. — Но если честно, майор, я и сам бы не прочь узнать, чего же они хотят?

— Насильственного свержения законного правительства и установления собственной диктатуры, — отбарабанил Верона, как хорошо затверженный стишок.

— Ну, об этом как раз догадаться несложно. Меня интересует другое. Какими средствами они рассчитывают совершить переворот? Как собираются привлечь на свою сторону народные массы? Какая у них политическая и экономическая программа?

— Меня тоже кое-что интересует, — в тон ученому заметил майор. — С чего бы это вдруг люди, не проводшие на Фьоренце и суток, проявляют столь повышенное внимание к ангелистам?

Доктор Хорстен слегка смутился, но не дрогнул:

— Не вижу здесь ничего предосудительного, синьор. Отчасти это вызвано простым любопытством, отчасти — беспокойством за судьбу нашего спутника Зорро Хуареса, взятого под арест за якобы ангелистские убеждения. Последнее обвинение, кстати, представляется мне на редкость вздорным и абсолютно необоснованным. Хуарес никогда прежде не бывал на Фьоренце. Он никого здесь не знает. И его совершенно не волнует политика.

Майор надолго задумался, потом тяжело вздохнул и полез в карман. Оттуда он извлек вчетверо сложенный буклет, отпечатанный на дешевой бумаге и, судя по качеству шрифта, на весьма примитивном типографском оборудовании. Еще раз вздохнув, он протянул его ученому:

— Вот один из образчиков их пропаганды, синьор Хорстен. Можете ознакомиться, хотя, если честно, давая его вам, я совершаю должностной проступок.

Доктор нахмурился, сдвинул пенсне и развернул буклет.

— «К оружию, фьорентийцы! — прочитал он вслух. — Долой тиранию всенародно избранного правительства!»

— Можно еще раз, док? — попросил Джерри. — Я что-то не врубился.

— «Да здравствует народно-демократическая диктатура!» — продолжал Хорстен, не обращая на него внимания.

— На самом деле им не нужны ни народ, ни демократия, — вставил Верона. — Им бы только власть захватить.

— «Граждане Фьоренцы! Мы призываем вас тесно сплотиться в борьбе с режимом и предлагаем следующую программу действий:

Пункт первый. Активно внедряйтесь в ряды армии и полиции и убивайте ваших офицеров.

Пункт второй. Полный бойкот выборов.

Пункт третий. Уничтожайте станки и машины, порабошающие... »

Ученый прекратил чтение и ошарашенно потряс головой.

— Где вы раздобыли этот бред, майор? — спросил он.

— Обыкновенная энгелистская прокламация, — усмехнулся тот.

— Да, конечно... И что же, диссиденты расклеивают их на стенах и раздают прохожим на улицах?

— Именно так. Разумеется, когда нам не удастся их арестовать.

Хорстен еще раз потряс головой и пробормотал сквозь зубы:

— Пара уроков политграмоты им бы точно не помешала!

Он вернулся к буклету, пробежал наугад несколько строчек, брезгливо поморщился, отложил прокламацию в сторону и вновь обратился к майору:

— Как вам известно, синьор Верона, мы едва знакомы с гражданином Хуаресом. Однако мы путешествовали с ним на одном корабле, а ныне проживаем в одном номере, что налагает, согласитесь, определенные обязательства. Не знаю, как другие, но я считаю своим долгом позаботиться о том, чтобы ему была предоставлена квалифицированная юридическая помощь.

— Юридическая помощь? — удивился майор. — Вы шутите? Кто же возьмется защищать обвиняемого в энгелизме?

Родс нацедил в бокал еще на два пальца спиртного. Все это время он оставался возле бара и успел изрядно наклюкаться.

— Ну, это вы куда-то не туда загнули, — заметил он, отхлебнув глоточек. — Сами же говорили, что Зорро всего лишь зашел в библиотеку и попросил почитать что-нибудь об энгелизме. На его месте вполне мог оказаться я, если бы мне это пришлось в голову.

— Очень не советую повторять подобные эксперименты, синьор Родс, — холодно сказал Верона. — Быть может, ваша матушка действительно владеет половиной планетарного комплекса Каталина — Авалон, но до нее далеко, а мы здесь, на Фьоренце, где очень не любят людей, покушающихся на устои нашего общества и мечтающих уничтожить наш образ жизни.

— Вернемся к делу Зорро, майор, — снова заговорил Хорстен. — При нормальных обстоятельствах он мог бы рассчитывать на адвоката посольства ООП, поскольку его родная планета вряд ли имеет здесь собственное дипломатическое представительство. Однако деятельность посольства приостановлена...

— Всего лишь до прибытия с Земли нового персонала, не зараженного энгелистскими идеями, — поспешно заверил Верона. — Надеюсь, очень скоро оно опять откроется.

— Ага, а дядя Зорро пускай пока срок мотает! — громко возмутилась Элен.

Фьорентиец вздрогнул.

— Тебе не следует так часто смотреть гангстерские фильмы по три-ди-визору, дочка, — пожурил ее доктор.

— Уж чья бы корова мычала... — чуть слышно проворчала Элен, возвращаясь к своим игрушкам.

— И все же, синьор Верона, как мне нанять защитника для гражданина Хуареса? — вновь обратился к прерванному диалогу Хорстен.

— Я же вам уже объяснил, — поморщился майор. — Раз его обвиняют в причастности к энгелистам, ни один уважающий себя юрист никогда не возьмется за это дело. Сами посудите, что скажут люди об адвокате, который защищает энгелиста?

— Не энгелиста, а всего лишь подозреваемого в энгелизме, — поправил Джерри. — Согласитесь, что это все-таки разные вещи!

— Технически, может быть, — усмехнулся Верона, — но лично я особой разницы не вижу.

Джерри одним махом осушил бокал и растерянно покрутил головой.

— Может, я чего не понимаю, — пожаловался он, — но мне постоянно чудится, что на этой планете собрались одни шутники с извращенным чувством юмора. — Родс поднял голову и бросил мутный взгляд на майора: — Выпить не желаете? Нет? Тогда ответьте на один вопрос. Вот вы нам представились советником Третьего Синьора. Какое, вы говорите, министерство он возглавляет?

— Антиподрывной деятельности, — услужливо напомнил фьорентиец.

— А мы-то здесь при чем? Какого черта вы проводите с нами все свое время?

Лобовая атака несколько обескуражила майора, но никак не отразилась на его безупречных манерах.

— Дорогой мой синьор Родс, — рассмеялся он, — неужели вы не знаете, что все секретные службы, занимающиеся государственной безопасностью, действуют по одному и тому же принципу? Так обстоит дело на Фьоренце и так же, не сомневаюсь, обстоят дела на других планетах. Пока не получено доказательств невиновности, любой человек, попавший в поле зрения спецслужб, автоматически считается... — Он театрально развел руками, так и не закончив фразу.

Джерри схватил бутылку за горлышко и плеснул себе еще.

— А по-моему, вы, ребята, уже так долго гоняетесь за подрывными элементами, что у вас на этой почве шарики за ролики заехали! — Как бы иллюстрируя свое высказывание, он тряхнул наполовину опустошенной бутылкой. — Между прочим, знаете, с кем я сегодня познакомился в той забегаловке? Ни за что не поверите, но...

Элен вскочила с пола и направила на Джерри маленький пластмассовый пистолет. Скорчив страшную гримасу, она грозно зарычала:

— Поставь на место пузырь, незнакомец! С тебя на сегодня достаточно!

Верона снисходительно рассмеялся:

— Позвольте дать вам совет, маленькая синьорина. Никогда не наставляйте на людей заряженное оружие, если не собираетесь пустить его в ход.

Элен покосилась на фьорентийца, развернулась и направила дуло пистолета ему в лицо.

— Руки вверх, да пошевеливайся, негодяй! — скомандовала она. — Это ты упрятал моего дядю Зорро в каменный мешок!

— Элен! — укоризненно воскликнул доктор.

Но майор, похоже, ничуть не обиделся. Добродушно посмеиваясь, он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

— А вот и не подниму! — насмешливо прищурился он. — Мы, верные соратники Третьего Синьора, никогда не сдаемся.

— Ты сам напросился, незнакомец, — холодно процедила девочка и нажала на спусковой курок.

— Элен!! — в ужасе закричал Хорстен, вскочив на ноги.

Но было уже поздно. Тугая водяная струя ударила прямо в ухмыляющуюся физиономию фьорентийца. Стекая по щекам и подбородку окаменевшего от неожиданности майора, вода лилась за воротник и на лацканы его щегольского мундира.

Доктор с носовым платком в руке первым подоспел на помощь и принялся энергично оттирать насквозь промокшего советника, отвлекшись лишь на мгновение, чтобы воздать должное не в меру расшалившейся дочери.

— Ступай в свою комнату, мерзавка! — прогремел он. — Немедленно!

«Мерзавка» уронила на пол водяной пистолет, разразилась отчаянным ревом и скрылась за дверью своей спальни.

Синьор Верона шевельнулся, глубоко вздохнул, собрал волю в кулак, взял себя в руки, поднялся, мягко отстранил хлопчущего с платком ученого и дрожащим голосом произнес:

— Ничего страшного, синьоры. Я нисколько не обижаюсь. В конце концов, она всего лишь маленькая... — Он запнулся, сделал над собой усилие и закончил: — ...девочка.

С грустью окинув взглядом испорченный мундир, майор откашлялся, коротко

поклонился и щелкнул каблуками. В ботинках чавкнуло.

— Прошу прощения, синьоры, но я вынужден вас покинуть, — проговорил он и устремился к двери.

Хорстен, не переставая извиняться и разводить руками, проводил его до лифта и вернулся в гостиную, пылая праведным гневом:

— Где эта безмозглая тварь?!

Элен приоткрыла дверь своей комнаты и высунула голову.

— Горизонт чист, коллеги? — непринужденно осведомилась она.

— Зачем, во имя всего святого... — начал, надув щеки, доктор.

— Отстань! — отмахнулась Элен и прошествовала к бару, пнув мимоходом ногу Джерри, преграждающую ей доступ к спиртному. Она вскарабкалась на вращающийся стул и схватила бутылку с каким-то зеленоватым пойлом. — У меня не было выбора! Необходимо было любой ценой заткнуть пасть этому придурку, — сказала она, так резко качнув головой в сторону Родса, что ее белокурые локоны победно взметнулись. — Еще немного, и он разболтал бы майору, как нас чуть не прижучил сегодня в кафе agent provocateur.

— Ажан чего? — нахмурил лоб Джерри. — Как ты сказала?

— Agent provocateur, — повторила Элен. — Это по-французски. Провокатор, проще говоря. — Она набулькала себе в фужер столько, что Хорстен не выдержал и отвернулся. — Еще в царские времена в России бытовала такая народная мудрость: если четверо сидят в кабаке за одним столом и дружно ругают правительство, значит, трое из них служат в охранке, а четвертый просто дурак.

Глаза у Джерри внезапно расширились.

— Что, дошло наконец? — усмехнулась она. — Да-да, твой приятель энгелист, он же Великий Маркони! Правда, я уже начинаю сомневаться, не поспешила ли я с выводами.

— О чем это вы? — вмешался Хорстен.

Выслушав рассказ о встрече с самозванным энгелистом, доктор помрачнел.

— А что ты имела в виду, когда сказала, что начинаешь сомневаться? — спросил он.

Элен одним глотком ополовинила содержимое фужера, уселась на высокий стул около бара, на котором до этого стояла, и поджала ноги.

— Понимаете, как только он объявил себя энгелистом, я сразу подумала, что это обычный провокатор, пытающийся таким дешевым приемчиком вызвать Джерри на откровенность.

— Но сейчас ты так уже не думаешь?

— Я не совсем уверена, но могу допустить, что он действительно энгелист или притворяется энгелистом.

— Постой, постой, осади немного назад! — запротестовал Джерри. — Нельзя ли как-нибудь попроще?

Внезапно дверь в гостиную распахнулась. Все сразу обернулись. На пороге стоял Зорро Хуарес с еще более мрачной физиономией, чем утром, когда он так демонстративно исчез.

— Уже в курсе, где я побывал?

— Еще бы! — отозвалась Элен.

— Так я и думал. Как вы меня вытащили?

— Но мы тебя не вытаскивали, — возразил Джерри. — Полчаса назад нам популярно объяснили, что ты обвиняешься в энгелизме и дело настолько дохлое, что за него не возьмется ни один местный адвокат. Вот уж не ожидал, что ты так глупо погоришь!

— А ты бы лучше помолчал, критик несчастный, — посоветовала Элен, основательно приложившись к фужеру. — Сам только что из тюрьги, а туда же!

— Странно, — пробормотал Зорро. — Выходит, кому-то из здешних шишек было выгодно, чтобы меня выпустили. У них тут что-то вроде концлагеря, а «политические» содержатся в отдельном бараке. Обвинение у всех стандартное: подрывная деятельность. — Он подошел к бару, взял, не глядя на этикетку, бутылку, из которой наливала себе Элен, и опрокинул ее над высоким коктейльным бокалом. Из горлышка неохотно потекла тягучая,

зеленоватая жидкость с золотистым оттенком.

— Энгелисты, разумеется? — спросил, не сомневаясь в ответе, доктор Хорстен.

— Вряд ли.

— Вряд ли? А разве на Фьоренце, кроме них, есть и другие подрывные элементы?

Зорро пригубил, удовлетворенно кивнул и сделал большой глоток.

— Понятия не имею, — признался он. — Но те, с кем я сидел, кто угодно, только не подпольщики.

— Ума не приложу, что со мной сегодня происходит? — пожаловался Джерри. — Ну никак не получается ухватить суть! Ты можешь четко и ясно ответить: энгелисты они или нет?

— Черт их знает! — огрызнулся Хуарес — Либо они на редкость хорошо конспирируются, либо я полный болван! Я прощупывал арестованных поодиночке и группами, но выяснил только, что никто из них ничего не смыслит в энгелизме.

— Возможно, они подумали, что ты *agent provocateur*, — щегольнул новоприобретенными французскими словами Родс.

— Это еще что такое? — подозрительно посмотрел на него Зорро.

— Полицейский агент, который втирается в доверие к малоопытным революционерам, а потом их же закладывает. Это французское выражение, — снисходительно пояснил Родс, старательно избегая встречаться взглядом с Элен.

Хуарес надолго задумался, потом решительно покачал головой:

— Нет, не сходится. Их эта тема вообще не интересовала. И между собой они разговаривали о чем угодно, только не об энгелизме.

— И о чем же они беседовали между собой? — спросил, нахмурившись, Дорн Хорстен.

— Большой частью о Рассветных мирах.

8

Если бы Хуарес вдруг взлетел под самый потолок, он и то не смог бы сильнее поразить присутствующих.

— Вот и я тоже думал, что о них известно только высшему руководству ООП на Земле, — вздохнул Зорро.

Доктор Хорстен тяжело опустился в одно из крупногабаритных мягких кресел, как на заказ сделанных для его могучей фигуры.

— Так оно и было вначале, — с горечью заговорил он. — Вы уж простите нас с Элен, Зорро, но мы вам не все рассказали. В то время мы еще не служили в «секции джи» и узнали об этом значительно позже. А дело было так. Когда появились первые сведения о Рассветных мирах, Президент ООП и директор Комиссариата по межпланетным делам собрали, по инициативе Росса Метаксы, около двух тысяч самых надежных, с их точки зрения, глав планетарных правительств и ознакомили их с ситуацией. Полагаю, они рассчитывали, что этот шаг приведет к укреплению взаимопонимания и расширению сотрудничества между центром и периферией.

— И что же?

Ученый пожал плечами:

— Большинство удалось убедить, а остальные... Росс Метакса взял с каждого подписку о неразглашении, хотя ему-то как раз следовало знать, что это абсолютно бессмысленно. Невозможно сохранить тайну, в которую посвящены две тысячи мужчин и женщин, сколько бы они ни клялись держать язык за зубами.

— Выходит, кое-кто из них проговорился?

— Безусловно, судя по тому, что вы нам сейчас рассказали. Да и как иначе могли узнать простые фьорентийцы о существовании Рассветных миров, что является в высшей степени закрытой информацией?

— Ты хотя бы выяснил степень их осведомленности? — спросила Элен.

Хуарес смущенно развел руками:

— Не забывайте, коллеги, что я провел в том бараке всего несколько часов. Но им известно, что планеты рассветников следует искать где-то за пределами системы Фригии. И они знают, что обитатели этих планет обладают некими артефактами, заполучив которые любой человек может достичь невероятного богатства и могущества.

Хорстен снял пенсне и устало провел ладонью по лицу.

— Все это очень неприятно, друзья мои, но нас и нашего задания непосредственно не затрагивает, — сказал он, подводя итог обсуждению. — Нам поручено, образно выражаясь, вырвать палки из рук ангелистов и предоставить фьорентийской телеге свободно катиться по дороге прогресса. Все остальное в данный момент нас не касается.

— Разве вы не собираетесь поставить Сиды Джейкса в известность о сделанном нами открытии? — удивился Хуарес.

— Слишком опасно, — покачал головой ученый. — Спецслужбы на Фьоренце превосходно оснащены технически и имеют на вооружении самые свежие разработки. Если мы свяжемся с Землей, сообщение могут подслушать.

— Даже с нашей защитой? — недоверчиво присвистнул Джерри. — Я всегда считал, что коммуникаторы «секции джи» надежно защищены от перехвата!

— От перехвата гарантий нет и быть не может, — усмехнулся доктор. — Допустим, изобрели наши специалисты супернадежную систему связи. Изобрели, внедрили, начали пользоваться. Но проходит год или полгода, а чаще месяц или даже неделя, и где-нибудь обязательно объявляется умник, который нашел способ, как ее обойти или взломать. Мы не знаем, конечно, по зубам местным контрразведчикам наш канал связи или нет, но рисковать я бы не стал. Вот когда узнаем что-нибудь действительно важное, тогда и об этом заодно доложим.

— А то, о чем я узнал, по-вашему, мелочь, что ли? — обиделся Зорро. — Если уж на то пошло, по большому счету, ничего важнее проблемы Рассветных миров просто не существует!

— По большому счету — согласен. Но у нас конкретное задание: отыскать и уничтожить фьорентийское подполье. Давайте не будем больше дискутировать и займемся делом.

— Может, посоветуешь, с чего начать? — язвительно осведомилась Элен. — А то нам сейчас известно о фьорентийских диссидентах не многим больше, чем в тот день, когда нас инструктировал Росс Метакса.

Джерри отклеился наконец от бара, добрался нетвердой походкой до дивана, плюхнулся на широкое сиденье и попытался сосредоточиться.

— А я предлагаю, — начал он, — разыскать майора и выложить карты на стол. Уж в его-то департаменте точно найдутся и нужные нам сведения, и выходы на подполье.

Элен презрительно фыркнула.

— А я считаю, — заявил Зорро, — что мы должны в первую очередь связаться с Сидом Джейксом и передать информацию по Рассветным мирам!

Дорн Хорстен, сидевший до этого с рассеянным видом, внезапно встрепенулся и уставился на Родса.

— Знаете, а вы абсолютно правы, мой юный друг! — с энтузиазмом воскликнул он.

— Я? Не может быть! — удивился Джерри.

— Ты чего, папуля, с катушек слетел? — недовольно поморщилась Элен. — Стоит только вякнуть, кто мы такие, как синьор Верона мигом спровадит нас всех в концлагерь, запрет в любимый барак Зорро и выбросит ключ!

— Я тоже так считаю, — кратко ответил ученый. — Поэтому мы не станем посвящать господина майора в наши планы и попробуем обойтись без него. Который час? — Он взглянул на хронометр. — По-моему, уже достаточно поздно, чтобы навестить одно уважаемое государственное заведение и вскрыть парочку сейфов.

— О нет! — Элен сделала вид, что сейчас упадет в обморок.

— О да! — передразнил ее страшно довольный собой Хорстен. — Как справедливо заметил наш юный друг Джерри, найти сведения о подрывных элементах проще всего в Министерстве антиподрывной деятельности.

— Точно! — Родс решительно поднялся с дивана. — С моим везением мы сразу отловим кого-нибудь, кто все нам...

— С твоим везением мы все ноги переломаем, спускаясь по лестнице, — оборвала его Элен. — Или ты забыл, что монетка теперь падает не той стороной?

— О чем это ты?

— А кто утром проиграл официанту в кафе?

— И очень удачно проиграл, заметь, — рассмеялся Джерри.

— Попасть в тюрьму ты считаешь удачей?

— Конечно. Я ведь уже совсем настроился притащить сюда того великого прохиндея и хорошенько расспросить без помех. Я же не знал тогда, что он *agent provocateur*. Если бы я выиграл, мы влипли бы всей командой. Но я проиграл, угодил в кутузку, Великий Маркони смылся, а в результате мы все на свободе. Разве это не везение?

Элен сразу сникла и погрузилась.

— Да, об этом я как-то не подумала, — с неохотой призналась она.

— Где уж тебе! — самодовольно усмехнулся Джерри. — Между прочим, — добавил он без всякой жалости к поверженному противнику, — с тебя причитается сотня кредитов. Помнишь, ты утром поспорила со мной, что Зорро прикончат на дуэли?

— Что?! — взвился уязвленный до глубины души Хуарес.

— Пошли скорее отсюда, — взмолилась Элен, обращаясь к Хорстену. — Он все равно не поверит, что я только хотела его спасти!

Уже почти стемнело, когда доктор Хорстен с «дочерью» вышли из «Альберго Палаццо» и отправились на вечернюю прогулку по столице. Элен послушно семенила рядом, одной рукой держась за руку «отца», а другой сжимая неизменную Гертруду и маленькую жестяную коробочку с надписью «Кукольная аптечка».

— Почему ты не захотел взять Родса и Хуареса, Дорн? — спросила она вполголоса, чтобы не слышали встречные прохожие. — Джерри в чем-то прав. Мне больно это признавать, но ему и в самом деле чертовски везет.

— Везет, — согласился ученый. — Только везение его принимает иногда весьма неожиданные формы. Нисколько не удивлюсь, если на муху, которая осмелится докучать нашему другу Джерри, внезапно обрушится потолок или свалится метеорит. Временами я ловлю себя на том, что боюсь находиться с ним в одной комнате!

— А Зорро?

— В задуманном мною предприятии гарантия успеха прежде всего заключается в том, чтобы не привлекать к себе внимания. Зорро с его кнутом и ковбойскими замашками этому требованию, увы, не соответствует.

— Ты меня убедил, папуля, — согласно кивнула Элен. — Министерство антиподрывной деятельности будем брать вдвоем. Как, кстати, к нему пройти?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Хорстен. — Спросим у кого-нибудь.

— Спросим? — возмутилась Элен. — И это ты называешь не привлекать внимания?

Но доктор с самоуверенной улыбкой на губах уже остановился рядом со стоящим на проезжей части фьорентийцем в полицейской форме. Патрульный с обреченным видом созерцал небольшой бронированный аэрокар на воздушной подушке, на боках которого красовалась надпись большими красными буквами: НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ. Капот был открыт, но водитель, судя по его физиономии, уже отчаялся найти причину поломки.

— И что я теперь, интересно, скажу сержанту? — раздраженно пробормотал он.

Патрульная машина была очень похожа на трехлапую черепаху. Корпус ее возвышался на пару футов над мостовой, опираясь на три металлические стойки.

Убедившись, что улица пустынна на всем протяжении, Хорстен вежливо наклонил голову и обратился к полицейскому:

— Вы не подскажете, уважаемый, как нам пройти...

— Вали отсюда, фраер! — рявкнул тот, даже не дослушав вопроса.

Брови доктора изумленно поползли вверх.

— Я только хотел спросить...

Полицейский резко повернулся, кипя от ярости:

— Неужели не видно, что я занят? Эта чертова жестянка заглохла и не заводится. Проваливай, я сказал! — Посчитав, видимо, разговор оконченным, он вернулся к прерванному занятию, ворча себе под нос: — Теперь сержант мне точно башку оторвет!

Хорстен запыхтел, надул щеки и заметно побагровел.

— Эй, полегче с ним, — прошептала Элен. — Полицейский все-таки!

— Я задал вам вопрос и хочу получить ответ! — повысил голос доктор, не обращая внимания на ее предостережение.

— А я хочу, чтобы ты отсюда слинял! — в бешенстве заорал патрульный. — Занят я! Занят! Сколько можно повторять? Говорил мне сержант, не бери ты эту колымагу, а я не послушался. Как мне теперь ему на глаза показаться? Так что вали отсюда, пока цел! Нет у меня времени, понятно?!

Вступая в переговоры с блюстителем порядка, доктор Хорстен являл собой вначале образец терпимости и благодушия, обычно присущих действительно крупным представителям человеческой породы, но вызывающее поведение полицейского на удивление быстро истощило запасы его терпения.

Я вас в последний раз спрашиваю, — прогремел ученый, — как нам пройти к Министерству антиподрывной деятельности?!

— Пойдем отсюда, папуля, — захныкала Элен, дергая его за руку. — Совсем сдурел что ли, старый козел? — прошипела она сквозь зубы.

— А что ты сделаешь, если я в последний раз тебе отвечу: проваливай? — насмешливо осклабился полицейский.

Хорстен окинул взглядом бронированную патрульную машину, обшивка которой напоминала одновременно ребристую поверхность ручной осколочной гранаты и черепаший панцирь. Тяжело растопырившись на трех массивных подпорках, она представляла собой более чем внушительное зрелище.

Неторопливо и хладнокровно он поднял сжатую в кулак руку над головой и с размаху опустил на крышу аэрокара. Все три толстенных стальных штыря мгновенно выгнулись в дугу, причем передний из них прогнулся так сильно, что бампер машины уперся в мостовую.

Водитель несколько долгих, томительных секунд молча разглядывал свой покалеченный экипаж, потом перевел взгляд на доктора и наконец остановил его на Элен.

Та наморщила нос и скорчила ехидную рожицу.

— Отвечать надо, когда папуля спрашивает, — наставительно сказала она.

Полицейский поспешно отвернулся и вновь принялся рассматривать угрожающе накренившуюся машину. Спустя некоторое время он повернулся к Хорстену и меланхолично произнес:

— Так что вы хотели спросить, синьор?

— Где находится Министерство антиподрывной деятельности?

— Вам туда, — жестом указал патрульный и снова ушел в себя, озабоченно приговаривая: — Хотел бы я знать, что теперь скажет мне сержант!

Доктор взял Элен за руку, перевел через дорогу, и они чинно двинулись в указанном направлении.

— А ты подумал, что начнется, когда этот тупица доложит сержанту? — первой нарушила молчание Элен. — И расскажет, кто это сделал, почему и что ему было нужно?

Но Дорн Хорстен уже успел вернуться в прежнее благодушное настроение. Он снисходительно глянул сверху на «дочку» и беззаботно прогудел:

— Если он расскажет начальству, как все было на самом деле, самое малое, что ему грозит, это взыскание за пьянство при исполнении служебных обязанностей.

— И с кем я только связалась! — вздохнула Элен. — Уж лучше иметь дело с Зорро и его кнутом, клянусь Дзеном!

Они остановились перед входом в серое, облицованное гранитом и мрамором монументальное здание.

— Министерство антиподрывной деятельности, — вслух прочитал доктор надпись золотыми буквами на мраморной доске.

— Закрыто, — заметила Элен. — Ух ты, двери-то какие огромные! Литой бронзы, как в кафедральном соборе!

— Угу. Интересно, есть там кто-нибудь внутри? Из охраны, скажем, или из ночной смены?

— Хочешь постучаться и спросить? — с надеждой в голосе предположила Элен, прыгая вверх по ступенькам вслед за поднимающимся ученым.

— Думаю, это нецелесообразно. Да и наплыва посетителей в столь поздний час что-то не наблюдается. Нет, скорее всего, они действительно закрылись на ночь.

— Ну, начинается! — пробормотала Элен.

Они остановились прямо перед гигантскими бронзовыми створками дверей, рядом с которыми даже Дорн Хорстен с его высокой мускулистой фигурой выглядел жалким карликом.

— Да что ж это такое? — возмущенно произнес доктор. — Ни телекамеры, ни идентификационного экрана, ни простого звонка, наконец! А если мне срочно понадобилось вызвать дежурного, тогда как?

— Кончай эту бодягу, Дорн, — буркнула Элен. — Я все это уже проходила, так что можешь не выпендриваться.

Она встала спиной к дверям и быстро огляделась по сторонам. На площади перед зданием не было ни души. По всей видимости, окрестности Министерства антиподрывной деятельности едва ли служили излюбленным местом для вечернего променада столичных жителей.

Хорстен взялся за массивное бронзовое кольцо размером с обруч для хулахупа, приподнял его и потянул на себя.

— Заперто! — громко объявил он.

— Давай уж, хватит рисоваться! — не выдержала Элен.

Он потянул сильнее, рванул... и огорченно уставился на дверное кольцо, оставшееся у него в руках.

— Надо же, оторвалось! — пожаловался ученый. Его спутницы фыркнула.

Хорстен уперся ладонями в дверь и нажал. Внутри что-то заскрежетало. Он нажал еще раз. Со стороны это выглядело невинной шуткой, если бы не чудовищные бугры мышц, вздувшиеся на его спине. Опять послышался противный скрежет рвущегося металла, и створки дверей услужливо распахнулись.

— Ну вот, — разочарованно протянул доктор. — А здесь, оказывается, вовсе и не заперто!

— Хорош трепаться, мастодонт недорезанный! — дернула его за рукав Элен. — Пошли скорее, пока никто не засек!

Хорстен пропустил ее вперед, вошел сам, тщательно закрыл двери изнутри и с интересом обвел взглядом погруженный в полумрак огромный вестибюль.

— Прямо как Большой центральный вокзал! — восхищенно заметил он.

— А что это?

— Понятия не имею. Просто идиоматическое выражение, сохранившееся с давних времен. Обычно применяется в качестве сравнительного эпитета при характеристике впечатляющего по размерам интерьера.

— Понятно. Куда дальше пойдем?

— Не знаю. Может, побродим по этажам, пока не встретим кого-нибудь?

— Гениально! А если нас подстрелят?

— Ну что ты! Кому придет в голову стрелять в маленькую девочку?

— Любому, кто сообразит, что маленькие девочки не шлятся ночью по закрытым учреждениям госбезопасности!

Справа и слева от них вели вверх покрытые ковровой дорожкой широкие ступени, а прямо по центру возвышалась лифтовая шахта с дюжиной кабинок.

— Подумать только, настоящий лифт! — покачал головой ученый. — Тебе не кажется, дорогая, что эти фьорентийцы в своей приверженности к моде давно ушедших веков несколько перегибают палку?

— Поднимаемся по лестнице, — оборвала его Элен. — Не хватало нам только в лифте застрять!

Она ухватила за поясной ремень Хорстена, легко подпрыгнула и примостилась у него на плече, чтобы самой не карабкаться по ступенькам. Поднявшись на второй этаж, они очутились на просторной лестничной площадке, от которой начинался кажущийся бесконечным длинный, пустынный коридор.

— Куда дальше? — спросила Элен. — Продолжим подъем или как? Черт его знает, где тут занимаются ангелистами? Похоже, по ночам здесь работать не привыкли, да и...

— Стоять на месте! — прозвучал у них за спиной чей-то громкий, властный голос.

Дорн Хорстен обернулся и шагнул вперед, одновременно демонстрируя свою фирменную добродушную улыбку.

— Ах, вот вы где, — облегченно прогудел он. — Наконец-то! Я так и знал, что мы непременно кого-нибудь встретим.

Незнакомец находился футах в тридцати от них. Это был крупный, кряжистый мужчина в шитом золотом мундире старшего офицера. Он стоял в боевой стойке, слегка пригнувшись и расставив ноги, и держал в правой руке тяжелый армейский скремблер. Его грубое, искаженное звериной злобой лицо покрывали многочисленные шрамы — следы дуэлей и уличных стычек, а может быть, и настоящих сражений.

— Кто вы такие? — рявкнул он.

Хорстен успокаивающе похлопал по бедру сидящую у него на плечах малышку Элен и недоуменно развел руками.

— Позвольте прежде узнать, с кем имею честь, уважаемый синьор? — учтиво осведомился он, вновь пуская в ход все свое обаяние.

Фьорентиец на миг смутился, но он был старым служакой и слишком опытным бойцом, чтобы попасться на такой очевидный прием. Оружие в его руке не сдвинулось ни на дюйм в сторону и было по-прежнему нацелено на подозрительных гостей.

— Я полковник Фантонетти, — сказал он. — А теперь живо отвечайте: кто вы такие и что вам понадобилось на втором этаже закрытого и опечатанного на ночь учреждения?

— Пусти меня вниз, папуля! — заплакала Элен. — Это плохой дяденька. Я его боюсь!

Хорстен повернул голову и что-то сказал ей, не обращая внимания на скремблер полковника. Потом осторожно снял девочку с плеча и поставил на пол, отобрав у нее Гертруду и кукольную аптечку и сунув их себе подмышку. Погладив Элен по головке, он вновь обратился к Фантонетти.

— Мой визит сюда, синьор, объясняется тем, что мне срочно потребовались сведения об ангелистах, — произнес он самым обыденным тоном, как будто речь шла о невинных пустяках.

— Об ангелистах?! — оживился полковник. — Сами признаете, значит? Это хорошо. А как вы сюда проникли?

— Просто вошел, — пожал плечами ученый и бросил взгляд на Элен, готовую вот-вот снова разреветься. — Успокойся, деточка, все в порядке. Потерпи еще немного, а потом папочка поиграет с тобой в «алле-оп». — Он опять посмотрел на фьорентийца и дружески улыбнулся: — Буду весьма признателен, полковник, если вы подскажете, к кому обратиться за консультацией по программным вопросам ангелистского движения и методам борьбы с подпольем.

Фантонетти очумело потряс головой, словно не доверяя своим ушам, но оружия отводить явно не собирался.

— Все наше министерство занимается борьбой с подпольем, — сказал он. — В том числе возглавляемое мною управление. Работы выше головы, поэтому я и задержался сегодня на службе. Очень удачно задержался. Вы так и не ответили на мои вопросы, и я вынужден вас арестовать.

Слева от полковника у входа в лифт стоял письменный стол с пультом внутренней связи. Не сводя глаз с подозрительной парочки и держа Хорстена под прицелом, он начал медленно перемещаться в сторону пульта.

— Алле-оп! — выдохнула Элен.

Державший ее за руку великан ученый резким движением вздернул девочку высоко вверх, перехватил в воздухе и метнул в сторону массивной мраморной колонны, расположенной футах в десяти от лифтовых кабинок.

В первое мгновение палец Фантонетти на спусковом крючке напрягся, но уже в следующий момент снова расслабился, а сам полковник замер с выпученными глазами.

Взметнувшись высоко в воздух, Элен сгруппировалась и превратилась в летящий мячик, но перед самой колонной распрямилась, выбросила вперед обе ноги и резко оттолкнулась от гладкой, матовой поверхности. При этом направление ее полета изменилось, но метод остался прежним. Маленькое одушевленное ядро, стремительно вращаясь в воздухе, достигло стола с пультом и вновь стало девочкой. Ее стройная, гибкая фигурка тут же совершила еще один немыслимый кульбит, девочка коснулась ступнями металлических створок лифтовой шахты, сделала двойное сальто и легко приземлилась на ноги прямо перед опешившим фьорентийцем. Последний прыжок вознес ее над головой полковника, и не успел он опомниться, как Элен оказалась сидящей у него на плечах.

— Ну и скользкие же тут у вас полы! — посетовала она, обхватив правой рукой голову Фантонетти, а левой приставив к его уху раструб излучателя его же скремблера, всего мгновение назад находившегося под безраздельным, казалось бы, контролем бравого борца с подрывными элементами.

Дорн Хорстен неодобрительно поцокал языком и с укоризной произнес:

— Не увлекайся пожалуйста, моя милая. Господин полковник может обидеться, если ты вдруг невзначай вышибешь ему мозги. — Он выдержал паузу и добавил: — При условии, разумеется, что они у него есть.

Но Фантонетти находился в глубоком шоке и никак не отреагировал на явное оскорбление.

Доктор приблизился и забрал оружие у Элен. Она грациозно спрыгнула на пол и первым делом поправила свое прелестное голубое платье и сбившийся набок бант.

— Где ваш кабинет? — бесцеремонно спросил ученый.

— Там, — показал деморализованный полковник.

— Тогда пошли.

Пропустив Фантонетти вперед, Хорстен и его миниатюрная соратница вошли в довольно просторное помещение, обставленное типовой канцелярской мебелью и оборудованное стандартным набором офисной аппаратуры, включающим многоканальный селектор и диктопринтеры.

Элен, что-то весело напевая вполголоса, открыла коробочку с надписью «Кукольная аптечка» и принялась раскладывать на столе по виду игрушечные пузырьки, шприцы и ампулы. А доктор тем временем предложил пленнику поудобнее располагаться в его же собственном кресле.

Полковник Фантонетти не был трусом, но интеллектом отнюдь не блистал. Едва придя в себя, он начал ругаться и угрожать:

— Что вам от меня нужно, негодяи?! Предупреждаю, это вам дорого...

Хорстен торопился и потому заткнул фьорентийцу рот, сунув в него вороненый ствол скремблера. Выдержав паузу, он убрал оружие и вежливо произнес:

— Как я уже говорил, мне нужна информация об ангелистах.

— Да вы сами ангелисты поганые! — огрызнулся пленник.

— Напротив, друг мой, напротив, — заверил доктор.

Миниатюрные пневмошприцы из игрушечной коллекции Элен оказались действующими — и вполне эффективно. Она не стала тратить времени, снимая с полковника мундир и рубашку, а просто приложила головку шприца к его запястью, после чего быстренько собрала все свои причиндалы обратно в коробку и чинно уселась в кресло напротив.

— Мы ввели вам одно из производных скополамина, называемого иначе «сывороткой правды», — любезно пояснил ученый. — Мне очень жаль, но мы вынуждены так поступить. Нам действительно позарез необходимо узнать об ангелистском подполье все, что только возможно.

— Вам это даром не пройдет! — скрипнул зубами Фантонетти.

— Угу, — безразлично кивнул Хорстен и уставился на секундную стрелку своего наручного хронометра, нетерпеливо постукивая по крышке стола костяшками пальцев.

Элен сидела тихо, как мышка, с невинной детской улыбкой на губах, сочувственно глядя на полковника, пока сей доблестный воин не выдержал и закрыл глаза.

— Ваше имя? — задал доктор первый вопрос, едва началось действие препарата.

Крупные капли холодного пота выступили на лбу допрашиваемого. С минуту он героически сопротивлялся, но в конце концов плотно сжатые губы его разомкнулись:.

— Сальвадор Мария Фантонетти.

— Звание и должность?

— Полковник, советник его высокопревосходительства Альберто Скъяланга, Третьего Синьора.

— Ваши обязанности?

— Борьба с ангелистами.

— Кто такие ангелисты?

— Подрывные элементы, намеревающиеся свергнуть Первого Синьора и правительство Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы.

— Как они собираются это осуществить?

Голос накачанного наркотиком фьорентийца впервые дрогнул и потерял уверенность и четкость. Прошло несколько секунд, прежде чем он дал ответ:

— Я не знаю.

Хорстен нахмурился:

— Какие методы они используют?

— Любые, ведущие к подрыву общественно-экономического строя Фьоренцы.

— Каким образом?

— Выступая против Первого Синьора и возглавляемого им Кабинета Синьоров.

— У подполья есть свои радиостанции и каналы три-ди-видения? — задала вопрос Элен.

— Нет.

— А свои газеты у них есть? — спросила она, озабоченно хмурясь, как и ее напарник.

Полковник ничего не ответил. Тогда она изменила вопрос:

— Как вы думаете, есть у подполья своя пресса?

— Нет.

— Ангелисты пишут книги и статьи, направленные против правительства? — поинтересовался Хорстен.

Снова молчание.

— Как вы думаете, пишут ангелисты книги и статьи, направленные против правительства?

— Я... я не знаю.

— Вы когда-нибудь читали, видели или держали в руках памфлеты, брошюры,

листовки и другую пропагандистскую литературу, изданную ангелистами?

— Нет.

— Что же тогда они делают для того, чтобы подрывать основы общественно-экономического строя Фьоренцы? — перехватила инициативу Элен.

— Пытаются склонить на свою сторону неустойчивые элементы, выступая с критикой администрации Первого Синьора.

Элен и Хорстен в недоумении переглянулись. Поразмыслив немного, ученый решил попробовать подобраться к истине с другой стороны:

— Лично вам доводилось арестовывать ангелистов? Пленник безмолвствовал.

— Хорошо, спрошу иначе. Вам доводилось арестовывать людей, подозреваемых в ангелизме?

— Да.

— И сколько из них в действительности оказались ангелистами?

Молчание.

— Хотя бы один из арестованных оказался ангелистом? — вмешалась Элен.

— Нет.

Ответ был воспринят в похоронном молчании. Прошло немало времени, прежде чем Элен сформулировала наконец очередной вопрос:

— За всю вашу карьеру вам хоть раз встретился человек, о котором вы могли бы с абсолютной уверенностью утверждать, что он ангелист?

Долгая пауза, затем:

— Нет.

Это было последней каплей.

— Почему же тогда вы уверены, что ангелисты вообще существуют? — не выдержала Элен.

— Потому что они подрывают основы Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы.

— Я не об этом спрашиваю... А-а, черт! — Она беспомощно поглядела на своего коллегу: — Что происходит, Дорн?

Хорстен рассеянно дернул себя за мочку уха, задумчиво посмотрел на полковника и сказал:

— Ты знаешь...

— Что?

— По-моему, этот человек подвергся интенсивной промывке мозгов.

— Ты сбрендил? Он же полковник и большая шишка в этом антиподрывном министерстве! Ну зачем кому-то промывать мозги ему?

— Откуда я могу знать? — раздраженно буркнул ученый.

Элен слезла с кресла, подошла к столу и раскрыла коробочку с кукольной аптечкой.

— Что ты собираешься делать?

— Почистить ему память, естественно. Что нам еще остается, если синьор Фантонетти ровным счетом ничего не знает об ангелистах?

Дорн Хорстен открыл дверь и в сопровождении Элен вошел в гостиный салон президентских апартаментов «Альберго Палаццо» и застыл как вкопанный.

— Чем это, во имя Святого Дзена, вы тут занимаетесь?! — взорвался он.

Зорро Хуарес и Джерри Родс вздрогнули и одновременно повернули головы. На полу валялась раскрытая коробка с игрушками. Зорро сидел, скрестив под собой ноги, перед коктейльным столиком, Джерри, на корточках, рядом с ним. На столике стояла маленькая «игрушечная» модель три-ди-визора из коллекции Элен. Модель была включена, и стоящие у порога даже на таком расстоянии легко узнали лицо человека на миниатюрном экране.

— Докладываем Сиду Джейксу, — первым опомнился Зорро.

Хорстен и Элен подошли поближе и встали перед столиком так, чтобы попасть в поле

зрения сканирующего устройства передатчика. Сид заметил их, дружески ухмыльнулся и произнес:

— Рад видеть вас, коллеги. Как продвигается задание?

— Никак не продвигается, — сердито пробурчал доктор, смерив неодобрительным взглядом нарушивших запрет коллег. — Час назад мы нанесли визит в министерство, созданное специально для борьбы с диссидентами, отловили там одну засидевшуюся пташку в чине полковника и допросили с применением скополамина.

— Лихо это вы! — похвалил Джейкс. — И что же она вам напела?

— В том-то и дело, что ничего! — ответила Элен. — Это фьорентийское подполье, должно быть, самое нелегальное за всю историю подпольного движения!

Хорстен присел так, чтобы голова его оказалась на одном уровне с экраном коммуникатора.

— Мы по-прежнему не имеем никакой конкретной информации об энгелистах, — подтвердил он. — Полагаю, коллега Хуарес рассказал вам, что подпольщики раньше нас добрались до собранного Бульшаном досье?

— Да, — кивнул Сид Джейкс; всегда бодрый голос его, доносящийся через сотни световых лет, заметно потускнел. — А еще он мне рассказал, что на Фьоренце каждая собака уже знает о Рассветных мирах и с чем их едят!

Ученый окинул Зорро таким взглядом, что тот мгновенно съежился и обиженно надулся.

— Я был против внеочередного сеанса связи, считая его преждевременным, несмотря на очевидную важность добытой информации, — сухо сказал доктор. — Однако коллеги Родс и Хуарес сочли, я вижу, возможным пренебречь моим мнением.

Джейке задумчиво пожевал губу.

— Сомневаюсь, существует ли какая-то связь... — начал он. — Дело в том, что у нас тут возникли некоторые осложнения. Я это так говорю, на всякий случай, если вдруг вам посчастливится откопать что-то на Фьоренце. Вот будет номер, если это произойдет! Хотя у меня нет никаких оснований...

Все четверо, затаив дыхание, ждали продолжения. Сид тряхнул головой, натянуто улыбнулся и сказал:

— Короче говоря, сегодня утром кто-то вломился в кабинет Ронни Бронстона. Сам он все еще в госпитале...

— Вломился? — недоверчиво переспросила Элен. — Прямо в Октагоне?

— Ничего не пропало, кроме одной звездной карты, — сообщил Джейкс, случайно или намеренно уклонившись от прямого ответа.

— Звездной карты с координатами Рассветных миров? — вылез вперед Джерри.

Сид слегка наклонил голову и очень внимательно посмотрел на него.

— Как вы догадались? — с интересом спросил он.

В этот момент из прихожей послышался чей-то громкий голос, торжественно объявивший:

— Его высокопревосходительство, Первый Синьор Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

9

— Ого! — изумленно присвистнул Сид Джейкс — Высоко летаете, коллеги! Ладно, потом расскажете, а мне пора закругляться. До связи!

Экран с его ухмыляющейся физиономией погас, но этого уже никто не заметил: все взоры были прикованы к дверям гостиной.

Первыми появились два очень внушительно выглядевших телохранителя, вооруженных ручным оружием неизвестной системы. Они встали по обе стороны от дверей и неподвижно замерли, глядя прямо перед собой. Как повелось от веку, лица охранников не выражали ни единой мысли, а сами они превратились в застывших каменных истуканов.

Следующим вошел и встал между ними обладатель зычного голоса. Был он в штатском, но по выправке чувствовалось, что форма для него куда привычней. Окинув взглядом помещение и собравшихся в нем людей, он отступил назад, четко развернулся на каблуках и повернулся к входу с таким видом, будто ожидал явления некоего божества.

Дверь открылась, пропуская еще двоих фьорентийцев, один из которых был хорошо знаком собравшимся. Роберто Верона заметно проигрывал своему спутнику, несомненно стоящему выше майора и по рангу, и по положению. Роскошный мундир незнакомца украшали многочисленные ордена и медали.

— Чем реже генералы воюют, тем чаще их награждают, — ехидно шепнула на ухо Джерри первой опомнившаяся от неожиданности Элен. Она уже успела сунуть коммуникатор в кукольные ручки Гертруды.

Представительный мужчина, вошедший в салон вслед за двумя офицерами, был, очевидно, не кто иной, как сам Первый Синьор. Он быстрыми шагами прошел в гостиную и остановился в центре комнаты, непринужденно разглядывая обстановку.

— Мои извинения, синьоры, — небрежно бросил он и повернулся к Вероне: — Вы ведь уже знакомы с нашими гостями, *maggiore*? Представьте нас, пожалуйста.

Первый Синьор выглядел сравнительно молодо, лет тридцати пяти, но держался так властно и уверенно, словно научился командовать еще в колыбели. Лицо его, как и любого другого высокопоставленного политического деятеля, могло выражать самые разнообразные оттенки: искренность и дружелюбие, честность, открытость, неподкупность и расположение к ближнему.

— Ох, не нравится мне его рожа! — заметила сквозь зубы Элен.

— Тс-с-с! — сердито прошипел Хорстен.

Майор Верона, искусно изображая всем своим видом благоговейный восторг от присутствия столь высокого руководства, отвесил почтительный поклон и приступил к церемонии.

— Позвольте представить вашему высокопревосходительству знаменитого ученого Дорна Хорстена и его очаровательную дочь синьорину Элен.

— Это большая честь для меня, ваше высокопревосходительство, — с достоинством поклонился доктор.

Элен широко распахнула ресницы, сунула в рот большой палец, тут же спохватилась, вынула его и спрятала руки за спину, сконфуженно ковыряя пол носком туфельки, но не переставая таращить глаза на Первого Синьора.

— Счастлив приветствовать вас на Фьоренце, синьор Хорстен, — учтиво склонил голову глава государства. — Искренне рад знакомству с человеком, чьи труды на научном поприще пользуются заслуженной известностью едва ли не во всех мирах Содружества. — Он снисходительно улыбнулся Элен. — Какая у вас прелестная кукла, синьорина!

— Его превосходительство Джералд Родс, предприниматель с планеты Каталина, — продолжал представлять гостей планеты Верона.

— Мое почтение, ваше высокопревосходительство, — без всякого почтения буркнул Джерри, чья скучающая физиономия наглядно демонстрировала, что ему не привыкать встречаться с высокопоставленными персонами.

Первый Синьор с любопытством окинул взглядом молодого человека.

— Мое почтение, синьор Родс, — сказал он, не утруждая себя поклоном. — Мне уже сообщили о цели вашего визита на Фьоренцу. Смею вас заверить, что мы всегда рады приветствовать любые начинания такого рода.

— Его превосходительство Зорро Хуарес с планеты Вакамундо, — с кислым видом произнес майор, даже не стараясь скрыть свое неприязненное отношение к этому человеку.

— Наслышан о ваших подвигах, синьор, — усмехнулся его высокопревосходительство. — Надеюсь, вы больше не станете вступать в конфликт с нашими законами, быть может излишне суровыми, но крайне необходимыми, учитывая постоянно растущую активность подрывных элементов.

— Да я всего лишь хотел что-нибудь узнать об ангелистах, — смущенно пробормотал Хуарес — Все вокруг только о них и говорят...

— Да-да, разумеется. К несчастью, вы пошли неверным путем, за что и поплатились. Хорошо еще один из членов моего кабинета вовремя узнал о случившемся и принял меры. Я с удовольствием лично отвечу на все интересующие вас вопросы, синьор Хуарес, если выдастся свободная минутка.

Первый Синьор еще раз окинул всех четверых благосклонным взглядом и направился к бару, бросив через плечо:

— Объясните нашим друзьям ситуацию, *maggiore*.

Верона, единственный из свиты правителя, допущенный в гостиную — остальные, включая охрану, были изгнаны в прихожую, — не испытывал, похоже, особой радости от этого поручения.

— Доктор Хорстен, синьоры, — заговорил он, виновато пряча глаза, — я вынужден сообщить вам, что планы его высокопревосходительства несколько изменились и он все же решил принять личное участие в предвыборной кампании.

Элен скосила один глаз на Джерри и ехидно прошептала:

— Ну и где теперь твое хваленое везение? Сейчас ведь на улицу будут выкидывать, если ты еще не понял!

— Разумеется, — поспешил добавить майор, — его высокопревосходительство лично настоял, чтобы для каждого из вас подыскали взамен подходящее помещение.

Первый Синьор вряд ли смог оценить подхалимаж подчиненного, потому что был занят совсем другим делом. Держа в левой руке крошечную ликерную рюмочку, он разглядывал на свет ту самую бутылку, к содержимому которой успели изрядно приложиться сначала Элен, а затем и Зорро. На лице его попеременно отразились удивление, шок и неподдельный ужас.

— Мой бетельгейзианский шартрез! — горестно простонал он.

Пока Хорстен и Зорро, смирившись с неизбежным, обсуждали с советником варианты переселения в другой номер, Джерри Родс, будучи человеком практичным и без предрассудков, как бы невзначай приблизился к бару, рассеянно подбрасывая на ладони свой древний бронзовый франк.

— Ваше высокопревосходительство? — осторожно кашлянул он.

— Слушаю вас, синьор.

— Тут такое дело... Вы знаете, что в этих апартаментах семь спальных комнат?

— Да? — нахмурил лоб Первый Синьор. — Ни разу не считал. Как-то руки не доходили. Семь, вы говорите?

— Семь, — уверенно подтвердил Родс, высоко подбросил монетку прямо перед носом собеседника, ловко поймал ее и зажал в руке. — Не считите за лесть, синьор, но, глядя на вас, я сразу подумал, что вы, должно быть, человек рисковый.

— Рисковый? — снова нахмурился правитель.

— В том смысле, что вы не прочь рискнуть в игре, — пояснил Джерри.

Чело его высокопревосходительства прояснилось.

— Да, игра — это моя слабость, синьор, вы угадали. Но мне, признаться, все еще не до конца ясен ход ваших мыслей...

Родс опять подбросил монету:

— Ставлю сто тысяч кредитов против разрешения остаться в моей комнате, что угадаю, какой стороной выпадет эта монета.

— Сто... тысяч... межпланетных... кредитов! — повторил сразу севшим голосом Первый Синьор.

Джерри подкинул монетку и поймал, подкинул и снова поймал... Его

высокопревосходительство откашлялся, прочищая пересохшее горло:

— Согласен! Но с условием: я бросаю, вы угадываете.

— Годится! — весело воскликнул Родс, отдавая монету.

Его соперник внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

— Так, это орел, — пробормотал он, — а это, насколько я понимаю, решка. Готовы?

Джерри кивнул. Первый Синьор подбросил монетку, поймал ее на ладонь левой руки и мгновенно накрыл правой.

— Орел, — назвал Родс.

Правитель разнял руки, взглянул на монету, поморщился и сокрушенно покачал головой:

— Вам повезло!

— Сыграем еще? — предложил Джерри. — Та же ставка, те же условия. Если я выиграю, доктор Хорстен с дочерью сохраняют за собой свои комнаты.

— А вы азартны, молодой человек, — с уважением посмотрел на него Первый Синьор. — Сто тысяч кредитов! Принимается!

Он опять подкинул монету, поймал, накрыл ладонью и выжидающе поднял глаза.

— На этот раз решка, — спокойно произнес партнер.

Лицо правителя заметно помрачнело.

— Вы снова выиграли!

— А теперь, если не возражаете... — начал Родс.

— Ваше высокопревосходительство! — предостерегающе повысил голос Верона.

— В чем дело, *maggiore*?

— Прошу прощения, но оставшихся комнат едва хватит для размещения сопровождающих ваше высокопревосходительство лиц. — Он повернулся к Зорро: — А для вас, синьор Хуарес, администрация отеля освободила помещение в цокольном этаже. Комнатка небольшая, но очень уютная. Бывшая дворницкая, если не ошибаюсь.

— О нет! Только не это! — запротестовал тот, но протест его так и остался гласом вопиющего в пустыне.

Глава Кабинета с видимой неохотой вернул монетку владельцу, с сожалением вздохнул и сказал:

— Надеюсь, мы еще с вами сыграем, синьор Родс. Буду рад, если найдется часок-другой, научить вас моей любимой игре — покеру.

Двое телохранителей во главе с усыпанным медалями офицером вышли из прихожей, неторопливо продефилировали по гостиной и углубились в коридор, ведущий в спальные комнаты. Очевидно, регулярный обход охраняемой территории был обязателен для обеспечения безопасности.

Его высокопревосходительство вернулся к бару и своей бутылке, из которой бережно, по капельке, нацедил половину рюмки ликера. Но пить сразу не стал, а поставил ее рядом с собой. Затем тщательно закупорил бутылку притертой хрустальной пробкой, открыл небольшую дверцу в нижней части бара, убрал туда бутылку и запер дверцу маленьким золотым ключиком, который спрятал в жилетный карман. После чего взял рюмку и, что-то неразборчиво бормоча себе под нос, направился к самому большому и мягкому креслу, которое чуть раньше облюбовала для себя Элен.

Справа от него синьор Верона со страдальческим видом пытался успокоить возмущенного до глубины души Зорро. За спиной слышались тяжелые шаги охранников, продолжающих обход спален в поисках гипотетических террористов. Слева стоял, близоруко шурясь на мир сквозь стекла пенсне своими круглыми, совиными глазами, доктор Хорстен, являя окружающим классический облик флегматичного, чуточку рассеянного кабинетного ученого. Уже обеспечивший себе крышу над головой Джерри Родс, которого, похоже, больше ничего не волновало, нахально развалился на диване.

Его высокопревосходительство, блаженно жмурясь в предвкушении заслуженного отдыха от трудов праведных, уже подался корпусом чуть вперед и согнул колени, готовясь

опуститься в уютное кресло.

— Ой! — испуганно пискнула Элен.

Первый Синьор замер в неудобной позе, затем, не меняя ее, осторожно повернул голову и узрел там, куда он собирался сесть, приблизительно тридцать пять фунтов хрупкой детской плоти. Пытаясь избежать катастрофы, он резко дернулся, потерял равновесие и в результате выплеснул на пол большую часть драгоценного содержимого своей рюмки.

Когда он снова выпрямился, лицо его было чернее ночи.

Майор Верона, ставший невольным свидетелем инцидента, застыл на месте и испуганно втянул голову в плечи в ожидании грозы, шторма и других стихийных бедствий.

Но буря так и не разразилась. Его высокопревосходительство постепенно овладел собой, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, лицо его немного прояснилось и даже озарилось слабой, вымученной улыбкой. Старательно делая вид, что ему все равно, он присел на краешек дивана, уже оккупированного Джерри Родсом, и поднес рюмку к губам.

Элен непринужденно скрестила ноги, поерзала, устраиваясь поудобнее, в отвоеванном кресле, изучающе посмотрела на сидящего напротив Первого Синьора и с любопытством спросила:

— Тебя как звать?

Его высокопревосходительство изумленно моргнул и опустил нетронутую рюмку.

— Прошу прощения, маленькая *principessa*?

— Я хочу знать, как тебя звать по-настоящему? — повторила вопрос «девчонка».

Глава исполнительной власти Фьоренцы затравленно огляделся по сторонам, но все были заняты своими делами и не обращали на него внимания. Синьор Верона по-прежнему горячо убеждал в чем-то насупленного Зорро, а Дорн Хорстен и Джерри на другой стороне длинного, как взлетная полоса, дивана вполголоса обсуждали, в какие комнаты им лучше перенести вещи, чтобы как можно меньше путаться под ногами у Первого Синьора и его приближенных.

— Ты, наверное, хочешь спросить, деточка, — снисходительно улыбнулся он ей, — как меня называет моя мамочка, да?

Элен с досадой поморщилась, как поступают дети, которым кажется, что их не понимают взрослые, и отрицательно затрясла головой:

— Твоя мамочка меня не колышет. Пускай как хочет, так и называет. Ты скажи, как тебя звать?!

— Элен! — послышался сердитый окрик доктора, который, очевидно, был не настолько поглощен разговором, чтобы совсем уж выпустить из-под контроля своевольное чадо.

— А что я такого сказала? — удивилась она, невинно хлопая глазами. — Я только спросила, как его звать! Раз мы теперь будем жить все вместе, не могу же я все время звать его дяденька ваше всякопроходительство! — Ни с того ни с сего она начала вдруг шмыгать носом и кривить губы. — Зачем он хочет отобрать у меня мою большую комнату-у-у? — заныла Элен, размазывая кулачками по лицу вдруг брызнувшие слезы.

— Прекрати сейчас же! — суровым тоном приказал ученый, склоняясь над креслом.

— Да-а! А если мне нравится моя комната? И Гертруде тоже! — продолжала канючить Элен, жалостливо всхлипывая.

— Кто такая Гертруда? — растерянно спросил, обращаясь в пустоту, Первый Синьор, но так и не дождался ответа — впервые, быть может, за всю свою карьеру.

Апартаменты между тем постепенно стали напоминать подвергшийся нашествию город. Через гостиную то и дело сновали какие-то безликие типы в форме и без, таская чемоданы, коробки, офисное оборудование и многое другое. Иногда среди них мелькали крупные чины, вероятно из ближнего окружения его высокопревосходительства. Эти не таскали ничего, кроме портфелей и папок с документами, но у каждого был на лице отпечаток уверенности и собственной значимости, присущий обычно тем, кто непосредственно выполняет распоряжения высшей власти. Двое охранников, пыхтя, вынесли из комнаты багаж Зорро Хуареса. Изгнанный в подвал ковбой, уныло повесив голову,

поплелся за ними.

Освободившийся майор ринулся на подмогу начальству.

— Синьор Хорстен! — с упреком обратился он к доктору. — Его высокопревосходительство и так уже соблаговолил...

Когда рядом горько плачет от обиды маленькая девочка, может дрогнуть даже каменное сердце. Встречаются, конечно, люди совсем бессердечные — политики, например, но и среди них бывают исключения. Вот и его высокопревосходительство отчего-то вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Поставив рюмку с драгоценным ликером на коктейльный столик, он решительно поднялся с дивана.

— Одну минуту, *maggiore*, — поднял руку Первый Синьор. — Маленькая *principessa* — наша дорогая гостья. Ее уважаемый отец великодушно позволил ей расположиться в самой большой спальне. Полагаю, мы тоже можем себе позволить проявить великодушие. Пусть остается. Я займу другую. Кстати, кто такая Гертруда? Няня?

— И вовсе даже не няня! — шумно запротестовала Элен; добившись своего, она тут же перестала плакать и пришла в отличное расположение духа. — Гертруда — это мальчик. И еще ангелист.

— Ангелист? — в недоумении повторил его высокопревосходительство. По его растерянной физиономии было видно, что он не только ошарашен происходящим, но и с каждой минутой все сильнее запутывается в этой анекдотической ситуации.

— Гертруда — это ее кукла, — поспешно подсказал Верона. — Вероятно, девочка несколько раз слышала от взрослых, что так называют себя подрывные элементы, вот и напридумывала всякую ерунду. Она... она не понимает, что говорит.

— Ха! — недовольно буркнула Элен.

Двое адъютантов с двух сторон приблизились к Первому Синьору с какими-то срочными донесениями.

Наконец-то рядом с ним появился кто-то, на кого можно было безнаказанно рывкнуть и даже наорать.

Что правитель и сделал: сначала рывкнул. Потом начал орать. Адъютантов как ветром сдуло.

Отведя душу, он немного повеселел и сразу вспомнил о своем любимом зеленоватом шартрезе. Взял рюмку со столика и плавным движением понес к губам. Да так и не донес, ошеломленно уставившись на нее — она была пуста. По выражению лица Первого Синьора нетрудно было догадаться, что он не помнит, выпил ли ликер или не делал этого. Взгляд его на миг задержался на Элен, находившейся ближе всех к коктейльному столику, но мелькнувшее в голове подозрение показалось столь невероятным и кощунственным, что он его сразу отбросил.

Еще раз недоверчиво заглянув в таинственным образом опустевшую рюмку, его высокопревосходительство вновь подошел к бару. Он не сразу вспомнил, что спрятал заветную бутылку, а вспомнив, долго шарил по карманам, отыскивая ключ. Достав бутылку, он уже приготовился наполнить рюмку, но почему-то вдруг передумал, отставил ее в сторону и потянулся за другой, более пригодной для водки.

Роберто Верона с изумлением наблюдал за странным поведением Первого Синьора. Никогда прежде ему не случалось видеть его в таком состоянии. Но у начальства свои причуды, и майор, недоуменно покачав головой, счел за благо вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей.

Суматоха, вызванная вселением в гостиницу почетного гостя, понемногу улеглась. Расторопные холуи закончили обустройство его предвыборного штаба и больше не докучали своей беготней. Джерри Родс все это время так и просидел на диване, развалившись в свободной позе и лениво наблюдая за происходящим.

— А что это за штука такая — псевдовыборы? — неожиданно спросил он, повернув голову в сторону его высокопревосходительства.

Первый Синьор успел к этому моменту частично восстановить пошатнувшееся

душевное равновесие. Заняв прежнее место на другом конце дивана и крепко зажав в кулаке новый сосуд с бесценным ликером, он вдруг заметил мыкающих на заднем плане майора Верону и еще нескольких военных высокого ранга.

— Убирайтесь! — рявкнул его высокопревосходительство, частично оправдав ожидания господ офицеров. — Все, все убирайтесь! Я ужасно устал и не хочу больше никого видеть.

— Несомненно, это переезд сюда так утомил ваше... — льстиво начал Верона.

— Несомненно, — буркнул правитель. — А теперь оставьте меня. Я хочу... хочу немного расслабиться в беседе с нашими... нашими друзьями с других миров. Все что угодно, лишь бы не... — Он оборвал фразу на середине и гневно зарычал: — Все вон, я сказал!

Господа офицеры стремительно ретировались.

Глава государства устало откинулся на спинку дивана и смежил веки.

— Старею я, что ли? — пробормотал он сквозь зубы, но достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Что-то скрипнуло. Первый Синьор очнулся, открыл глаза, выпрямил спину и ожил.

— Кто-то, кажется, задал мне вопрос? — произнес он, выжидательно глядя на Джерри.

— Как тебя звать по-настоящему? — моментально отреагировала Элен.

Всем на мгновение почудилось, что его превосходительство сейчас опять закроет глаза и впадет в летаргический сон. Но тот мужественно справился с искушением и даже попытался изобразить на лице восхищение столь непоколебимой настойчивостью восьмилетнего ребенка. Получилось не совсем удачно, но тут уж ничего не поделаешь.

— Меня зовут Антонио Чезаре Бартоломео д'Аррецо, маленькая principessa.

— Слишком длинно, — объявила Элен после короткого раздумья.

Антонио Чезаре Бартоломео д'Аррецо заставил себя еще раз улыбнуться девочке доброй, снисходительной улыбкой и без промедления повернулся к Джерри:

— Вы, помнится, интересовались псевдовыборами, синьор Родс?

Дорн Хорстен добродушно прогудел из своего кресла:

— Я тоже с удовольствием послушаю, если вы не против. Вообще-то политические страсти не моя, как говорится, сфера, но термин меня заинтриговал.

— Вы хотите сказать, что система псевдовыборов еще не получила широкого распространения на других планетах Содружества? — удивился Первый Синьор.

— М-да, приблизительно это я и имел в виду, — дипломатично уклонился от прямого ответа ученый.

Родс между тем встал и направился к бару. Взял бокал и...

Первый Синьор с величайшим трудом усидел на месте. Глаза его неотрывно следили за каждым движением молодого человека, но мелькнувший в них проблеск надежды очень скоро сменился беспросветной горечью невосполнимой утраты. Среди десятков бутылок разнообразных форм и расцветок рука Джерри безошибочно выбрала ту единственную, которую он сам так неосмотрительно забыл убрать и запереть в нижнее отделение. Да еще и бокал этот невежа выбрал, как назло, самый большой — коктейльный!

Родс, даже не подозревая, какую бурю эмоций вызвал его невинный поступок, вернулся на место, с удовольствием сделал глоток из более чем наполовину заполненного бокала и приготовился слушать. Правитель изобразил на потускневшей физиономии жалкое подобие улыбки и заговорил:

— Признаться, меня удивляет ваша неосведомленность, синьоры, поскольку псевдовыборы в основе своей восходят едва ли не к античным временам.

После такого вступления уши наострили все. Даже Элен.

А господин д'Аррецо, оседлав, видимо, любимого конька, с каждой минутой становился все более экспансивным и красноречивым:

— Первые достоверные сведения о псевдовыборах относятся к двадцатому столетию. Случались, конечно, прецеденты и в предыдущие эпохи, но история Третьего рейха —

наиболее наглядный, с моей точки зрения, пример. Если кто подзабыл школьный курс, напомню, что Адольф не сумел набрать на выборах решающего числа голосов — к вящему удивлению тайно поддерживавших его монополистов вроде Круппа и Тиссена. В результате президенту Гинденбургу, формально представлявшему оппозицию, пришлось назначить Гитлера канцлером. Придя к власти, фюрер разогнал все прочие политические партии и в дальнейшем набирал на выборах порядка девяноста пяти процентов голосов избирателей. Но еще более наглядное представление о псевдовыборах дает избирательная система в Советской России.

— Вы имеете в виду Союз Советских Социалистических Республик? — уточнил доктор.

— Совершенно верно, синьор Хорстен, — поощрительно улыбнулся его высокопревосходительство. — Замечательное название, вы не находите? У того, кто его придумал, наверняка было богатое воображение. Тамошние лидеры провозгласили в своем государстве диктатуру пролетариата. Кому собирался диктовать пролетариат — не совсем ясно, поскольку все прочие классы успешно ликвидировали вместе с монархией. Не мудрствуя лукаво, так называемые «пролетарские» вожди решили, что избирателям за глаза достаточно одной партии. Очень разумное решение, начисто исключающее разброд, шатания и сомнения среди электората. В последующие годы правящая партия неизменно получала на выборах практически стопроцентный результат.

— Так вы что же, проводите у себя выборы по нацистским и коммунистическим методам? — недоверчиво спросил Джерри.

— Что вы, что вы, синьор Родс! — возразил д'Арреццо; он поднес рюмку ко рту, но ораторский пыл взял верх, и он поставил ее обратно на коктейльный столик, так и не пригубив. — В основу избирательных законов Фьоренцы легли традиции таких великих демократических государств, как Великобритания и Соединенные Штаты. Приблизительно того же, кстати, исторического периода. Население этих стран обладало всеми мыслимыми и немыслимыми демократическими свободами, что отнюдь не мешало правящим партиям набирать порядка девяноста семи процентов голосов на каждом выборах.

Такого поворота никто не ожидал. Как самый старший и дипломатично настроенный, высказать вслух сомнения взялся доктор Хорстен:

— Прошу прощения, ваше высокопревосходительство, но я смутно припоминаю, что в упомянутых вами странах вроде бы существовало более одной политической партии.

— Это иллюзия, синьор, — усмехнулся д'Арреццо. — Иллюзия, мираж, оптический обман, ловкость рук, втирание очков — да вы и сами легко сможете подобрать подходящее определение. В Великобритании второй половины двадцатого века правила консервативная лейбористская партия, а в Соединенных Штатах — республиканско-демократическая, хотя в обоих случаях сохранялась иллюзия разделения на две партии. В реальности и та и другая выступали за одни и те же идеалы, проповедовали одни и те же принципы и преследовали одни и те же цели. Что касается электората, то ему позволяли э-э... немного развлечься, периодически заменяя представителей одного крыла во властных структурах на представителей другого. Разумеется, общая картина от этого не менялась. Только не поймите меня превратно, синьоры. Время от времени в выборах принимали участие так называемые «независимые» кандидаты. Иногда они их даже выигрывали. Но в целом избирательные законы надежно перекрывали доступ к власти мелким партиям — почти так же надежно, как штурмовые отряды во времена Третьего рейха. Существовала, правда, еще одна лазейка. Избиратель имел право вписать в бюллетень своего кандидата, если его не устраивали официально выдвинутые. Как правило, такие бюллетени при подсчете голосов не учитывались, а если и учитывались, то составляли очень небольшой процент. История сохранила два наиболее часто повторяющихся имени: Пого и Дональд Дак. К сожалению, мы почти ничего не знаем об этих политических фигурах. Несколько реже вписанными

кандидатами оказывались Твигги и Бэтмен ², хотя об их политической платформе также ничего не известно. Но Пого и Дональд Дак принимали участие во многих выборах, из чего можно сделать вывод, что оба занимались политической деятельностью вплоть до преклонных лет. Аналогичный случай мы имеем в лице перешагнувшего столетний рубеж Нормана Томаса, которого я до сих пор подозреваю в стремлении прибавить к названию «республиканско-демократическое» словечко «социалистическая». Не случайно же он открыто жаловался, что Рузвельт якобы передрал у него всю свою предвыборную программу.

— Боюсь, мои познания в политической истории не так обширны, — признался Хорстен. — Но вашей эрудиции можно только позавидовать. Откуда такая осведомленность, если не секрет?

Явно польщенный, Первый Синьор скромно пожал плечами:

— Родовые традиции, знаете ли. Мы все — я имею в виду представителей семейств, давно занимающихся политической деятельностью, — очень рано начинаем свою профессиональную подготовку.

Он взял со столика рюмку. Удивленно досмотрел на нее. Нахмурил лоб. Задумался. Прищурился и еще раз посмотрел, фиксируя уровень жидкости. Обреченно махнул рукой и сделал маленький глоток. Поставил рюмку обратно, но уже значительно ближе к себе.

— Вы так и не закончили рассказывать нам о псевдовыборах, ваше высокопревосходительство, — вежливо напомнил доктор.

— Надеюсь, я убедил вас, что на Фьоренце они проводятся в лучших демократических традициях?

— Но это ведь не настоящие выборы, не так ли? — спросил Джерри.

— Самые что ни на есть настоящие, уверяю вас, синьор Родс. Мы проводим их каждые пять лет. Это национальный праздник. Очень популярный в народе, кстати. Все граждане, имеющие право голоса, обязаны по закону принять в них участие. За уклонение от голосования предусмотрена уголовная ответственность. Но все обставлено на должном уровне: кабинки, тайные бюллетени и все такое. Разумеется, мы делаем вид, что не знаем, кто именно вписывает в них Пого и...

— Пого?! — вырвалось у Элен.

Первый Синьор бросил на девочку удивленный взгляд, но от комментариев воздержался и продолжил свой рассказ.

— Вот именно. Как ни странно, это имя дошло до нас из глубины веков, превратившись, я полагаю, в некий абстрактный символ протеста. Как я уже упоминал, граждане Фьоренцы обязаны голосовать. Вот некоторые из них и выражают таким способом свое отрицательное отношение к партийному кандидату.

— Партийному кандидату? — повторил Хорстен. — Выходит, кандидат все-таки один?

— Безусловно! В прошлом на Фьоренце существовало целых четыре политических партии, у каждой из которых имелась собственная политическая платформа, существенно отличающаяся от других. Такое положение создавало определенные неудобства в сфере управления и не совсем отвечало принципам нашего общественно-экономического строя. Произошло слияние, и из четырех партий образовалось две: либеральные консерваторы и радикалы Святого Храма.

— Они и сейчас существуют? — любопытствовал Джерри.

— Сейчас уже нет. Перед лицом энгелистской угрозы все патриотические силы в государстве вынуждены были тесно сплотить ряды и выступить единым фронтом. Обе партии объединились и образовали единую макиавеллистскую партию.

— Макиавеллистскую партию?! — сорвалось с языка у Элен, прежде чем она

² Пого, Дональд Дак, Твигги и Бэтмен — популярные персонажи американских комиксов и мультфильмов. — Примеч. А. Дубова.

вспомнила о своем статусе.

— Да, маленькая *principessa*, — лучезарно улыбнулся ей Первый Синьор. — Она названа так в честь одного политического деятеля античных времен, сведений о жизни и деятельности которого почти не сохранилось. Мы знаем лишь, что он был одним из правителей древней Фьоренцы, или Флоренции, как ее было принято называть на англо-американском языке, а позднее — на всеобщем стандартном.

Элен принялась нашептывать что-то на ухо Гертруде, а Джерри, чтобы отвлечь от нее внимание, задал вопрос:

— Могу я узнать, какой процент голосов получают на выборах энгелисты?

Его высокопревосходительство изменился в лице, как будто услышал непристойную шутку:

— Мы еще Не сошли с ума, синьор Родс, чтобы включать подрывные элементы в списки для голосования!

— Да-да, конечно, я просто неудачно выразился, — спохватился Джерри. — Вот теперь мне все стало ясно. Всеобщие псевдовыборы. Все кандидаты от одной макиавеллистской партии. Тайное голосование. Если кто-то в знак протеста вписывает кандидатуру Пого или любимой тещи, вы делаете вид, что это нигде не регистрируется.

— Совершенно верно, — подтвердил д'Аррецо, очень довольный, что его наконец-то правильно поняли. — Как заметил однажды Седьмой Синьор, возглавляющий фьорентийское Бюро расследований, каждый, кто голосует за Пого сегодня, может пополнить ряды диссидентов завтра.

Дорн Хорстен решил, что наступил подходящий момент, чтобы выяснить кое-какие подробности:

— Прошу прощения вашего высокопревосходительства за наше невежество, но а Содружестве Соединенных Планет столько различных общественно-экономических систем, такое разнообразие политических форм, что за всем просто невозможно уследить. Если я правильно понял, исполнительную власть на Фьоренце осуществляет Первый Синьор, стоящий во главе кабинета из девяти министров?

— Абсолютно точно. Второй Синьор возглавляет Министерство государственной безопасности; Третий — антиподрывной деятельности; Четвертый — контрразведки; Пятый Синьор руководит АРАД — Агентством по расследованию антиправительственной деятельности; Шестой контролирует Центральное управление разведки; Седьмой — директор Фьорентийского Бюро расследований; Восьмой — комиссар Национальной полиции; Девятый Синьор управляет Военным департаментом и, наконец, Десятый имеет полномочия министра иностранных дел, юстиции, финансов, сельского хозяйства, торговли, здравоохранения и образования.

Воспользовавшись возникшей паузой, пока остальные переваривали полученную информацию, правитель потянулся за рюмкой.

— Тони! — громко позвала Элен, капризно выпятив розовые губки.

— Что?! — чуть не поперхнулся его высокопревосходительство, явно не привыкший к столь фамильярному обращению.

— Почему у тебя такое длинное имя?

— Скажите, этот ваш Десятый Синьор, — поспешно вмешался Джерри, — он в кабинете, получается, вроде как мальчик на побегушках, нет?

Д'Аррецо энергично кивнул в знак того, что понял вопрос:

— В какой-то степени, возможно, вы правы, синьор Родс, но Микеле, поверьте, столь же необходим для нормального функционирования правительственного аппарата, как и любой из его старших по положению коллег. Пользуясь случаем, хочу также заверить вас, что на Фьоренце все спокойно, и вашим инвестициям, а также инвестициям других каталинских предпринимателей решительно ничего не угрожает. Кстати говоря, могу я узнать, в какой форме вы держите те излишки свободного капитала, которые планируете вложить в наиболее перспективные отрасли нашей экономики?

Задав свой вопрос, Первый Синьор встал, прошелся по комнате, как бы случайно остановился у бара и запер на ключ свою драгоценную бутылку.

— В какой форме? — повторил застигнутый врасплох Джерри. — В самой ликвидной, разумеется.

Ответ, очевидно, пришелся не совсем по вкусу его высокопревосходительству. Он вопросительно посмотрел на Родса.

— Вообще-то этим больше занималась моя матушка, — вывернулся тот. — Она всегда мне говорила, что капитал нужно держать под рукой — на тот случай, если вдруг подвернется благоприятная возможность.

— О, на Фьоренце для ваших денег масса самых благоприятных возможностей, уверяю вас. И все-таки, в какой форме вы их держите? Ясно, конечно, что не во фьорентийских лирах, — усмехнулся д'Аррецо, — хотя это единственная валюта, имеющая хождение на нашей планете.

Джерри давно исчерпал скудный запас своих познаний в финансовой области. Пауза затягивалась, но на помощь ему, как всегда, пришло знаменитое «везение Родса». Дверь в гостиную неожиданно распахнулась, и на пороге появился, бряцая медалями, начальник охраны его высокопревосходительства. За его спиной толпилось еще несколько человек, чем-то чрезвычайно возбужденных.

— Что это значит? — грозно спросил правитель, направляясь к дверям. — Я же приказал, чтобы меня не беспокоили!

Элен, облегченно вздохнув, моментально завладела оставленной на столике рюмкой и незаметно отпила глоток бесценного напитка. Не обращая внимания на неодобрительный взгляд Хорстена, она поставила рюмку на место и с презрением посмотрела на Джерри.

— Женева, придурок! — прошептала она. — Скажешь ему, что деньги в жевевских банках, понял?

Заполнившие прихожую телохранители вытолкнули вперед какого-то человека. Их шеф поклонился и извиняющимся тоном сказал:

— Прошу прощения за беспокойство, ваше высокопревосходительство, но мы только что задержали этого синьора при попытке проникнуть в ваши апартаменты. Учитывая его личность...

— Ха! Да это же Великий Маркони приперся! — воскликнула Элен.

10

Маэстро передернуло, но он все же приветствовал девочку изящным поклоном, предварительно отшвырнув в стороны держащих его за руки двух дюжих охранников.

— Он самый, синьорина, — произнес Маркони, проходя вперед.

Пронзительный взгляд его горящих глаз скользнул по присутствующим и скрестился со взглядом Первого Синьора, на физиономии которого почему-то не отразилось никакой радости по этому поводу. Незаметно усмехнувшись, гость церемонно поклонился:

— Ах, мой дорогой кузен Антонио! Надеюсь, ты не обидишься, если я воздержусь от родственных объятий? В последнем поединке пропустил укол, так что рука до сих пор не сгибается.

— Располагайся, Чезаре, раз уж пришел, — хмуро кивнул д'Аррецо и махнул рукой телохранителям. — Оставьте нас!

Начальник охраны на секунду задержался в дверях, хотел что-то сказать, но поймал яростный взгляд Первого Синьора, испуганно пробормотал: «Слушаюсь!» — и пулей выскочил в прихожую.

Его высокопревосходительство вопросительно посмотрел на Маркони. Тот ухмыльнулся:

— Прости, Антонио, но никто не застрахован от случайных встреч, пусть даже мы с тобой находимся — временно, надеюсь, — на разных ступенях социальной лестницы. Тем

более ты сам виноват, что решился променять свежий воздух родового поместья на грязную столичную атмосферу.

— При чем тут случайные встречи? — возмутился высокопоставленный кузен. — Ты же дал клятву, что не станешь докучать мне своим присутствием, пока я исполняю обязанности главы государства! А сам... Зачем ты сюда явился?

— Поверь, Антонио, я искал вовсе не тебя и даже понятия не имел о том, что ты здесь. Еще сегодня утром я слышал по радио и три-ди-видению, что ты якобы решил вести предвыборную кампанию только в эфире, укрывшись за крепкими стенами замка д'Арреццо.

— Укрывшись за стенами? — побагровел Первый Синьор. — Ты сомневаешься в моей храбрости, Чезаре?! Да я... — Он умолк на полуслове и озабоченно нахмурился: — Постой, ты сказал, что искал не меня...

— Ты слишком тщеславен, — усмехнулся Великий Маркони. — А у меня, помимо родственников, есть и другие знакомые. — Он повернулся к Джерри, замороженно наблюдающему за пикировкой братьев, и приветливо кивнул. — Какая жалость, синьор... э-э... Великий Родс, что мы с вами так скоропалительно расстались в том кафе!

Джерри недоверчиво фыркнул.

— Но я, как видите, — продолжал ничуть не обескураженный фьорентиец, — явился сам, дабы закончить дискуссию, к теме которой вы проявили столь повышенный интерес.

— Ой! — пискнула Элен, бросив опасливый взгляд на его высокопревосходительство.

— Кха-гм... — промычал доктор Хорстен, делая шаг вперед.

Но Первый Синьор пренебрежительно махнул рукой и насмешливо произнес:

— Ничуть не сомневаюсь, что мой дорогой кузен Чезаре представился вам ангелистом, не так ли, синьор Родс? Уверю вас, он столько же смыслит в ангелизме, сколько я — в археологии планет системы Денеба!

Маркони, направляясь в сторону бара, повернул голову и бросил через плечо:

— Знаешь, Антонио, не будь у тебя иммунитета, гарантированного высоким постом, я бы тебя обязательно вызвал и хорошенько проучил.

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно повернулся к кузену спиной, остановился перед стойкой и окинул критическим взором коллекцию напитков.

— В любое время... — начал Первый Синьор, раздуваясь от ярости и ущемленного самолюбия.

Чезаре резко обернулся. Шутовская маска безобидного фигляра мигом слетела с его лица.

— Вы собирались что-то сказать, дорогой кузен? — вкрадчиво осведомился он.

Его высокопревосходительство побледнел и сразу сбавил тон:

— Я всего лишь хотел добавить, что ты изображаешь из себя ангелиста с единственной целью: досадить мне. На самом же деле ты ничего не знаешь о подрывных элементах и их организации и никак с ними не связан. И только поэтому, кстати, мы так терпеливо сносим твои дурацкие выходки, наносящие ущерб не только твоей репутации, но и престижу всего нашего семейства!

Но Маркони его уже не слушал. Он вернулся к бару и снова принялся разглядывать бутылки, не стесняясь в комментариях:

— Где же шартрез? — разочарованно пробормотал он. — Ты опять его спрятал под замок, Антонио? Как был ты в детстве скупердеем, так им и остался! Даже открытый цивилизный лист тебя не изменил. Что такое виски, кто знает? — спросил он, прочитав надпись на одной из этикеток.

— Крепкий напиток земного происхождения, — ответил Хорстен. — Производится путем перегонки зерновых культур. Не содержит других депрессантов, кроме алкоголя.

— Ладно, попробуем, — кивнул Чезаре, наливая половину рюмки.

— Виски обычно пьют слегка разбавленным, — предупредил ученый.

— Но тогда и букет теряется, — возразил фьорентиец.

— Верно. И все-таки...

Не слушая доброго совета, Маркони отхлебнул глоток, поморщился, но ударить в грязь лицом перед чужаками не пожелал и пристроился в ближайшем кресле, прихватив виски с собой.

— Ты намеренно вводишь в заблуждение наших гостей, Антонио, — начал он, обращаясь к Первому Синьору. — Я прекрасно разбираюсь не только в энгелизме, но и осведомлен также об источниках его происхождения, причинах возникновения и конечных целях. Но сам я принадлежу к крайне малочисленной фракции, отколовшейся, можно сказать, от основного движения. Повсюду трубят, что энгелисты стремятся свергнуть существующий общественно-экономический строй насильственным способом. Моя фракция решительно отвергает подобные методы и рассчитывает изменить режим цивилизованным путем — добившись победы на выборах. Что вполне законно и нисколько не противоречит Конституции Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы.

— Тебе отлично известно, что действие Конституции временно приостановлено! — вскричал, кипя от негодования, его высокопревосходительство. — До тех пор, пока все подрывные элементы не будут взяты под должный контроль, мы вынуждены скрепя сердце жертвовать некоторыми гражданскими правами и политическими свободами. — Он повернулся к доктору: — Не слушайте его, синьор Хорстен. Мой кузен несет полную чушь. Его так называемая фракция, собирающаяся победить на выборах, нигде не зарегистрирована и не внесена в избирательные списки!

— Не по моей вине, заметьте, синьор, — лениво добавил Маркони, отпив виски. — Проклятье! Эта штука будет, пожалуй, покрепче траппы! — скривился он и укоризненно посмотрел на кузена: — Но ты напрасно думаешь, Антонио, что твоя однопартийная система будет существовать вечно. И махинации с выборами тоже до добра не доведут. Как нельзя изменить погоду, манипулируя термометром, так нельзя предотвратить революцию, игнорируя мнение большинства населения.

— Энгелисты, по-твоему, большинство? — рассмеялся Первый Синьор.

— Пока нет, пока нет, но обязательно будут!

Неизвестно откуда послышалось негромкое жужжание. Д'Арреццо вскинул голову и сердито буркнул в пространство:

— В чем дело?

Дверь в прихожую отворилась, пропустив одного из охранников.

— Начинается заседание кабинета, ваше высокопревосходительство, — почтительно напомнил он.

— Да-да, конечно, иду, — заторопился правитель. Он задержался на мгновение, нерешительно переводя взгляд с кузена на остальных присутствующих, затем, приняв, очевидно, решение, обратился к доктору Хорстену: — Не стоит принимать Чезаре всерьез, синьор. В нашей семье у него с детства репутация... шутника. Имейте это в виду. — Он круто повернулся и, не прощаясь, поспешил к выходу.

— Тони говорит, что ты врун и балаболка, мистер Великий Маркони, — по-своему интерпретировала последние слова д'Арреццо Элен.

— Я давно уже отвечаю ему полной взаимностью, синьорина, — засмеялся, ничуть не обидевшись, фьорентиец. Легко поднявшись с кресла, он прошел к бару и присел на корточки. — Точно запер, жадина! — проворчал он, подергав нижнюю дверцу.

Хорстен подошел к Элен и с подозрением принялся.

— Тебе плохо не будет? — озабоченно прошептал он.

— С этой сладенькой водички? Не пори ерунду! — фыркнула она.

Через оставленную открытой Первым Синьором дверь в гостиную вошли двое. Первым — Зорро Хуарес в крайне расстроенных чувствах, за ним по пятам — майор Верона. Последний, заметив Чезаре, остановился как вкопанный.

Маркони оглянулся.

— Проваливай отсюда, Роберто, — посоветовал он дружеским тоном. — Я как раз собираюсь совершить небольшую кражу со взломом личной собственности моего скаредного

кузена, и твое присутствие действует мне на нервы.

Майор дрогнул, но не отступил.

— Не уберешься по-хорошему, — пригрозил Маркони, — попрошу свою мамочку, чтобы она поведала твоей мамочке, что ты якшаешься с ангелистами. Чуешь, чем это пахнет для твоей карьеры, Роберто?

— С какими ангелистами? — растерялся Верона. — Кроме того, я не верю, чтобы кто-нибудь из семейства Маркони, даже ты, опустился до откровенной лжи!

— Никакой лжи нет! — отрезал Чезаре. — А я, по-твоему, кто? Ты же не сможешь отрицать, что разговаривал со мной — признанным и всем известным ангелистом!

Майор возмущенно надулся, но явно заколебался.

— Хочешь, я постою на стреме, дяденька Великий Маркони? — предложила Элен, глядя на него влюбленными глазами. — Мы с Гертрудой не позволим этому противному майору тебя обижать!

Верона принял единственно возможное решение. Он поклонился, пробормотал: «Синьоры, синьорина!» — и торопливо ретировался. Чезаре посмотрел ему вслед и презрительно ухмыльнулся.

— Как устроился в бывшей дворницкой? — с невинным видом спросил у Зорро Джерри.

— Заткнулся бы лучше! — обозлился Хуарес — Тебе-то повезло, ты здесь остался. А я в подвале должен торчать!

— А мне всегда везет, — безмятежно отозвался Родс — А скоро, я чувствую, повезет еще больше. У меня такое ощущение, что Первый Синьор собирается попытаться впарить мне местный эквивалент Бруклинского моста.

Заметив, что фьорентиец прислушивается к диалогу, Хорстен поспешно подошел к бару, загородив своей массивной фигурой неосторожных коллег.

— Прошу прощения, синьор... э-э... Маркони, но нас не успели представить...

Джерри услышал и счел своим долгом исправить упущение:

— Это тот самый синьор, о котором я вам рассказывал. Мы повстречались с ним в кафе «Флорида».

— Благодарю, я уже догадался, — кивнул ученый. — Меня зовут Дорн Хорстен, а это гражданин Зорро Хуарес. Могу я спросить, почему майор Верона не вызвал вас на поединок? Насколько я могу судить, на вашей планете для дуэли достаточно малейшего повода.

— Попробовал бы он! — усмехнулся Маркони. — Роберто — ушлый малый, и ему совсем не улыбается прикончить на дуэли близкого родственника Первого Синьора. — Он со вздохом прекратил безуспешные попытки проникнуть в запертое отделение и вернулся в кресло допивать виски.

— По правде говоря, — продолжал Хорстен, — я был несколько удивлен тем, что сам правитель тоже не рискнул бросить вам вызов.

— Видите ли, доктор Хорстен... Между прочим, я видел вас по три-ди-визору. Сегодня днем транслировалась ваша встреча с академиком Удине в университете. Но я отвлекся. Помните, как исторические три-ди-фильмы о Диком Западе почти всегда заканчиваются финалом, в котором два самых крутых стрелка выясняют отношения на улице перед салуном? Так вот, в реальной жизни такого никогда не происходило. Почитайте при случае воспоминания очевидцев и убедитесь сами. Весьма поучительно. Дело в том, что все эти прославленные герои, вроде Билли Кида или Уайета Эрпа, на самом деле очень дорожили своей профессиональной репутацией и потому старались изо всех сил не наступать на мозоли друг другу. Куда проще перестрелять полдюжины безоружных мексиканцев в каком-нибудь коррале и объявить их бандитами и угонщиками скота. Тем более если ты шериф. Никто и не усомнится в твоих словах. Или вообще стреляй из засады да делай себе зарубки на стволе — как некоторые из наших фьорентийских малолеток развлекаются.

— Послушайте, — прервал его Зорро, нетерпеливо постукивая транкой по раскрытой ладони, — это правда, что вы ангелист? В этом свихнувшемся мире только о них и слышишь

со всех сторон, но увидеть хотя бы одного живьем никак не получается.

— Перед вами исключение, подтверждающее правило, — улыбнулся Маркони. — В моем лице вы имеете дело с самым настоящим энгелистом, синьор Хуарес.

— Неужели вы всерьез рассчитываете свергнуть правящий режим, при котором половина населения занимается вынюхиванием подрывных элементов, а восемь из девяти министров в кабинете вашего кузена возглавляют чисто силовые ведомства? — с горечью спросил Джерри. — Какие у вас шансы, если за попытку взять в библиотеке книгу об энгелизме сажают в тюрьму, а вместо ответа на вопрос, что это такое, сразу зовут полицию?

Слова Джерри, видимо, задели Великого Маркони за живое. Физиономия его помрачнела и утратила обычную живость.

— Советую вам, синьор Родс, — вновь заговорил он после паузы, — не придавать слишком большого значения естественному стремлению правящей клики сохранить свое господствующее положение. Это все до поры. Любая социальная революция вызывает основательное изменение условий, которое я сравнил бы с появлением цыпленка из яйца. Предположим, существуют некие элементы, которым выгодно, чтобы яйцо оставалось яйцом. Они могут разрисовать скорлупу крестами, ангелами и херувимами. Либо раскрасить ее в красно-сине-белые и всякие прочие патриотические цвета. Или расписать речами и лозунгами, придуманными лучшими спичрайтерами и рекламщиками. Но рано или поздно цыпленок все равно вылупится.

— Лихо, — одобрила Элен.

Маркони внимательно посмотрел на девочку, прежде чем продолжить свою речь:

— То же самое можно сказать о социальных переменах в обществе. Я не говорю о вульгарных военных путчах или дворцовых переворотах, предпринимаемых одной группой оппортунистов с целью оттеснить от кормушки другую, при сохранении базисных институтов власти. Но если перемены действительно назрели, сопротивляться им бесполезно. Можно вкладывать огромные суммы в систему образования, чтобы все, от учительницы начальных классов до профессора, внушали юному поколению, что бунтовать нельзя. Можно покупать проповедников, чтобы те предавали вольнодумцев анафеме в своих церквах, синагогах, мечетях или языческих храмах. Лучшие умы планеты могут сколько угодно доказывать в своих трудах неоспоримые преимущества существующего строя. Но когда камень покатится с горы, лучше не стоять на его пути.

— А что тогда будет, мистер Великий Мартини? — звонко прозвучал в тишине голосок Элен.

— Маркони!

— Что будет, если маленький цыпленок не сможет разбить скорлупу, мистер Великий Маркони? — настаивала Элен.

— Если цыпленок не сможет разбить скорлупу, когда придет срок, он умрет, синьорина.

— А как эта аналогия вписывается в вашу теорию? — полюбопытствовал Джерри.

— Очень просто. Если революция должна произойти, но не происходит, неизбежно наступает реакция — как правило, кровавая, синьор Родс.

Чезаре подчеркнуто медленно встал, окинул взглядом собравшихся и сказал:

— Прошу прощения, синьоры, но мы уже, по-моему, достаточно поговорили.

В руке у него внезапно появился маленький черный бластер. Поводя из стороны в сторону дулом излучателя, фьорентиец вполне профессионально держал под прицелом всех четверых.

— А теперь, синьоры, я намерен самым тщательным образом обследовать ваш багаж, — злорадно ухмыляясь, сообщил Маркони. — С вашего позволения, разумеется.

— Нет, Зорро! — крикнул доктор Хорстен, но было уже поздно.

Из транки вылетел длинный, узкий язык гибкого, сверхпрочного пластика. Кончик хлыста с кажущейся медлительностью скользнул к оружию и обвился вокруг ствола. Короткий рывок — и бластер перекочевал в руку Хуареса. Весь процесс занял долю секунды.

и отнял не больше времени, чем понадобилось Маркони, чтобы извлечь свою опасную игрушку. Зорро подкинул бластер на ладони и торжествующе посмотрел на обезоруженного противника.

Но тот отреагировал довольно странно. Он снисходительно улыбнулся, демонстративно засунул руки в карманы и удовлетворенно кивнул.

— Примерно этого я и ожидал, синьоры, — сказал Чезаре, переводя взгляд с Зорро сначала на Хорстена, потом на Джерри. — Я не знал, правда, кто конкретно из вас не устоит перед моим маленьким трюком, но это уже не имеет значения. Я предполагал, что вы далеко не так просты, как кажется с первого взгляда, и ваша нестандартная реакция на угрозу это полностью подтвердила. — Он задумчиво посмотрел на Элен: — Вот только никак не пойму, при чем здесь маленькая синьорина?

Элен высунула язык и скорчила рожу.

Маркони развернулся и направился к двери.

— Стой! — рявкнул Зорро, вскидывая бластер.

— Зачем? — удивленно спросил фьорентиец, оглянувшись через плечо. — Я выяснил все, что хотел, а теперь собираюсь хорошенько поразмыслить на досуге. — Он с презрением покосился на бластер. — Уберите. Вы же все равно не рискнете здесь стрелять!

— Вы не задержитесь на минутку, синьор? — обратился к Чезаре Хорстен, смерив уничтожающим взглядом сконфуженного Хуареса. — Я бы хотел задать вам еще парочку вопросов. Кстати, откуда у вас оружие?

— Удивляетесь, как я сумел пронести его мимо охраны? — усмехнулся Маркони. — Не бойтесь, я ни с кем не в сговоре и ничего с собой не брал. А эту штучку достал из тайника в баре. Мой кузен до смерти боится наемных убийц, поэтому у него во всех углах такие захоронки. Впрочем, я его за это не осуждаю.

— Вы действительно энгелист?

По лицу Чезаре скользнула невеселая усмешка.

— Да, — сказал он после продолжительной паузы.

— А почему вы не сразу ответили?

Еще одна кривая ухмылка.

— Быть может, придет день, когда я вам расскажу, — туманно пообещал он.

— Скоп? — вопросительно взглянул на ученого Зорро.

— Тише!

Но фьорентиец все равно услышал.

— Так вы и впрямь не те, за кого себя выдаете! — констатировал Чезаре с издевкой. — А у вас, синьор, — он повернулся к Зорро, — кроме хлыстика с секретом, еще и «сыворотка правды» в запасе имеется? Очень, очень неосмотрительно!

— Последний вопрос, синьор Маркони, — насутился Хуарес — Что вам известно о Рассветных мирах?

На лице Хорстена застыло неодобрение. Джерри Родс широко раскрыл глаза. Но и Великого Маркони слова Зорро, похоже, удивили не меньше.

— Рассветные миры? Впервые слышу о них, синьор.

— Всего лишь группа недавно колонизированных планет, еще не вошедших в Содружество, — быстро сориентировался доктор.

Фьорентиец с недоумением взглянул на Хуареса, пожал плечами и направился к выходу. Никто больше не стал его останавливать.

Не успела дверь за ним закрыться, как Хорстен в гневе обрушился на Зорро:

— По-моему, вы окончательно рехнулись, коллега! Что за нелепые выходки? Почему вы не дали ему до конца разыграть партию? Зачем было торопиться? В конце концов, обезоружить его мог каждый из нас в любой момент!

— При удачном раскладе, — уточнил Джерри.

— Виноват, коллеги, — покаянно потупился Хуарес. — Просто я всегда нервничаю,

когда на меня наставляют ствол, вот и сорвался не подумав.

— Из человека с плохими нервами никогда не выйдет хорошего оперативника, — ехидно заметила Элен. — А теперь отвечай, дурья башка, какого хрена ты высунулся с идиотским вопросом о Рассветных мирах?!

— Неужели, черт побери, — вспыхнул Зорро, — ни один из вас в упор не видит, как вокруг Рассветных миров затевается что-то очень подозрительное? Знаете, о чем спрашивал один из тех накачанных парней, что сопровождали меня с вещичками в мою новую конуру размером два на четыре?

Агенты уставились на него.

— Этот охранник знал, что я с другой планеты, — продолжал Хуарес, — и спросил — просто так, из чистого любопытства, — что слышно в Содружестве о Рассветных мирах? Я ему ничего конкретного, естественно, не сказал, зато кое-что из него вытянул. Ходит слух, что некая группировка готовит команду для рейда на Рассветные миры. Но самое интересное то, что эта группировка никак не связана с официальными властями. Иначе говоря, просто шайка разбойников и пиратов!

— Что?! — побледнел Дорн Хорстен. — Не может быть!

— За что купил, за то и продаю, — огрызнулся Зорро. — Разве ж я не понимаю, чем это грозит? Потому и спросил вашего Маркони. А чего стесняться? Нас он все равно раскусил, а так могли бы узнать что-нибудь полезное.

— Логично, — нехотя признала Элен. — Что касается Маркони, то я не верю, что он провокатор. Конечно, если я ошибаюсь, мы по уши в дерьме, но не думаю, что он работает на полицию.

— А я не думаю, что он ангелист, — добавил Джерри.

— Это еще почему? — прищурилась Элен.

— Не могу толком объяснить. Какой-то свой интерес у него есть, конечно, но какой именно, ума не приложу. Судя по тому, что мы здесь видели и слышали, все ангелисты малость чокнутые. А синьор Великий Маркони отнюдь не производит впечатления чокнутого.

— Знаю я, какой у него интерес, — усмехнулся Хор-стен. — Он корчит из себя ангелиста, чтобы использовать подпольное движение в своих целях. Не забывайте, коллеги, что Чезаре принадлежит по происхождению к правящей элите Фьоренцы. Раньше его за какие-то прегрешения изгнали из привилегированного общества, а теперь он стремится в него вернуться.

— Не удивлюсь, если у него получится, — заметил Родс — По сравнению с Первым Синьором наш друг Маркони прямо-таки интеллектуальный гигант.

— Зато о тебе этого не скажешь, бестолочь! — накинулась на него Элен. — Для чего, ты думаешь, Дорн свой хронометр демонстрировал? Или ты не слышал, как я тебе шептала: «Женева! Женева!»?

Джерри непонимающе уставился на нее.

— Ну и дырявая же у тебя башка! — Она с отвращением сморщила нос — Забыл, как д'Аррецо тебя пытал насчет денег, которые ты якобы собрался вкладывать в местную индустрию? Что, вспомнил? А теперь я хочу, чтобы ты раз и навсегда усвоил, что такое Женева. Женева — это такая планета, на которой процветают всего две отрасли: межпланетное банковское дело и производство высокоточных наручных хронометров. И если у кого-то вдруг заводится свободный капитал в крупных размерах, держать его удобнее всего именно в жевевских банках.

— Понятно, — смиренно кивнул Родс — Я уже усвоил. Между прочим, коллеги, — внезапно оживился он, — разве это не доказывает, что мое прикрытие сработало? Первый Синьор не стал бы заводить со мной разговор о деньгах, не будь он уверен, что я упакован выше крыши.

— Когда прикрытием занимается Ирен Казански, — нравоучительно заметил доктор, — оно всегда срабатывает. Она наверняка скормила в компьютерную сеть

достаточно информации, чтобы представить ваше гипотетическое семейство одним из богатейших в Содружестве.

Джерри азартно потер руки.

— Вот здорово! Теперь бы еще придумать способ, как истратить хотя бы часть! Для поддержания имиджа, разумеется, — поспешно добавил он.

— Как насчет того, чтобы купить этот чертов отель и надстроить в нем еще один этаж? Я бы тогда хоть выспался в нормальной обстановке! — проворчал Зорро и обратился к Хорстену: — Как считаете, доктор, не следует ли нам связаться с Сидом Джейксом?

Элен изящно соскользнула с кресла на пол:

— Дай тебе волю, ты бы каждый час на связь выходил! А мы и так уже достаточно засветились.

— Но он обязательно должен узнать о новом повороте событий, связанных с Рассветными мирами, — возразил Хуарес — Возможно, у него тоже появились свежие данные, которые могут нам пригодиться.

— Наше задание ограничивается Фьоренцей, — напомнил Хорстен. — А обо всем прочем, включая Рассветные миры, пускай болит голова у Метаксы с Джейксом.

Элен присела на корточки подле бара и осмотрела замочную скважину в дверце нижнего отделения. Затем, довольно кивнув, вытянула из своей прически металлическую шпильку.

— Эй, ты что делаешь?! — возмутился ученый. Но она, не обращая на него внимания, уже успела

открыть замок. Дверца распахнулась.

— Целых три непочатых бутылки, как я и думала, — сообщила агент, заглянув внутрь. — Вот крохобор! — Элен сунула руку в шкафчик и вытащила запечатанную бутылку с любимым напитком Первого Синьора. — «Золотой шартрез», изготовлено на Бетельгейзе-3, — прочитала она вслух надпись на этикетке. — И чего он так над ним трясется? Неужели не может купить еще, имея в своем распоряжении казначейство целой планеты?

— Поставь-ка ликер лучше на место, — посоветовал доктор. — Между прочим, ты угадала: он действительно не может купить еще. Потому что негде взять. Я слышал эту историю. Когда была открыта Бетельгейзе-3, планету вначале сочли непригодной для колонизации. Но потом за нее взялись инженеры-терраформисты и ликвидировали все неблагоприятные факторы, однако естественный экологический баланс при этом нарушился. Первые колонисты обнаружили на планете ягоду, удивительно схожую с земной разновидностью рода *Vaccinium*, и стали делать из нее ликер. Так продолжалось около полувека, и за этот период напиток приобрел огромную популярность. Считается, что ему нет равных по изысканности букета и тонкости аромата. Но спустя пятьдесят лет природа отомстила за издевательство, и ягодные кустарники перестали плодоносить.

Элен недрогнувшей рукой свернула хрустальную пробку.

— Негде взять, говоришь? — задумчиво повторила она. — А что делать, если я к нему уже привыкла?

— Поставь на место, маленькая пьянчужка! — рассердился Хорстен. — И нечего привыкать, раз его больше не производят!

Призыв его пропал втуне. Элен поставила добычу на ковер, захлопнула дверцу и опять принялась ковырять шпилькой в замочной скважине, пока замок не защелкнулся. Потом поднялась с корточек, вытащила из бара самый большой фужер, налила себе солидную порцию шартреза и вернулась с ним в свое любимое кресло, оставив краденую бутылку на коктейльном столике.

— Ну что ж, коллеги, заседание продолжается, — весело объявила она, удобно устроившись на необъятном кресле. — Не стану напоминать, что до сего момента все мы вели себя как последние клоуны, скажу только, что пора наконец разработать план действий. — Элен подняла фужер и принялась: — Слушай, Дорн, а насчет аромата ты

прав — воняет исключительно!

11

Доктор Дорн Хорстен шествовал по тротуару с величавым достоинством императорского пингвина. За указательный палец его правой руки, толщиной и размерами напоминающий средней величины колбасу салями, держалась маленькая девочка в прелестном голубом платье. Ученый никуда не торопился, но ширина его шага была столь велика, что его миниатюрная спутница то и дело отставала. Чтобы приспособиться, она то начинала быстро-быстро семенить своими коротенькими ножками, то пускалась вприпрыжку. Свободной рукой малышка крепко прижимала к себе большую куклу, чьи растрепанные волосы и замызганное одеяние служили печальным напоминанием о том, что раньше Гертруде случалось знать лучшие дни. По отмеченному печатью мудрости высокому челу доктора нетрудно было догадаться, что ум его, свободный от мирской суеты, занят сокровенными помыслами о тайнах мироздания. Впрочем, это обстоятельство ничуть не мешало ему терпеливо и обстоятельно отвечать на многочисленные вопросы девочки и рассказывать ей о различных достопримечательностях, встречающихся по ходу их совместной прогулки по улицам столицы Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы. Вдвоем они представляли собой умильное зрелище, радующее взор и согревающее души встречающих прохожих, лишенных возможности услышать их подлинный диалог.

— А вон там, на углу, еще один топтун толстозадый торчит, — приглушенным голосом сообщила Элен, восторженно улыбаясь.

— Тише ты, дура чертова! И за языком следи: не ровен час, еще услышит кто-нибудь! — прошипел Дорн, улыбаясь в ответ.

— Сам фильтруй базар, дубина стоеросовая! — огрызнулась его спутница, стрельнув глазами по сторонам. — Я вообще не пойму, за каким дьяволом мы поперлись на прогулку, если нас пасут столько легавых? По одному как минимум от каждой из силовых контор да плюс еще, наверное, кто-нибудь от энгелистов в придачу!

— Мы должны научиться свободно ориентироваться в городе. А что филеров полно, это понятно. Мы уже порядком засветились, а если ты и дальше так себя будешь вести, ведьма проклятая, — еще сильнее засветимся!

— Заткни пасть, бегемот! Надрала б я тебе задницу, да руки марать неохота! Если хочешь знать, я уже давно сориентировалась — и в этом кретинском городе, и во всем этом дурацком мире! Здесь же кругом сплошные психи. Половина населения носит форму, а другая половина выглядит так, словно их с колыбели ни разу досыта не накормили.

Хорстен одобрительно хмыкнул, как будто услышал что-то остроумное из детских уст.

— Смотри-ка, парк, — остановился он перед распахнутыми воротами. — Может, посидим на лавочке и дадим возможность нашим «хвостам» передохнуть чуток?

Они без труда нашли свободную скамейку. Доктор осторожно опустился на хрупкую с виду деревянную конструкцию. Девочка чинно уселась рядышком, аккуратно одернула и расправила свое платье, потом положила рядом куклу и привела в порядок ее платье.

— Гертруда до сих пор не подает сигнала, — прошептала Элен, не разжимая губ. — Похоже, у них тут проблемы со снабжением параболически направленными микрофонами или, по крайней мере, их мобильными вариантами.

— Меня это, признаться, удивляет. С другой стороны, в этом мире поражает столь многое, что пора бы уже, наверное, перестать удивляться. Честно говоря, со слов Метаксы я Фьоренцу представлял совсем другой.

— А может, хватит врать себе и другим? Здесь же типичный тоталитарно-полицейский режим!

— Ты не совсем права, Элен, — попытался возразить Хорстен, испытывая в то же время очевидную неловкость, сознавая правдивость ее заявления. — Не забывай об одной

весьма существенной детали: фьорентийцы — свободолюбивый народ, они готовы сражаться, чтобы сохранить свою свободу.

— Сохранить? Да они давно ее потеряли! Она растоптана солдатскими сапогами и полицейскими ботинками. Впрочем, со свободой и прочими «неотъемлемыми» правами такое случается часто. Единственное, что у них осталось, — это свобода выживать. Как говорится, каждый сам за себя, и пусть неудачник плачет.

— Так нас сюда и послали помочь этим несчастным, — настаивал на своем ученый. — Мы должны защитить хотя бы остатки демократических институтов Фьоренцы от подпольного движения — одного из самых опасных и неразборчивых в средствах за всю историю Объединенных Планет.

Но в Элен словно вселился дух противоречия.

— Свобода — понятие растяжимое, — парировала она. — Подожди минутку, сейчас вспомню один пример из школьного курса. Я его в свое время выучила наизусть. Это просто конфетка, честное слово! — Она сосредоточилась, наморщив лоб и высунув розовый кончик язычка: — Ага! Есть! Дело было во времена покорения Мексики испанскими конкистадорами. Один из соратников Кортеса, некий Франсиско д'Агилар писал в своих мемуарах: «Иногда наш предводитель обращался к нам с доброй речью, обещая, что каждый из нас сможет в будущем сделаться герцогом, графом или получить дворянство. Его слова так вдохновляли нас, что на поле битвы мы превращались в львов и тигров и без страха и сомнения бросались в бой против целой армии... У нас был отважный предводитель и верные солдаты, готовые умереть ради свободы».

Хорстен не выдержал и расхохотался.

— У меня есть пример получше, — прогудел он, когда приступ смеха прошел. — Из истории штата Техас, откуда родом мои предки.

— Техас? Это ведь где-то на Земле, да? А я думала, ты с планеты с полуторной силой тяжести. Черт, ничего о нем не знаю, помню только древнюю поговорку: «Хвастлив, как техасец».

Доктор поморщился:

— Твое счастье, что от моих предков, коренных техасцев, меня отделяют несколько поколений! Ладно, слушай дальше. Изначально территория Техаса принадлежала Мексике. Мексиканские власти долгое время поощряли переселенцев из южных штатов Америки, но спустя пару десятилетий те взбунтовались, требуя независимости.

— Независимости?

— Ну да. Под тем предлогом, что правительство в Мехико ограничивает их свободу, требуя уплаты налогов, как со всех остальных мексиканцев. Но истинная причина заключалась совсем в другом. Рабство в Мексике было законодательно запрещено, в результате чего прибывающие в Техас иммигранты потеряли право держать рабов. Восставшим пришли на помощь отряды американских волонтеров во главе с небезызвестными Дэви Крокеттом и Джимом Боуи. Они сбросили «мексиканское иго» и образовали самостоятельное государство, в котором рабство было официально узаконено. Затем техасцы обратились с просьбой о вхождении в состав Соединенных Штатов. Просьбу удовлетворили, и техасцы начали безропотно платить властям в Вашингтоне те самые налоги, которые они отказывались платить властям в Мехико. Иначе говоря, из всех свобод самой привлекательной для них оказалась свобода иметь рабов!

— Хватит болтать! — неожиданно разозлилась Элен. — Вернемся лучше к фьорентийцам и их попраным свободам. Нам необходимо что-то срочно предпринять, иначе бедная Ли Чжанчжу окажется по нашей вине в очень неприятном положении. А у нас по-прежнему практически ничего нет по энгелистам, кроме скудных и противоречивых сведений из непроверенных источников!

— Надеюсь, Зорро и Джерри сумеют нащупать нужные нам контакты. А вот мне с коллегами-учеными не повезло. Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, что ни один из них не принимает участия в подпольном движении. Более того, никто из них

не проявил ни малейшего интереса, хотя я несколько раз прозрачно намекал, что не прочь побольше узнать об энгелизме.

— Хуарес сегодня встречается с какими-то аграриями, — сказала Элен. — Кто знает, вдруг они окажутся более политизированными типами, чем твои яйцеголовые?

— Искренне желаю, чтобы у него получилось. Лишь бы он по привычке не начал вместо энгелизма толковать с ними о Рассветных мирах! Кстати, давно хотел спросить, что ты думаешь о Родсе?

— Джерри? Да тут и думать нечего! Ли Чжанчжу совершила большую ошибку, пригласив его в группу особых талантов.

— Ну, я бы не спешил с выводами. А чем ты объяснишь его феноменальное везение?

— На мой взгляд, весь его феномен состоит в том, что у него на десять процентов везения приходится девяносто процентов самоуверенности. Ты посмотри, как он держится. У него и мысли нет, что удача может однажды ему изменить. А это очень мощный психологический фактор. Предположим, ты играешь с ним в покер. На кону куча денег, и к тебе приходят четыре дамы. Он набавляет. Ты смотришь на его самодовольную рожу, вспоминаешь о его репутации и остаешься в полной уверенности, что у него на руках как минимум, четыре короля, а то и «флеш-рояль». Все, ты морально раздавлен и бросаешь карты, а он со смехом демонстрирует пару вшивых шестерок.

— А если я, допустим, все-таки решусь вскрыть карты, а не бросить?

— Ничего не выйдет! Ты же морально сломлен, забыл? И от этого потом обидно вдвойне. Ты с ним в покер ни разу не играл?

Хорстен содрогнулся:

— Я не стал бы держать с ним пари во вторник на то, что сегодня вторник! Как ученый-материалист, я отрицаю возможность перемещения во времени и очень не хотел бы убедиться в обратном на собственном опыте!

Элен захихикала:

— Молодец, Дорн, старая перечница! Я и не знала, что ты можешь так образно...

— Покер!! — внезапно воскликнул ученый.

— Ты что, взбесился?

— Где сейчас Джерри?

— Он собирался дождаться в номере возвращения Первого Синьора и обсудить с ним кое-какие инвестиционные проекты. Кому-то из энгелистов почти наверняка удалось проникнуть в высшие сферы. Быть может, они есть и среди финансовых советников д'Арреццо, кто знает? В конце концов, в истории полно примеров, когда революционные преобразования проводились сверху, а не снизу. Взять того же Гитлера или Франко...

— Точно, покер! — вскричал доктор, срываясь с места.

— Да что... — начала Элен, но коллега уже схватил ее за руку и потащил за собой. Чтобы поспеть за ним, ей пришлось прикусить язык и очень быстро перебирать ножками.

— Как ты думаешь, почему твой приятель Тони д'Арреццо так легко позволил Джерри и нам остаться в своем персональном номере? — резко спросил на ходу Хорстен.

— Он же при нас сыграл с ним в орлянку и проиграл, — задыхаясь, с трудом ответила «дочка». — Да не беги ты так, верблюд ненормальный! Люди же смотрят!

Прохожие останавливались, провожая взглядами странную парочку. Волосы Элен растрепались, Гертруде она волочила за ногу по тротуару, но Дорн упрямо не снижал темпа, лишь изредка поглядывая на проносящиеся мимо машины.

— Ни одного такси в этом дурацком городе! — пожаловался он сквозь зубы. — А с чего ты взяла, что он проиграл?

Элен растерянно заморгала.

— Джерри не видел, как упала монета. Он никогда не смотрит: заранее уверен, что выиграет. И я не видел. И ты. Никто не видел, кроме самого д'Арреццо. Откуда мы знаем, что он проиграл?

— Ты куда клонишь? Берегись! — закричала его спутница.

Доктор, торопясь поскорее добраться до гостиницы, не заметил, что начал переходить улицу в неполюженном месте. Двухместный спортивный аэрокар на воздушной подушке неся прямо на него, пронзительно сигнала клаксонам.

Не замедляя шага, Хорстен выбросил вбок левую руку с раскрытой ладонью. Кузов машины, оглашая окрестности визгом и скрежетом металла, на глазах сложился в гармошку. Даже не оглянувшись, ученый дошел до тротуара и зашагал дальше, по-прежнему таща за руку Элен и разговаривая с ней на ходу:

— А все эти вопросы, которые он задавал Джерри насчет того, в какой форме он хранит капиталы! И мы, идиоты, сами же научили его, что отвечать!

— Ты о чем вообще толкуешь? — взмолилась она наконец, окончательно выбившись из сил; лишь спортивная подготовка и быстрая реакция спасали агента до сих пор от печальной участи Гертруды.

— Об очень крупных суммах наличности. Казначейство Фьоренцы определенно испытывает недостаток в конвертируемой валюте, в то время как у нашего Джерри имеются колоссальные активы в женевских банках, славящихся своей конфиденциальностью и номерными счетами. А пользуются этими счетами главным образом бывшие крупные политики и финансисты, благополучно покинувшие с наворованными капиталами те планеты, где они прежде занимали высокие посты.

— Ой-ой-ой! — закручинилась Элен. — Теперь понятно, почему он обещал Джерри научить его играть в покер! — Она ухватила за широкий пояс спутника, взлетела ввысь в грациозном прыжке и уселась на широченное плечо Дорна: — Но, лошадка! Аллур три креста!

Такси поймать так и не удалось, и весь обратный путь до «Альберто Палаццо» доктор с Элен на плечах проделал пешком. Поднимаясь по широким ступеням парадного входа, он вдруг застыл как вкопанный. Навстречу им спускался Чезаре Маркони.

— Ах, какая встреча, синьор Хорстен! — обрадованно воскликнул фьорентиец, дружески улыбаясь. — А меня только что не пустили в ваш номер. Вот, иду домой несолоно хлебавши.

— Зачем вы снова явились?

Маркони стрельнул глазами по сторонам, незаметно оглянулся и только после этого доверительно прошептал:

— По здравом размышлении, синьор, я пришел к выводу, что вы и ваши друзья заслуживаете дальнейшего обмена информацией.

Дорн заколебался.

— Пойдемте с нами, — сказал он наконец. — Лишний свидетель, тем более фьорентиец, думаю, не помешает.

Великий Маркони озадаченно приподнял бровь, но приглашение принял.

— Только из меня плохой свидетель, синьор, — предупредил он, шагая рядом с ученым. — Увы, но в этом городе любые мои клятвенные заверения в чем бы то ни было имеют не больше веса, чем мыльный пузырь.

Только в экспресс-лифте, возносящем пассажиров сразу на последний этаж, фьорентиец позволил себе осторожно поинтересоваться, отчего такая спешка? Элен, все еще восседающая на плече доктора, доверчиво поглядела на него сверху своими голубыми глазенками и сказала:

— Папуля боится, что Тони хочет обдурить дядю Джерри в какой-то шпокер. — Немного подумала и добавила: — Он дурак! И он еще не знает дядю Джерри!

Маркони внимательно посмотрел на девочку и скептически усмехнулся:

— Боюсь, синьорина, это ваш дядя Джерри еще не знает моего кузена Антонио. Трудно войти во власть, не обладая совершенно определенными качествами, но стать, не имея их, Первым Синьором попросту невозможно.

— Зато дяде Джерри всегда везет! — победно провозгласила Элен.

— Антонио тоже везет. И больше всего в том, что его до сих пор не пристрелили!

Они вышли из лифта и оказались перед дверью в апартаменты, заблокированной многочисленной охраной. Увидев Маркони, караульный офицер нахмурился:

— Я уже, кажется, имел честь сообщить синьору, что его высокопревосходительство...

— Гражданин Маркони мой гость, а не его высокопревосходительства, — перебил дежурного доктор Хорстен.

— Но Первый Синьор приказал, чтобы его не беспокоили!

— Не валяйте дурака, уважаемый, — спокойно произнес ученый, легко, как пушинку, отстраняя охранника. — Я здесь живу, к вашему сведению!

Элен, проплывая над головой опешившего офицера, скорчила ему гримасу.

Войдя в гостиную, они замерли на пороге. Не совсем понятно, что именно ожидал увидеть доктор, ясно лишь, что совсем не то, чего ожидал.

В освобожденном от мебели центре салона был установлен большой, длинный стол, вокруг которого возились двое или трое безликих младших адъютантов из свиты Первого Синьора. Слева, у бара, мирно беседовали с бокалами в руках сам д'Арреццо и Джерри Родс. Рядом с ними топтался, явно нервничая, незнакомый маленький человечек с озабоченной физиономией и испуганным взглядом.

— Чезаре? — удивился Первый Синьор и нахмурил брови. — Я полагал, что...

Маркони поклонился:

— Синьор Хорстен был так любезен, что пригласил меня сопровождать его в номер.

Доктор осторожно опустил Элен на пол и огляделся:

— Что здесь происходит?

— Его высокопревосходительство пожелал приобщить меня к одной из его любимых игр, — ответил Джерри.

— Покер? — вырвалось у Элен, но никто, к счастью, не обратил на нее внимания.

В этот момент четверо дюжих телохранителей втащили в комнату массивный дискообразный предмет, напоминающий колесо телеги. Они приблизились к столу и, поднатужившись, водрузили его на ближний край.

— Рулетка! — изумленно воскликнул ученый.

— О, я вижу, вам знакомо это замечательное устройство, доктор, — повернулся к нему д'Арреццо, временно игнорируя присутствие своего изгоя кузена. — Грешен, обожаю рулетку! Я пригласил бы и вас принять участие, синьор Хорстен, да только сомневаюсь, что это будет по карману даже такому известному ученому, как вы. К тому же сегодня у нас, хе-хе, в некотором роде дуэль между мною и синьором Родсом. Мы с ним, если можно так выразиться, обменялись картелями и условились сражаться, хе-хе, по наивысшим ставкам.

— Хе-хе, это уж точно! — мрачно пробормотала себе под нос Элен, незаметно перемещаясь с Гертрудой под мышкой в направлении бара.

Джерри отхлебнул глоток из своего бокала. Когда он заговорил, язык его заметно заплетался.

— Я тут поведал Антонио, — начал он, не замечая страдальческой гримасы, перекосившей лицо маленького человечка, — что мои денежки лежат в женевских банках, а он сказал, что у него здесь масса подходящих возможностей, как раз таких, куда моя мамочка хотела вин... тин... свинтистировать наши капиталы. Урановые рудники и все такое прочее... Потом вот этот Десятый Синьор нарисовался и обещал, что все в два счета оформит. Ну, мы и порешили с Тони... — Десятый Синьор в ужасе зажмурился, — разыграть это дело, как подобает настоящим мужчинам. Либо он запустит лапу в мои женевские активы, либо я заполучу его предприятия.

— Джерри, друг мой, вы уверены, что все хорошенько взвесили? — озабоченно спросил Хорстен. — Ваша матушка может и не одобрить подобную самодеятельность. Кроме того, этично ли с вашей стороны...

Родс беспечно отмахнулся, но не свободной рукой, а почему-то той, в которой держал бокал, выплеснув при этом часть содержимого на ковер:

— О, я их предупреждал, не волнуйтесь, док! Скажи, Тони, говорил я тебе, что я

везунчик?

Правитель на миг оторвался от наблюдения за монтажом рулетки и снисходительно улыбнулся ученому:

— Чужое везение меня не пугает, синьор Хорстен, потому что я и сам необыкновенно удачлив!

Взгляд доктора задержался на непрестанно нервничающем спутнике д'Арреццо.

— Если не ошибаюсь, синьор, — вежливо обратился он к коротышке, — вы занимаете, помимо прочего, пост министра финансов в кабинете его высокопревосходительства?

— Вы совершенно правы.

— Если я правильно понял, — продолжал ученый, — вы собираетесь перевести выигрыш Первого Синьора, в случае его удачи, на номерной счет в одном из банков Женевы?

— Фи, Антонио! И тебе не стыдно? — с насмешкой спросил Великий Маркони.

Д'Арреццо в гневе набросился на кузена:

— Какого черта ты вообще здесь делаешь, Чезаре?! Предупреждаю тебя...

Дорн поспешил встать на его защиту, пытаясь одновременно предупредить Родса о своем намерении использовать Маркони в качестве свидетеля:

— Прошу прощения, но это я привел его сюда, ваше высокопревосходительство. Не считая вас и нескольких ваших сотрудников, гражданин Маркони — единственный фьорентиец, с которым нам удалось сравнительно близко пообщаться за все время нашего пребывания на Фьоренце. Я пригласил его в надежде побольше узнать из первых, так сказать, уст о вашем поистине уникальном мире.

— Боюсь, что безответственная болтовня моего родственника едва ли оправдает ваши надежды, доктор, — ледяным тоном заметил Первый Синьор и бесцеремонно отвернулся.

Установка рулетки благополучно завершилась. Стол ожидал азартных игроков. Д'Арреццо нетерпеливо щелкнул пальцами, и с полдюжины адъютантов и телохранителей, занимавшихся подготовкой, мгновенно испарились.

— Ну что ж, приступим, — предложил, потирая руки, Первый Синьор. — Кто из нас будет держать банк?

Родс допил свой бокал и озадаченно взглянул на соперника:

— Откуда мне знать, если я ни разу не играл в рулетку?

— У банка процент выигрыша выше, Джерри, — подсказал Хорстен, но совет его остался невостребованным.

Д'Арреццо заботливо взял у Родса опустевший бокал и направился к бару за новой порцией. Взгляд его случайно упал на бутылку «Золотого шартреза», из которой он уже наливал себе до этого. Внезапно он нахмурился, поставил бокал, поднял бутылку, проверил уровень, изумленно моргнул и ожесточенно потряс головой, должно быть отгоняя закрашившуюся в голову совершенно невероятную мысль. Затем вернулся к прерванному занятию и наполнил бокал гостя — из другой, естественно, емкости.

— Не желаете освежиться, доктор? — обернулся к ученому Первый Синьор и ворчливо добавил: — Могу и тебе заодно налить, Чезаре, раз уж ты все равно здесь, хоть и против моей воли.

— Не стоит утруждаться, кузен, я сам о себе позабочусь, — откликнулся Маркони, не преминув заодно сыпануть горсть соли на кровоточащую рану родича. — Плесну себе, пожалуй, твоей бетельгейзианской выпивки и смешаю пополам с карамельным пивом, чтоб не так сладко было.

Д'Арреццо, едва сдержав готовый сорваться возглас протеста против такого кощунства, отошел от бара и протянул Родсу полный бокал. Встав на место крупье в торце стола, он начал объяснять правила игры:

— Видите это колесо и маленький шарик у меня в руке? Раскручиваем колесо и бросаем в него шарик. Когда колесо останавливается, шарик попадает в одно из тридцати восьми углублений, расположенных по окружности внутреннего обода. Они имеют номера

от единицы до тридцати шести, а также ноль и двойной ноль. Каждому номеру соответствует пронумерованный квадрат стола. Если вы поставили, допустим, на номер восемнадцать и шарик остановился тоже на восемнадцатом номере, ваш выигрыш равняется вашей ставке, увеличенной в тридцать шесть раз.

— Вау! — издал восторженный клич Джерри. — Вот это по мне. Никаких тебе фифти-фифти, а сразу бац — и в тридцать шесть раз! Тут и захочешь — не проиграешь. Потрясающе!

Первый Синьор вежливо кашлянул и продолжил объяснение.

— Но вы можете и проиграть, если выбранный вами номер не совпадет с тем, на который выпал шарик, — предупредил он. — Однако существуют и другие варианты выигрыша. Вы, наверное, уже обратили внимание, что половина номеров красного цвета, а другая — черного...

Маркони и Дорн Хорстен дружно вздохнули — каждый о своем — и устремились к бару. Фьорентиец добровольно принял на себя обязанности бармена и щедрой рукой разлил по фужерам бесценный шартрез. Вокруг сразу распространился изумительный аромат.

— Вы и впрямь собираетесь смешать этот ликер с карамельным пивом? — полюбопытствовал доктор.

— Что вы, я же не варвар! Это я сказал, чтобы Антонио позлить. Между прочим, ваш приятель не разорится в случае проигрыша?

— Даже если он выпишет вексель в миллиард межпланетных кредитов на любой из своих женеvских банков, это едва ли заметно отразится на его состоянии.

— Вот это да! — присвистнул Маркони. — Жаль, я не встретился с ним раньше!

— Только я не думаю, что Джерри проиграет, — заметил Хорстен. — А ваш кузен может себе позволить понести крупные финансовые потери?

— Теоретически как Первый Синьор он обладает полномочиями самостоятельно распоряжаться всеми национализированными предприятиями Фьоренцы. Опять же теоретически он имеет право на передачу их в собственность другому лицу. —

— Что означает ваша оговорка «теоретически»?

— По законам Содружества Объединенных Планет передаточный документ на право владения за его подписью безусловно будет признан юридически законным в Министерстве межпланетной торговли на Земле, но...

— Но... — нетерпеливо повторил доктор.

— Разве это не очевидно? — в упор посмотрел на него Маркони. — Подписав такой документ в качестве главы государства, мой кузен сам наденет себе петлю на шею. Не пройдет и суток, как его обвинят в присвоении общественной собственности.

— Почему же тогда он так рискует?

— Потому что не собирается проигрывать, — хмуро проворчал Чезаре.

Держа в руках фужеры, они вернулись к столу. Первый Синьор уже закончил свой рассказ о правилах этой древней и вечно юной игры. Джерри стоял сбоку от стола. Перед ним высилась стопка фишек. Очевидно, соперники, при посредничестве Десятого Синьора, заранее договорились о цене каждой и уладили прочие финансовые вопросы.

Родс отхлебнул из своего бокала, поставил его рядом и снял верхнюю фишку.

— Начнем помаленьку, — сказал он, опираясь на стол, чтобы не качаться. — Ставлю сто тысяч межпланетных кредитов на... Какой вы там называли номер? Восемнадцатый? Ставлю на восемнадцатый!

— Сто... тысяч... межпланетных... кредитов! — потрясенно выдохнул Чезаре Маркони.

Дорн Хорстен тяжело вздохнул.

Антонио д'Арреццо раскрутил колесо рулетки, выждал мгновение и запустил шарик, вбросив его против направления вращения. Вначале он описывал сложную траекторию по краю внутренней поверхности чаши рулетки, но постепенно стал опускаться ниже, пока не коснулся одного из пронумерованных углублений. Отскочил от него, коснулся другого,

снова отскочил и задержался на номере тридцать. Но в последний момент все же выкатился оттуда, чуть помедлил и нырнул в соседнее гнездышко.

— Восемнадцать! — радостно закричал Джерри. Первый Синьор, не веря своим глазам, тупо уставился на шарик.

— Тридцать шесть к одному! Класс! — Родс обвел присутствующих победным взглядом, счастливо ухмыльнулся и нетерпеливо прикрикнул на партнера, исполняющего обязанности крупье: — Крути дальше, Тони!

— Как «крути дальше»? — упавшим голосом произнес Десятый Синьор.

Джерри возмущенно посмотрел на д'Арреццо:

— В чем дело, Тони? Мы же договорились, что играем без лимита!

Его высокопревосходительство с трудом оторвался от созерцания замершего на восемнадцатом номере шарика и вернулся к реальности:

— Что? Лимит? Ах да, разумеется, никакого лимита!

Он сложил фишки в две стопки по восемнадцать в каждой и специальной лопаточкой подвинул их к сопернику, который незамедлительно поставил обе стопки на тот же номер на игровом поле.

Чезаре Маркони с изумлением посмотрел на стоящего рядом с ним ученого:

— Он действительно собирается поставить на один номер больше трех с половиной миллионов кредитов? Это же полное безумие! Всего один шанс против тридцати восьми!

— Я же говорил вам, что Джерри удивительно везет, — усмехнулся Хорстен.

— Так сильно никому не может везти, — убежденно возразил Маркони.

Первый Синьор тем временем вынул шарик из гнезда, повертел перед глазами и даже зачем-то подбросил на ладони. Не обнаружив, очевидно, никаких скрытых изъянов, он едва заметно пожал плечами, снова раскрутил колесо рулетки и тем же способом, как и в первый раз, вбросил шарик.

— Раз я ставлю три миллиона семьсот тысяч из расчета тридцать шесть к одному, то сколько же это получится, если я выиграю? — принялся вслух подсчитывать будущие прибыли Джерри. — Черт, никак не соображу! Но много. Мамочка будет довольна. Хватит, пожалуй, на солидную долю акций ваших урановых копеек. А потом займемся транспортом. — Он покосился на заламывающего руки Десятого Синьора: — Вы упоминали, кажется, что транспорт на Фьоренце тоже национализирован?

— Да, синьор, — чуть слышно прошептал несчастный министр.

Великий Маркони косо взглянул на молодого Родса и направился к бару за новой порцией спиртного. Впрочем, он успел вернуться к столу к тому моменту, когда пляшущий шарик совершал последний выбор.

— Восемнадцать! — возликовал Джерри и бросил взгляд на Хорстена, словно ища его одобрения. — Вот уж везет так везет! — Он обратил свою сияющую физиономию к удрученному министру финансов Фьорентийского Сообщества: — Сколько там мне теперь причитается из ваших урановых рудников?

— Они все ваши, синьор, — простонал финансист.

— Послушайте, друг мой... — начал доктор Хорстен, но никто на него даже не взглянул.

— Крути дальше, Тони! — воскликнул везунчик в порыве энтузиазма.

Первый Синьор покачал головой.

— У меня... у меня не хватит фишек расплатиться, если вы и на этот раз выиграете, синьор Родс, — признался он.

— А-а, фишки-шишки! — отмахнулся Джерри и залпом осушил свой бокал. — Играть — так играть! Всё или ничего. Крутим в последний раз. Если выпадет восемнадцать, вы проиграли. Всё. И тогда я становлюсь единоличным владельцем всех национализированных предприятий Фьоренцы. По рукам?

В комнате воцарилось гробовое молчание. Слышно было лишь тяжелое дыхание Первого Синьора, такое тяжелое и частое, будто он только что покорил одну из высочайших

горных вершин.

— Ваше высокопревосходительство! — жалобно взмолился министр финансов.

— Молчать! — рывкнул д'Арреццо и повернулся к сопернику, нервно облизывая пересохшие губы. — По рукам! — прозвучал в гостиной его хриплый шепот.

Он достал шарик, пристально поглядел на него, взвесил на ладони, пожал плечами и запустил колесо. Все затаили дыхание.

Из прихожей послышалась какая-то возня. Дверь без стука распахнулась. Первый Синьор в ярости обернулся.

В салон ввалился Зорро Хуарес, отчаянно извиваясь в руках двух гориллоподобных охранников. Следом за ними появился подтянутый офицер в роскошной форме советника Министерства антиподрывной деятельности, с триумфальным видом держа в правой руке какой-то предмет.

— Что все это значит?! — выпучил глаза д'Арреццо. — Как вы посмели...

Ничуть не обескураженный офицер вытянулся в струнку и козырнул.

— Ваше высокопревосходительство, мы только что задержали инопланетного шпиона. Взяли его в подвале отеля во время сеанса связи с Землей. Большую часть переговоров нам удалось записать. Связь осуществлялась с помощью вот этого устройства.

Он высоко поднял руку, демонстрируя небольшой черный кубик.

— Эй! — возмущенно пискнула Элен из угла комнаты, где она расположилась на ковре вместе с куклой. — Это же Гертрудин кукольный три-ди-визор. Отдай сейчас же!

Попытка была смелой и благородной, но, увы, заранее обреченной на неудачу.

— Докладывайте! — сухо приказал Первый Синьор.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Речь шла о каких-то Рассветных мирах. Мы не во всем пока разобрались, но поняли достаточно, чтобы предъявить обвинение в шпионаже и подрывной деятельности этим людям. — Офицер драматическим жестом указал на пьяно хлопающего глазами Джерри Родса, застывшего как изваяние Дорна Хорстена и обреченно обмякшего в объятиях охранников Зорро Хуареса: — Все они являются оперативниками «секции джи» — по всей видимости, некоего шпионского агентства при Октагоне.

— Понятно, — медленно кивнул д'Арреццо.

Элен, сунув куклу под мышку, с гордым видом встала рядом с великаном «отцом» и приготовилась к драке.

Внезапно откуда-то из головы Гертруды послышалось негромкое: бип-бип-бип.

12

Странные звуки привлекли всеобщее внимание, но только один из присутствующих сразу догадался, что они означают.

Доктор Хорстен среагировал мгновенно. Сделав шаг вперед, он ухватил обеими руками массивное колесо рулетки, потянул на себя и с хрустом вырвал из креплений. Прислонив его к ножке стола, он пальцами легко содрал металлическое покрытие нижней части механизма рулетки. Взорам ошеломленных присутствующих открылась паутина переплетенных проводов, идущих от миниатюрных батареек.

— Шулер! — презрительно бросил ученый.

— Ай да кузен Антонио! — в притворном восхищении воскликнул Маркони. — Рулетка-то, оказывается, заряженная! Теперь понятно, почему ты так удивлялся сейчас своим проигрышам и почему так часто выигрывал во время всяких мероприятий по сбору средств в предвыборный фонд!

Но Первый Синьор пришел в такую неопишемую ярость, что ничего уже не слышал и окончательно перестал себя контролировать. Брызгая слюной и потрясая кулаками, он обрушился на Джерри, успевшего порядком протрезветь за последние минуты.

— Агент «секции джи», значит? Слыхал я про эту контору и ее подрывные методы на

планетах — полноправных членах Содружества! Но здесь ваши грязные штучки не пройдут! Устроили мне тут комедию, понимаешь! Нет у вас никаких денег на Женеве и никогда не было! Вы с самого начала собирались меня надуть!

— Ха! Уж кто бы говорил! — проворчала Элен.

В следующее мгновение Антонио д'Арреццо взмахнул рукой и отвесил Джерри Родсу сильнейшую оплеуху, едва не свалившую его с ног.

— Мы встретимся на поле чести! — прошипел Первый Синьор. — Выбор оружия за вами. — Он смерил уничтожающим взглядом сначала Хорстена, а потом Хуареса. — А когда я разделаюсь с этим юным лжемагнатом, настанет ваша очередь!

Остаток кипящей в душе злости его высокопревосходительство выплеснул на Чезаре Маркони:

— И я не исключаю, что ты, кузен, тоже окажешься следующим в моем списке! Мне не нравятся твои дружеские отношения с этими чужаками, и мне надоело, что ты выставляешь на посмешище всю нашу семью, прикидываясь энгелистом. — Он снова повернулся к Родсу: — Какое оружие вы выбираете, синьор? — Слово «синьор» в его устах прозвучало грязным ругательством.

Джерри растерянно заморгал. Он еще не успел толком разобраться в происходящем и потому не сразу сообразил, чего от него хотят.

— «Стен», — сказал он наконец. — Стреляемся на «стенах» с пяти шагов.

Д'Арреццо щелкнул пальцами, подзывая дежурного офицера:

— Вы слышали его выбор. Немедленно распорядитесь от моего имени.

Не проронив больше ни слова, он покинул гостиную в сопровождении покорно семенящего за ним по пятам Десятого Синьора.

В опустевшей гостиной остались четверо агентов «секции джи» и Чезаре Маркони. Фьорентиец подошел к бару и плеснул себе немного шартреза из быстро тающих запасов своего кузена.

— Что такое «стен»? — спросил он, с сочувствием поглядев на Джерри.

Тот рассеянно потер щеку, все еще горевшую от пощечины, явившийся поводом для будущего поединка, и неожиданно расхохотался.

— Вашему родственнику мой выбор вряд ли понравится, — с трудом произнес Родс, борясь с приступом веселья.

Хорстен, Зорро и Элен безмолвно уставились на него, ожидая объяснений.

— Я воспользовался вашим опытом, док, — начал Джерри. — Помните, как вы посадили в лужу того типа, который вызвал вас на дуэль? Вот и я тоже решил выбрать оружие, которого не существует в природе!

— Не существует в природе? — иронически поднял бровь Маркони.

— Ну да! — кивнул Родс — Я сам видел «стен» всего однажды — в каком-то историческом три-ди-фильме не то о Второй, не то о Третьей мировой войне на Земле. Их сбрасывали на парашютах партизанам за линией фронта. Судя по виду, это пистолет-пулемет крайне примитивной конструкции.

— Ясно, — задумчиво произнес Маркони. — Но с чего вы взяли, что оно не существует?

Джерри нахмурился:

— Да эта штука почти такая же древняя, как то македонское копье, которое выбрал док! Их уже тысячу лет не выпускают!

Фьорентиец с жалостью посмотрел на молодого человека:

— Не хотелось бы вас огорчать, синьор Родс, но у нас на Фьоренце в поединках чести как раз наибольшей популярностью пользуются именно древние, давно вышедшие из употребления виды оружия. В архивах Дуэльного колледжа хранится полное собрание книг и других материалов, целиком посвященное описанию оружия минувших эпох.

— Вы хотите сказать, — подал голос Зорро Хуарес впервые с того момента, как его

столь бесцеремонно втолкнули в комнату, — что они могут изготовить парочку образцов специально для этого поединка?

— Вот именно. И очень быстро, уверяю вас.

Джерри поежился:

— А как же... я имею в виду боеприпасы и все такое?

— Всё сделают, не волнуйтесь. Чем, кстати, стреляет этот ваш «стен»?

— Точно не знаю. Пулями, кажется. Там еще такой рожок торчал, патронов на двадцать...

— О Святой Предел! Да в пяти шагах вы оба превратитесь в фарш! Хотя нет, вру. Только вы. Я не слишком уважаю моего высокопоставленного кузена, но реакция и рефлексы у него лучшие на всей планете. И Первым Синьором он сделался отнюдь не за красивые глазки!

— Эй! Раз уж вы все равно там сидите, налейте и мне пожалуйста, — попросила Элен. — Только сразу в фужер. Ненавижу рюмки!

Военный совет они решили провести за тем самым столом, который всего полчаса назад служил полем для рулетки. Изуродованное колесо, с корнем выдрванное Хорстеном, так и осталось стоять на полу прислоненным к ножке стола. Туда же Зорро смахнул разбросанные пластиковые фишки и прочие атрибуты. Они расставили стулья и расселись вокруг — все, кроме Элен, отказавшейся покидать свое уютное гнездышко в огромном кресле Первого Синьора.

Как-то само собой получилось, что Чезаре Маркони отныне воспринимался всеми как пятый член группы, хотя полностью доверять ему было, пожалуй, рановато.

— Что такое «секция джи»? — обратился он к Хорстену. — Мой друг Бульшан накануне роковой для него дуэли — кстати говоря, он был спровоцирован самым подлым образом! — признался мне в принадлежности к этой организации. Еще он сказал, что в случае его гибели кого-то непременно пришлют на замену. Поэтому я и пошел на контакт с вами. Вначале я сомневался, но вы были единственными, кто прибыл на Фьоренцу с Земли после того, как его убили.

Доктор изучающе посмотрел на фьорентийца и дипломатично ответил:

— Что касается Фьоренцы, у нашей службы только одна задача: помочь ей вернуться на прогрессивный путь развития.

— Что ж, это меня устраивает.

— Мне кажется, я уже знаю ответ, — раздался из глубины кресла тоненький голосок Элен, — но вы все же удовлетворите мое детское любопытство, мистер Великий Маркони. Если вы такой уж поборник прогресса, что вы делаете в рядах ангелистов?

— Мне тоже кажется, что я уже знаю ответ, — с ухмылкой парировал Маркони, — но все же рассейте мои сомнения до конца, синьорина. Вы ведь не ребенок, а взрослая женщина, верно?

Элен одобрительно хмыкнула:

— Верно. Чего никак не скажешь о некоторых из моих коллег, — кивнула она на потупившихся под ее уничтожающим взглядом Джерри и Зорро. — Теперь ваша очередь. Что вы делаете в рядах ангелистов?

— А нет никаких рядов, — грустно усмехнулся фьорентиец. — Ангелисты — это я!

— Святой Предел! — нахмурился доктор Хорстен. — Что вы хотите этим сказать?

— Неужели до тебя еще не дошло? — разозлилась Элен. — Наш друг открытым текстом говорит, что на этой чокнутой планете нет никаких ангелистов! Нет и никогда не было! — Она, поразмыслив, умолкла, потом добавила: — Хотела сказать, что и не будет, но пока воздержусь.

— У меня уже голова кругом идет, — пожаловался Зорро. — Как это, нет ангелистов? Зачем же нас тогда посылали сюда, инструктировали...

— Захлопни варежку, любовничек, — посоветовала Элен, — и слушай сюда. Это

фальшивка, понял? Те, кто стоит у власти в этом идиотском мире, устроили здесь типичное полицейское государство, умело закамуфлировав его под демократическое и отменив все гражданские права и свободы под предлогом борьбы с подрывными элементами. Которых, как оказалось, вовсе не существует. Нельзя сказать, что это первый случай охоты на ведьм в отсутствие таковых, но прецедентов подобного масштаба история еще не знала.

— Выходит, армия, полиция и секретные службы Фьоренцы в поте лица гоняются за призраками? — уточнил Джерри. — Откуда же тогда взялась прокламация, которую нам показывал майор Верона?

— Несомненно, ее напечатали сами секретные службы, — ответил доктор. — Я сразу почувствовал неладное, как только начал читать этот бред. Нет, коллеги, Элен права! Еще в Древнем Риме правители руководствовались принципом: хочешь избежать бунта дома — сделай так, чтобы взбунтовались соседи. А правители Фьоренцы, за неимением соседей, придумали ангелистов и призывают к сплочению всей нации в борьбе против них, хотя на деле все это затеяно лишь для того, чтобы самим удержаться у власти. В тайну посвящены, я думаю, всего несколько человек на самом верху. Все остальные искренне уверены в реальности угрозы со стороны подпольщиков — вспомните хотя бы того полковника из Министерства антиподрывной деятельности, которого мы с Элен допрашивали.

— Больше всего меня убивает, — проворчал Зорро, — что здешняя верхушка, кого ни возьми, от Первого Синьора до Десятого, — сплошь жулики и мошенники, к тому же не слишком искусные!

— Типичная ошибка среднего обывателя, — нравоучительно заметил ученый, — состоит в том, что он не в состоянии себе представить, насколько некомпетентными могут быть люди, находящиеся у власти. И тезис этот, уверяю вас, справедлив для любой исторической эпохи и общественно-экономической формации. Возьмем, к примеру, первых римских императоров, правивших после действительно великих Цезаря и Октавиана Августа. Тиберий и Калигула, Клавдий и Нерон... Сексуальные извращенцы, садисты, массовые убийцы, развратники, дегенераты... Калигула — тот вообще безумец! Нерон — последний из линии Юлиев — приказал сжечь Рим и наслаждался зрелищем пожара, слагая вирши, а когда толпа собралась его линчевать, покончил самоубийством. И это не единственный пример.

История пестрит ими. Но представьте себе простого римского центуриона, честно несущего службу где-нибудь на парфянской границе. Предположим, ему говорят, что его божественный император в Риме погряз в разврате, спит с собственной матерью, двух своих сестер отправил заниматься проституцией и заставил Сенат избрать консулом своего любимого коня. Поверит центурион, как вы думаете? Да ни за что и никогда! То же самое происходило и в позднейшие времена. Разве мог поверить добропорядочный британец начала девятнадцатого столетия в сумасшествие своего обожаемого монарха короля Георга? Или средний американец двадцатого — в хронический алкоголизм и нестандартные сексуальные наклонности некоторых из им же избранных президентов?

— Я понимаю, док, что некомпетентных властителей хватало во все времена, особенно если они получали свой пост по наследству, — сказал Джерри. — Да и при демократических выборах частенько бывает, что избиратели клюют на фотогеничную внешность, хорошо подвешенный язык и прочие трюки из арсенала политиков. Но то, что творится здесь — не только в правительстве, но и на всей планете, — иначе как фарсом и не назовешь!

— Если бы только здесь, — вздохнула Элен. — Ты вспомни, что творилось на Земле еще до выхода человечества в космос! Было такое суверенное государство Монако. Вся его территория составляла три сотни акров — примерно половину площади Центрального парка в Нью-Йорке того времени. Там были князь, княгиня, двор, титулованная знать и прочие феодальные атрибуты. Но и это еще не предел. Никогда не слышал о суверенном ордене мальтийских рыцарей? А ведь он существовал в одно время с Соединенными Штатами, Францией и другими странами. У этого «государства» имелись свои подданные, посольства, военно-воздушные силы, автомобильные номера и многое другое. А занимало оно

всего-навсего второй этаж одного из римских дворцов! — Она снова вздохнула и переключилась на другую тему: — Что ж, подведем итог, коллеги. Всем ясно, надеюсь, что Росс Метакса и Октагон купились точно также, как и все остальные? Никаких подрывных элементов на Фьоренце нет, зато есть бессовестные правители, изображающие патриотов, самоотверженно противостоящих несуществующему подполью. А теперь перейдем к более насущным проблемам. — Элен с неприязнью покосилась на Зорро: — Как случилось, что тебя застукали эти болваны охранники?

— Сам не знаю, — уныло признался Хуарес — Мне и в голову не приходило, что в бывшей дворницкой могут оказаться «жучки». Когда мы расстались, я все же решил связаться с Сидом Джейксом и рассказать о новых фактах касательно Рассветных миров. Стащил у тебя из коробки замаскированный коммуникатор и... Остальное вы уже знаете.

— Что толку горевать над разлитым молоком, — глубокомысленно заметил Джерри.

— Я вот тебе устрою разлитое молоко! — фурией взвилась Элен. — Какого черта ты согласился играть в эту дурацкую рулетку с д'Аррецо, отлично зная, что на Женеве у тебя нет ни гроша?

— Да мне деваться было некуда, — начал оправдываться Родс. — Откажись я играть, он сразу бы заподозрил нас всех. Кроме того, он так жаждал пополучить на свой номерной счет кругленькую сумму в реальной валюте, что просто не принял бы моего отказа.

Элен покосилась на Чезаре Маркони. Тот с серьезным видом внимательно прислушивался к обмену мнениями, но сам рта не открывал.

— А вы что скажете по этому поводу? — спросила она.

— Полагаю, мой кузен решил, как говорится, «сделать ноги», пока цел. Скорее всего, он не захочет принимать участие даже в ближайших псевдовыборах.

— Почему? — удивился Зорро.

— Дело в том, что во время выборов Первый Синьор утрачивает свой иммунитет и может быть вызван любым желающим. Ну, не любым, конечно, — я имею в виду других потенциальных кандидатов на его пост в рядах макиавеллистской партии. Понимаете, с годами реакция теряется, а у Антонио это уже второй срок, и он совсем не уверен, что сумеет дожить до третьего. — Маркони поднял голову и с грустью посмотрел на собравшихся за столом: — Я знаю, друзья мои, как фантастически абсурдно выглядят в ваших глазах некоторые обычаи моей родной планеты, особенно те из них, которые регулируются Дуэльным кодексом. Могу сказать только, что сам этого стыжусь и был бы рад многое изменить.

— В то же время ситуация на Фьоренце не так уж уникальна, как может показаться, — заметил Хор-стен. — Возьмем, скажем, те же Соединенные Штаты. Вскоре после их образования произошла дуэль между двумя влиятельнейшими политическими фигурами того периода — Александром Гамильтоном и Аароном Барром. Оба реально претендовали на президентский пост. В результате один из них был убит, а политическая карьера второго оказалась навсегда загублена.

— Как бы то ни было, — вздохнул фьорентиец, — ваше «разоблачение» здорово сыграло на руку моему кузену. Денег он не получил, зато приобрел другие козыри. Теперь по его приказу вокруг вашего «дела» раздуют необыкновенную шумиху. А тот факт, что вы прибыли с других планет, только подольет масла в огонь. Предстоящая дуэль вызовет всеобщий интерес, и когда Антонио, — он сочувственно взглянул на Джерри, — вас убьет, он тем самым фактически обеспечит себе избрание на третий срок. После поединка он станет настолько популярным, что никто из соперников просто не решится выступить против него открыто. — Маркони бросил короткий взгляд на Хор-стена и Хуареса: — А потом он расправится с вами, синьоры, после чего его акции вообще взлетят до небес. Джерри осторожно откашлялся:

— А если я его первым прикончу? Мне все-таки частенько везет...

Фьорентиец отрицательно покачал головой:

— Нет, на это рассчитывать не стоит. Даже если вдруг случится невероятное и вы

выйдете победителем, толпа тут же растерзает вас как инопланетного шпиона и террориста, посмеявшегося убить их обожаемого Первого Синьора. И повезти вам может лишь в том, что смерть ваша от руки Антонио будет быстрой и легкой. Впрочем, можно не сомневаться, что так оно и произойдет. Как я уже говорил, такой быстрой реакции нет ни у кого на Фьоренце, за исключением вашего покорного слуги.

— Почему же тогда Первый Синьор он, а не вы? — недоверчиво буркнул Зорро.

— Не забывайте, что я считаю себя ангелистом — пусть и единственным на Фьоренце, — помедлив, начал Маркони. — Следовательно, выступаю против существующего государственного устройства, включая такие его элементы, как достижение власти путем убийства на дуэли политических соперников. — Он с горечью усмехнулся. — Несмотря на тот факт, что сам вынужден по воле обстоятельств зарабатывать на жизнь обучением других стрельбе и фехтованию.

Элен выбралась из своего кресла и направилась к бару, совсем не по-детски покачивая бедрами. Прихватила последнюю оставшуюся бутылку «Золотого шартреза», вернулась обратно и налила себе почти полный фужер.

— Божественный аромат! — выдохнула она, сделав глоток, после чего поставила фужер и обратилась к сидящим за столом: — Послушайте, коллеги, не пора ли нам перестать ходить вокруг да около, потому что толку от этого все равно никакого. Насколько я понимаю, мы все здесь под домашним арестом вплоть до того момента, когда Джерри отправят на смерть в этом вашем... как его?... Parco Duello, кажется?

— Нет, событие слишком значительное, чтобы проводить поединок там, — покачал головой Маркони. — Дуэль состоится в центральной аудитории Дуэльного колледжа. Там идеальные условия для три-ди-трансляции.

— Вы хотите сказать, что нашу схватку будут транслировать на всю планету? — удивился Джерри.

— Как я уже упоминал, синьор Родс, для кузена Антонио ваша смерть означает третий срок на посту Первого Синьора. Будьте уверены, он постарается сделать все возможное, чтобы к началу поединка население Фьоренцы, включая маленьких детей, приклеилось к экранам.

Элен задумчиво хмыкнула.

Великий Маркони потянулся за бутылкой с шартрезом, но она успела схватить ее первой. Уровень содержимого в ней не превышал дюйма с четвертью. Фьорентиец озадаченно поднял бровь. Неимоверное количество спиртного, поглощенное этой дамой с момента ухода Первого Синьора, практически не отразилось ни на ее поведении, ни на реакции.

— Мы найдем этому лучшее применение, — туманно пояснила она.

— Ты уже всем трем бутылкам, которые спрятал д'Арреццо, нашла «лучшее применение», — сердито проворчал доктор Хорстен. — Никак не могу привыкнуть к тому, что ты хлещешь алкогольные напитки, как фруктовые соки!

— Придержи язык, увалень! — отмахнулась Элен. — Дай мне подумать.

Ученый скептически покачал головой, но спорить не стал.

— Вернемся к поединку между Джерри и вашим кузеном, синьор, — повернулся он к Маркони. — Какой у них регламент?

— Полагаю, вам и синьору Хуаресу достанется роль секундантов. Я тоже намерен присутствовать в качестве консультанта. Изготовление «стенов» вряд ли займет больше суток, так что завтра в это же время можно ожидать появления секундантов Антонио. С ними вы договоритесь об условиях и окончательной дате встречи, но не обольщайтесь: у вас осталось максимум два дня — дольше он тянуть не позволит.

— Увильнуть от дуэли точно не удастся? — спросила Элен. — Покинуть планету, например?

— О чем вы говорите, синьорина... простите, синьора? — горько усмехнулся фьорентиец. — На Фьоренце полдюжины секретных служб и всего один космопорт.

Дипломатического убежища вам тоже не получить, потому что посольство ООП закрыто. И думать забудьте, мой вам совет!

Главная аудитория Дуэльного колледжа была оформлена в стиле давно минувшей эпохи. Продюсер исторических три-ди-фильмов без труда опознал бы в декорациях средневековую Флоренцию времен Медичи, хотя сомнительно, чтобы Микеланджело, Рафаэль, Леонардо, Донателло или сам Великий Герцог узнали свой родной город в этой пышной, но безвкусной подделке. Увы, слишком многое кануло в лету и покрылось мраком забвения за тысячелетие, разделяющее титанов золотого века Возрождения и дилетантов дизайнеров, нанятых макиавеллистской партией Фьоренцы.

Зрелище тем не менее впечатляло и должно было послужить отличным фоном для показательной собственноручной расправы Первого Синьора с одним из коварных инопланетников, явившихся на Фьоренцу с целью подрыва основ ее общественно-экономического строя. Так, во всяком случае, высказывались об одном из участников предстоящей дуэли и его спутниках местные средства массовой информации.

Подавляющее большинство зрителей явилось в парадной форме, и даже мундиры рядовых охранников переливались всеми цветами радуги. А от обилия блестящих наград и золотого шитья, украшающих высших офицеров из ближайшего окружения Первого Синьора и членов его кабинета, рябило в глазах и перехватывало дыхание.

Даже Чезаре Маркони ради такого случая сменил свой поношенный костюм на пышное облачение фьорентийца высшего ранга. Он стоял вместе с четверкой оперативников «секции джи» в дальнем углу аудитории, куда их провел офицер протокольной службы. Если не считать двух или трех операторов три-ди-видения, никому не было до них дела, так что они могли свободно общаться друг с другом.

— Кажется, я уже начинаю сомневаться, правильно ли поступил, — посетовал вслух Великий Маркони. — Пассивная оппозиция правительству кузена Антонио, которую все равно никто всерьез не воспринимал, это одно, а то, чем я занимаюсь сейчас, помогая вам, — совсем другое.

— Чего мы ждем-то? — недовольно буркнул Зорро.

— Появления Первого Синьора. Можно не сомневаться, что его имиджмейкеры все давно просчитали. Его выход на арену состоится именно в тот момент, когда напряжение достигнет высшей точки, и ни секундой позже, чтобы зрители, не приведи Дзен, не утомились раньше времени и не потеряли интереса к происходящему. В эти минуты только слепые не смотрят три-ди-визор, да и те наверняка слушают комментатора.

Элен, которой незачем больше было маскироваться под маленькую девочку, ухитрилась сконструировать из имеющегося в наличии гардероба вполне презентабельный взрослый наряд. Плюс немного косметики—и она превратилась в очаровательную молодую женщину, хотя, пожалуй, излишне миниатюрную по стандартам любой из Объединенных Планет, кроме ее собственной.

Джерри Родс, как ни странно, был настроен куда более оптимистично, чем этого можно было ожидать.

— Мне всю жизнь везло, друзья, повезет и сейчас, — произнес он уверенным тоном, но никто не воспринял это всерьез.

Дорн Хорстен поправил пенсне и сказал убежденно:

— Еще немного, и я, кажется, начну презирать вашего кузена, синьор Маркони!

— Не советую его недооценивать, доктор, — покачал головой фьорентиец. — Антонио — хитрый лис. Он всегда найдет предлог отказаться от македонских копий или другого оружия, использование которого даст вам преимущество благодаря вашей физической силе. А если и согласится, непременно придумает способ свести до минимума ваши шансы и максимально повысить свои.

— Вы имеете в виду, что он и здесь способен, так сказать, передернуть карты? — усомнился ученый. — Но сейчас вроде бы все чисто. Если не считать пресловутых

рефлексов Первого Синьора, шансы выглядят равными.

— Вот именно, что выглядят, — мрачно процедил Чезаре. — Ох, не доверяю я кузену Антонио!

— Да вы же сами вместе с нами осматривали и проверяли вчера вечером оружие обоих соперников. А потом его в нашем присутствии заперли в футляр и запечатали! — Хорстен с сочувствием посмотрел на Родса: — И дернуло же вас выбрать самое смертоносное оружие ближнего боя за всю историю земных войн!

— Послушайте, Маркони, — бесцеремонно вмешался в диалог Зорро, — вы можете дать совет, как нам выбраться из этого дерьма? Джерри уже вряд ли что поможет, как это ни печально, но...

— Заткни пасть, любовничек! — прошипела Элен. Тот исподлобья сверкнул на нее глазами и упрямо продолжил:

— Нас сюда прислали дело делать, а не за посмертными наградами гоняться! Если у кого-то есть план, как помочь Родсу, я готов участвовать. Если же нет... Не забывайте, наш долг в том, чтобы выжить любой ценой и довести начатое до конца. Быть может, Маркони подыщет для нас какое-нибудь убежище?

— Даже не надейтесь, Хуарес, — решительно ответил фьорентиец. — Меня «пасут», как никого на Фьоренце. До недавнего времени меня не трогали — главным образом благодаря семейным связям, — но теперь мне придется туго. Как сказал Антонио на нашем последнем свидании, ему надоело закрывать глаза на мои энгелистские выкрутасы, порочащие доброе имя нашего семейства. Хотя он прекрасно знает, что никаких энгелистов не существует, он не простит мне того, что я тоже посвящен в эту тайну. Так что мне и вас укрыть негде, и самому не спрятаться.

— Должен же быть какой-то способ! — в отчаянии воскликнул Зорро.

В ответ раздались трубные звуки серебряных горнов, и в противоположном конце огромного зала началось какое-то движение. Публика на трибунах встала по стойке «смирно», приветствуя появление героя дня.

Косолапой походкой кавалериста, привыкшего к высоким сапогам для верховой езды, в аудиторию вошел Антонио Чезаре Бартоломео д'Аррецо, Первый Синьор Свободно-Демократического Сообщества Фьоренцы. Он прошествовал к центру арены, глядя прямо перед собой, не замечая безупречной выправки почетного караула, выстроенного по обе стороны его пути. В отличие от разряженных в пух и прах зрителей, он был одет просто и функционально: тело облегал черный дуэльный костюм с распахнутой у ворота рубашкой, а на ногах были спортивные туфли на прорезиненной подошве.

Сразу за ним выступали секунданты: Альберто Скьяланга, Третий Синьор, и еще один высокопоставленный офицер из другого ведомства. Чезаре Маркони негромко откашлялся, как бы извиняясь, что уже настал час.

— Пора, — сказал он. — Идем все вместе, пока дистанция не сократится до пяти шагов. Джерри останавливается и ждет. Дорн и Зорро, вы проходите вперед и занимаетесь с секундантами Антонио последними приготовлениями. Затем забираете оружие Джерри и возвращаетесь. Я, как консультант, буду держаться у вас за спиной на тот случай, если возникнут вопросы.

— Я ваших правил не знаю, но тоже пойду, — предупредила Элен.

Маркони нахмурился, хотел что-то сказать, но вовремя одумался и закрыл рот. Навстречу Первому Синьору они отправились в полном составе.

Соперник Джерри Родса встал ровно в пяти шагах от него, слегка расставив ноги и заложив руки за спину. Секунданты обошли его справа и слева и встретились с Хорстеном и Хуаресом точно посередине разделяющей дуэлянтов дистанции. Маркони, как обещал, держался чуть сзади. Третий Синьор нес в руках изумительно отделанный плоский футляр, а его напарник — маленький золотой ключ, которым он и открыл футляр, как только представители обеих сторон обменялись необходимыми формальностями.

Внутри находились два новеньких пистолета-пулемета системы Стена. На рукояти

одного из них золотом было выгравировано: «Сионьор Родс», на рукояти второго — «Синьор д'Арреццо». Скъяланга протянул открытый футляр Хорстену, тот взял предназначенный Джерри экземпляр и встал рядом с Зорро.

— Имеются ли у вас вопросы, синьоры? — учтиво осведомился Третий Синьор.

— Вопросов нет, — с неохотой ответил доктор. Секунданты Первого Синьора вернулись к своему подопечному и протянули футляр ему. Д'Арреццо принял оружие, взвесил его на ладони и привычным движением перехватил за рукоять — так, как будто всю жизнь только из него и стрелял. Затем вперед выступил исполняющий обязанности арбитра офицер в пышном, с многочисленными наградами мундире. Одновременно попятились назад, освобождая линию огня, официальные свидетели и солдаты почетного караула.

— Оба синьора ознакомлены с условиями поединка и согласны следовать установленной процедуре, — торжественно и громко, ни на миг не забывая о десятках наведенных на него три-ди-камер, заговорил арбитр. — Сейчас синьоры повернутся спинами друг к другу, а я начну отсчет. На счет «три» дуэлянты поворачиваются и открывают огонь. Вам понятны мои слова, синьоры?

— Да, — отчеканил д'Арреццо.

— Вроде бы, — неуверенно протянул Джерри, разглядывая свой «стен» с таким видом, словно впервые держит в руках огнестрельное оружие и плохо представляет, для чего оно предназначено.

Арену покинули все, за исключением двух соперников.

— Это убийство! — пробормотал Зорро.

— У нас еще будет шанс отомстить! — прорычал доктор Хорстен, кипя от бессильной ярости.

Арбитр начал отсчет:

— Один... Два...

Публика в аудитории затаила дыхание.

— Три!

Первый Синьор вихрем развернулся, успев еще в движении пригнуться и принять классическую позу для стрельбы с бедра. Палец его потянул за спусковой крючок в то самое мгновение, когда ствол «стена» оказался на одной линии с целью.

Странное выражение появилось на лице Антонио д'Арреццо. Он отвел взгляд от не успевшего еще завершить разворот соперника и недоверчиво уставился на собственное оружие. Его указательный палец снова напрягся, но выстрела опять не последовало.

Джерри, часто моргая, поднял свой «стен» на уровень груди и нажал на спусковой крючок.

Тугая струя, вылетевшая из ствола его маленького, но смертоносного оружия, ударила прямо в лицо Первому Синьору. Это была густая, клейкая жидкость зеленовато-лимонного цвета. Она медленно стекала по щекам и подбородку Антонио д'Арреццо, распространяя вокруг приятный, хотя и несколько специфический аромат.

Мужественный образ его высокопревосходительства в течение нескольких секунд рассыпался вдребезги. Он недоуменно потряс головой. Тупо посмотрел на оружие в своих руках. В широко раскрытых глазах мелькнуло изумление. Он непроизвольно высунул язык и облизал дрожащие губы. Вздрыгнул всем телом. Поднял руку, коснулся двумя пальцами липкой жидкости на скуле, поднес их к глазам, понюхал, лизнул...

Сначала захихикал находившийся ближе всех арбитр.

Но Третий Синьор был первым, кто разразился громовым хохотом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Повезло? — возмущенно спросила Элен.

— Конечно, — невозмутимо подтвердил Джерри. — Просто неслыханно повезло!

— Ах, ему, видите ли, опять повезло! — взорвалась агент. — А кто, скажи на милость, потратил полночи, чтобы проникнуть в комнату, где хранилось ваше оружие? Я битый час возилась с замком на футляре, а когда с ним справилась, обнаружила, что кто-то успел спилить боек твоего «стена»! Еще час ушел на то, чтобы разобрать оба экземпляра — ну и примитив, скажу я вам! — и поменять местами кое-какие детали, в результате чего спиленный боек оказался уже в его «стене», а внутренний механизм моего водяного пистолета, заряженный остатками «Золотого шартреза», перекочевал в твой. А теперь только посмей сказать, что тебе повезло!

— Ну чего шумишь? — примирительно улыбнулся Родс. — Разве мне не повезло, что ты так старалась ради меня?

— Да заткнись же ты наконец! — рявкнула Элен и повернулась к доктору Хорстену, склонившемуся над включенным коммуникатором.

На миниатюрном экране были видны лица Сида Джейкса и Ли Чжанчжу. Оба они выглядели несколько удивленными, если не сказать больше.

Доктор уже заканчивал рапорт:

— ... обернувшийся фарсом — это, очевидно, самое страшное для Первого Синьора и его банды, особенно накануне так называемых псевдовыборов. Едва ли следует ожидать заметных подвижек в ближайшее время, но уже в следующую предвыборную кампанию у Чезаре Маркони и его последователей может появиться реальный шанс.

— Какие еще последователи? — недоуменно спросил Джейкс — Вы же сами сказали, что он единственный ангелист на всей планете.

— Это одна из причин, по которым мы считаем необходимым продлить на неопределенный срок наше пребывание на Фьоренце, — пояснил ученый. — Нас послали сюда покончить с ангелистским движением, а получилось так, что его необходимо поддерживать. Вот увидите, скоро здесь появится настоящее подполье!

— Ах вы мои милые особые таланты! — с гордостью прошептала Ли Чжанчжу.

В тот же день, только чуть позже, все четверо вновь собрались вокруг стола в просторной гостиной апартаментов Первого Синьора в «Альберго Палаццо». Они сидели, потягивая напитки из бара и обсуждая перспективы своей будущей деятельности.

После непродолжительной дискуссии они пришли к обоюдному согласию, что пока им нечего опасаться со стороны д'Аррецо и его приспешников. Пройдет еще немалый срок, прежде чем выставленный на всенародное посмеище Первый Синьор рискнет вновь появиться на публике. А у той части населения планеты, которая еще сохранила способность к самостоятельному мышлению, будет время задуматься над тем, достойна ли существования политическая система, опирающаяся на такой анахронизм, как Дуэльный кодекс, и заслуживает ли народной поддержки режим, главным достоинством лидеров которого является искусство меткой стрельбы или владения холодным оружием.

Дальше разговор перешел на частности, касавшиеся в основном планов по созданию подпольной организации, зародышем которой должна стать их группа во главе с Чезаре Маркони. Где-то через полчаса после начала обсуждения Элен вдруг подняла руку, призывая всех к молчанию.

— Хватит трепаться, коллеги, — строго сказала она. — Настало время сыграть в одну интересную игру, которая называется «Говори правду и отвечай за последствия».

— О чем это ты? — удивился Джерри. — Кроме того, ты немножко напутала. Я с детства помню, что она называлась «Говори правду или отвечай за последствия».

— Мне больше нравится мой вариант, — сухо ответила Элен. — А теперь обратите внимание на свои бокалы. Когда я смешивала всем коктейли, то добавила в них последние три дозы скополамина.

Зорро, потемнев лицом, попытался выскочить из-за стола.

В детской ручонке агента внезапно появился очень маленький пистолет непропорционально большого калибра. Глаза ее сузились и превратились в две маленькие

щелочки.

И Дорн Хорстен, и Джерри Родс, и Зорро Хуарес были достаточно хорошо знакомы с непредсказуемым характером Элен, и, когда она рявкнула: «Сидеть смирно, любовнички!», они тотчас заняли свои места и стали ждать продолжения.

Первым подвергся допросу доктор.

— Не дрожи, не съем, — усмехнулась Элен. — Скажи-ка лучше, правильно я угадала, что во всем этом маскараде, связанном с работой на «секцию джи», ты воображаешь себя в роли бесстрашного благородного героя типа Ланселота или д'Артаньяна?

Хорстен изо всех сил стиснул зубы. Шея и лицо его страшно побагровели, но удержаться от ответа он так и не смог:

— Да.

— Ах ты самовлюбленный, романтический слон! — рассмеялась прямо ему в лицо «дочка», заставив ученого снова покраснеть — на этот раз от стыда и обиды.

Следующим оказался Джерри.

— С Дорном была только разминка, — предупредила она. — Я проверила, действует ли скоп. А с тобой у нас будет уже серьезный разговор. Твое везение? Как оно действует? Как ты сам это объясняешь? Отвечай, быстро!

Но физиономия Родса выражала совершенно искреннее недоумение, никак не связанное с воздействием «сыворотки правды». Прежде чем он успел ответить, Элен направила ствол на Зорро и сердито приказала:

— Сейчас же убери руку от своей транки! Вот так, молодец!

Потом как ни в чем не бывало снова повернулась к Джерри:

— Ну?

— Ну-у... Да не знаю я! Просто везет, вот и все!

Элен удовлетворенно кивнула:

— Очень рада за тебя. Хотя ты всю жизнь и паразитируешь на ближних, но делаешь это бессознательно, объясняя все своим пресловутым везением. А в остальном парень ты честный, хоть и с придурью.

— Что ты имеешь в виду? — не выдержал доктор Хорстен, наглядно демонстрируя, что скополамин подавляет только волю, но никак не любопытство.

— А разве не ты у нас мозговой центр? — съязвила Элен. — Давно мог бы и сам догадаться, что наш юный везунчик на подсознательном уровне обладает едва ли не всеми пси-способностями, существующими в природе! Начиная от телекинеза, позволяющего укладывать монетку нужной стороной и направлять даже намагниченный шарик рулетки на выигрышный номер, и заканчивая телепатией и ясновидением. Не исключено, что он и будущее умеет предвидеть. И все это подсознательно! С другой стороны, насколько мне известно, пси-способности частенько проявляются именно таким образом, и тогда люди воображают себя колдунами, ведьмами, медиумами и прочими экстрасенсами.

Дуло пистолета уставилось в грудь Зорро Хуареса.

— А сейчас, коллеги, переходим к настоящей правде и ее последствиям. Не трогай транку, любовничек, кому говорю! Пришла твоя очередь отвечать на вопросы. Зачем ты пошел на службу в «секцию джи»?

Костяшки сжатых в кулак пальцев Зорро побелели, ногти с силой впились в ладони. С висков по щекам потекли тонкие струйки пота.

— Отвечай! — Голос Элен звучал холодно и невыразительно, но оружие в руке ни разу не дрогнуло.

— Чтобы... побольше... узнать... о... Рассветных... мирах.

— Зачем тебе понадобились эти сведения?

Дыхание Хуареса резко участилось и стало прерывистым.

— Я... работаю... на... синдикат... который... хочет... найти... эти миры... и выкрасть... у рассветников... конвертеры... и генераторы энергии.

Плечи его поникли, голова упала на грудь.

— Выходит, все твои рассказы о повышенном интересе фьорентийцев к Рассветным мирам были плодом твоего воображения? Ты все это выдумал, чтобы вывести недостающие подробности у нас и у Сиды Джейкса?

— Да.

— Ну и дерьмо же ты, любовничек! — брезгливо скривилась Элен. — А теперь слушай меня. Сначала ты нам выдашь всю информацию о твоём синдикате. Это ведь твои сообщники выкрали из кабинета Бронстона карту с координатами после того, как узнали от тебя о её существовании. Думаю, этого будет достаточно, чтобы Сид Джейкс и Ли Чжанчжу отследили и арестовали всю вашу шайку. А потом я закачу тебе такую дозу препарата для промывки мозгов, что ты навсегда забудешь не только о «секции джи», но и о том, чему тебя учили в начальной школе!